

ГЕЙДАР АЛИЕВ
ОТЦЕНАЦИОНАЛЬНЫЙ ЛИДЕР
АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО НАРОДА

Çap için değil

**ЧИНГИЗ БЕДАЛОВ, НАИЛЯ БЕДАЛОВА,
ОЛЬГА ЕВТУШЕНКО, САКИНА МЕЛИКОВА**

ЛИТЕРАТУРА 8

УЧЕБНИК

по предмету Литература для 8-го класса
общеобразовательных школ

Замечания и предложения, связанные с этим
изданием, просим отправлять на электронные адреса:

kovsershriyyat@gmail.com и derslik@edu.gov.az

Заранее благодарим за сотрудничество!

**Издательство “KÖVSƏR”
БАКУ — 2017**

О Г Л А В Л Е Н И Е

Книга в нашей жизни	5
---------------------------	---

I «ДЕЛА ДАВНО МИНУВШИХ ДНЕЙ...» (А. С. ПУШКИН)

Китаби Деде-Горгуд	6
Теория литературы. Сюжет и композиция	12
А. С. Пушкин. «Капитанская дочка»	14
Курбан Саид. «Али и Нино»	47
А. Т. Твардовский. «Василий Тёркин»	64

II «И ДЫМ ОТЕЧЕСТВА НАМ СЛАДОК И ПРИЯТЕН...»

(А. С. ГРИБОЕДОВ)

М. Ю. Лермонтов. «Мцыри»	70
Наби Хазри. «Город моей судьбы»	76
Дж. Новруз. «Есть на земле одна страна...»	78
В. А. Кафаров «Азербайджан, Страна огней, Отчизна...»	81

III «КТО НЕ ЗНАЛ ЛЮБВИ, ТОТ ВСЁ РАВНО ЧТО НЕ ЖИЛ»

(Ж. Б. МОЛЬЕР)

Мухаммед Физули. «Лейли и Меджнун»	83
Драма	96
У. Шекспир. «Ромео и Джульетта»	97
О. Генри. «Дары волхвов»	113

IV «ВЕСЬ МИР – ТЕАТР, И ЛЮДИ В НЁМ АКТЁРЫ» (У. ШЕКСПИР)

Виды комического	118
Н. В. Гоголь. «Ревизор»	119
М. Ф. Ахундзаде. «Молла-Ибрагим-Халил, алхимик, обладатель философского камня»	122

V «СМЕЯТЬСЯ, ПРАВО, НЕ ГРЕШНО НАД ТЕМ, ЧТО КАЖЕТСЯ СМЕШНО» (Н. М. КАРАМЗИН)

А. П. Чехов. «Злоумышленник»	164
Дж. Мамедгулузаде. «Почтовый ящик»	169
Дж. К. Джером. «Трое в лодке, не считая собаки»	176

VI «ВООБРАЖЕНИЕ ВАЖНЕЕ, ЧЕМ ЗНАНИЕ» (А. ЭЙНШТЕЙН)

А. де Сент-Экзюпери. «Маленький принц»	180
Дж. Роулинг. «Гарри Поттер и кубок огня»	191

VII «СТИХОТВОРНЫЕ РЕЧИ – ВОЗВЫШЕННОЙ ТАЙНЫ ЗАВЕСА – ТЕНЬ РЕЧЕНИЙ ПРОЛОЧНЫХ. ВНИКНИ. ПОЛНЫ ОНИ ВЕСА» (НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ)

Маузо Басё	200
М. Мушфиг. «Амаз»	202
Б. Л. Паскаль. «Единственные дни»	204
Н. З. Хаким. «Самое лучшее море...»	205
Поэтические эксперименты	206

КНИГА В НАШЕЙ ЖИЗНИ

Дорогой друг! В этом году ты познакомишься с творчеством писателей и поэтов, чьи произведения ты уже читал, а также с произведениями тех авторов, которые тебе ещё неизвестны. Ты узнаешь много интересного об истории создания этих произведений, об эпохе, в которую жили и творили авторы, получишь представление о литературоведении – науке о литературе. Пусть этот учебник станет твоим верным другом, с которым ты сможешь облететь нашу необъятную планету, словно на машине времени отправиться в прошлое, постичь тайны творчества великих писателей и поэтов. Он поможет тебе в трудной ситуации, даст мудрый совет. С ним ты не будешь чувствовать себя одиноким. В добрый путь!

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Рассмотрите картинки. Выберите наиболее необычную, на ваш взгляд, книгу. Объясните свой выбор. Найдите в Интернете информацию о необычных книгах, обсудите её с одноклассниками.

2. Прочитайте высказывания. Какие из них вам больше всего понравились? Проведите дискуссию по одному из этих высказываний.

1. Порой навечно людям остаётся с коротким изречением. В коротком слове мудрость к нам пробьётся, хоть век назад слетела с языка. (М. Ш. Вазех) 2. Я слово солнцем назову – других сравнений нет! (М. А. Сабир) 3. Любите книгу всей душой! Она не только ваш лучший друг, но и до конца верный спутник. (Э. Хемингуэй) 4. Книга жизни способна лишь в том случае, если дух её устремлён в будущее. (С. Багдасарян) 5. В книгах заключено особое очарование; они разговаривают с нами, дают нам добрый совет, они становятся живыми друзьями для нас. (Ф. Петрарка)

3. Прочитайте пословицы. Обсудите их. Какие ещё пословицы о книгах вы знаете? Найдите в Интернете или в библиотеке информацию о собирателе азербайджанских пословиц А. Гусейнзаде. Подготовьте сообщение о нём.

1. Книга в счастье украшает, а в несчастье утешает. 2. В книге ищи не буквы, а мысли. 3. Из глубины моря достают жемчуг, из глубины книг черпают

знания. 4. Ум без книги, что птица без крыльев.

4. Рассмотрите фотографии. Найдите в Интернете информацию о древних и современных библиотеках. Проведите виртуальную экскурсию в одну из них. Подготовьте презентацию о Национальной библиотеке им. М. Ф. Ахундзаде.

Пражская национальная библиотека

Парламентская библиотека. Канада

Это интересно!

Самая таинственная книга в мире – рукопись Войнича, написанная неизвестным автором на неизвестном языке с использованием неизвестного алфавита. До сих пор никому не удалось расшифровать её. Учёные установили, что рукопись создана в начале XV века. Книга носит имя антиквара Вилфрида Войнича, который приобрёл её в 1912 году.

1. «ДЕЛА ДАВНО МИНУВШИХ ДНЕЙ...» (А.С. ПУШКИН)

КИТАБИ ДЕДЕ-ГОРГУД

Дастан «Китаби Деде-Горгуд» – письменный литературный памятник, духовной культуры нашего народа. Сохранились две рукописи дастана, одна из которых находится в Дрездене, другая – в Ватикане. Часть дрезденской рукописи впервые в 1815 году опубликовал немецкий востоковед Фридрих фон Дитц. В 2000 году в Баку торжественно отмечался 1300-летний юбилей «Китаби Деде-Горгуд».

В дастане в поэтической форме рассказывается о героическом прошлом огузских племён, их мужественной борьбе с врагами. Это были кочевые племена, мало зависевшие от духовенства и феодалов. Сказители (озаны) почитались ими как мудрые советники, отражавшие интересы и чаяния народа. Таким мудрым сказителем и был Деде Горгуд, который слагал песни в честь богатырей, прославляя их подвиги. Дастан состоит из введения и 12-ти песен, 10 из которых представляют собой единый цикл о героических подвигах огузских богатырей. Каждая песня имеет самостоятельный и законченный сюжет, повествующий о подвиге того или иного богатыря. В дастане упоминаются названия городов, крепостей, рек и озёр сегодняшнего Азербайджана.

КНИГА ОТЦА НАШЕГО ГОРГУДА

Предислание

Близко ко времени пророка благословенного из племени Баят вышел некий муж, и звали его Отец Горгуд. Среди огузов был он самым знающим человеком. Что ни скажет, всё сбывалось; о неведомом ведал, о несказанном сказывал. Бог всеправый его одарил озарением.

Все затруднения огузов Отец Горгуд разрешал. Какое бы ни было дело, а без совета его оно не решалось. Что ни сказывал, всё исполнялось. Дело словом его держалось, всё признавалось.

Песнь первая о сыне Дирсе-хана, о Бугач-хане поведает

Хан Баяндур, над ханами хан, раз в году пир затевал, беков огузов в гости сзывал. Где белый шатёр, где красный, где чёрный шатёр ставить велит и так говорит:

— У кого ни сына, ни дочери — того в чёрный шатёр сажайте... Того бог всемогущий проклял и мы проклинаем... У кого сын, того в белый шатёр, у кого дочь, того в красный шатёр.

Был один бек, по имени Дирсе-хан, и не было у него ни сына, ни дочери. Дирсе-хан сорок джигитов с собою берёт, на пир, на беседу к Баяндур-хану идёт. Его встречают, в чёрный шатёр сажают (Обидавшись, Дирсе-хан уходит с пира). Пришёл Дирсе-хан домой, стал говорить с женой.

— И хочу я знать, почему всевышний не может единственного сына нам дать?

Отвечала жена:

— Не гневись, Дирсе-хан! Не карай! Горьким словом, обидевшись, не упрекай!.. Созови на пир весь огузский мир. О сокровенном молись. Буде дойдёт наша молитва до Всесильного, пошлёт он нам потомка желанного.

Дирсе-хан по слову супруги на великий пир не скупился. О сокровенном молился. И услышал всевышний молитву их общую и послал ему божье потомство желанное.

...Потомок растёт, как скачет во весь опор, не угнаться. Вот испол-

нилось мальчику пятнадцать. Однажды сменил кочевье отец мальчугана, вступил в орду Баяндур-хана.

Был у Баяндур-хана бык-бугай здоровый... Раз по весне, раз по осени бугая с верблюдом стравливали. Баяндур-хан с великими беками всех огузов на зрелище это глядели да тешились.

Вывели раз по весне бугая на середину майдана. А там-то сынок Дирсе-хана и ещё из орды с ним три мальчика в бабки играли. Трое мальчишек прочь побежали. Сын Дирсе-хана не побежал.

...А парень-то скок, выхватил нож и взмахом быку голову-то отсёк.

Отец наш Горгуд явился, сказал:

– Будь же и сын твой по подвигам славным наречён Бугач-ханом.

...Дал Дирсе-хан сыну власть и престол. Сын на престол вступил, сорока джигитам отца своего не угодил. Стали сорок джигитов завидовать, на славу его зариться, стали друг с другом сговариваться:

– Пойдём, отцу на сына донесём...

(Поверил клевете Дирсе-хан и по совету клеветников решил убить сына на охоте). Поразила сына его стрела, и юноша на землю упал. (Воротившись с охоты, сорок злодеев обманывают мать Бугач-хана).

– Жив-здоров твой сынок. Он охотился. Не сегодня, так завтра воротится. Дирсе-хана жена не смирилась... На коня села верхом и на поиски сына пустилась. Прискакала мать к Казылык-горе. Смотрит, видит: сыночек в крови лежит. Дошёл её плач до сыновнего слуха. Он очнулся и говорит:

– Пророк Ильяс ко мне приходил, говорил: исцелит тебя горный цветок и молоко материнское...

...В сорок дней раны юноши исцелились. А Дирсе-хан и не знает, сына мёртвым считает.

(Сорок злодеев, боясь разоблачения, уводят в плен Дирсе-хана. Узнав от матери о такой беде, Бугач-хан отправляется на помощь отцу и спасает его).

Хан Баяндур дал Бугач-хану чин бека, престол дал...

Песнь четвертая

о пленении сына Казан-бека Уруза поведает

...Хлебосольство широко в степи, кто пришёл к Казан-беку, открывается. Как направо взглянул Казан, громко захохотал. Как налево взглянул Казан – возликовал. Пред собою прямо сына Уруза как увидел, от досады хлопнул ладонь о ладонь, а потом зарыдал. Не понравилось это его сыну Урузу:

В чём причина, что ты зарыдал, мне ответь!

– Сын, шестнадцати лет ты достиг, а мужчиной не стал, – отвечает отец. И отвечал ему тогда Уруз:

– Что я видел, отец, от тебя и чему бы я мог научиться? Хлопнул ладонь о ладонь Казан-бек, захохотал. И сказал:

– Те места, где я стрелы метал, сыну я покажу... Беру сына на гяуров границу...

А между тем из крепости лазутчик глядит на них... И шестнадцать тысяч гяуров¹ в чёрных одеждах коней седлают, на Казана в поход выступают...

Ряд лучников встал. И кто-то из них лихого коня под Урузом стрелой поразил. Гяуров было много больше... Так Уруз в плену очутился. А Казан об этом не знал. Он на другом краю поля бился и уже считал, что верх над врагом одержал.

(И рассердился отец, подумав, что сын к матери убежал).

Скоро Казан в стойбище своём оказался. Ханская дочь, госпожа Бурла Высокорослая, Казана встречает, а сыночка Уруза не видит она. Понял Казан, что нет сына в стойбище, словно ума лишился.

(Отправляется Казан искать сына).

Мать, хотя ничего не знает, тайно от всех приходит туда, где битва была. Видит – товарищи-джигиты сына её – все перебиты. И тогда поняла, что сын у гяуров в плену.

У гяуров тогда у Дербентских ворот поселение было. Они Уруза у ворот на пороге вниз лицом решили положить, чтоб входящий его пинал и выходящий пинал.

И только они на порог поперёк его положили, как появляется в клубах дыма Казан.

...А тут и огузские богатыри на помощь пришли... Пятнадцать тысяч гяуров, кого убили, кого полонили... Госпожа Бурла Высокорослая чёрный стяг гяуров мечом разрубила, в землю втоптала.

Выручил сынка своего Казан...

Отец наш Горгуд пришёл, песню радостную завёл. Это сказание, огузов предание, он и спел...

Песня древняя

об отложении Дальних огузов от Ближних огузов и убиении

Бетрека поведает

Как собирались два рода-племени, племя Трёх стрел, племя Сломанных стрел, ставал Казан свой дом на раздел его.

Только Дальний огуз при том не был. Всё разграбил Ближний огуз.

¹ Гяур – пренебрежительное название немусульманина у исповедующих ислам.

Беки Дальних огузов озлились, тем вражду свою проявили.
Попросил Казан близкого ему человека по имени Кылбаш разузнать, уж не распрю ль они замышляют.

Кылбаш к дядьке Казана Арузу пришёл. А Аруз говорит:

– Не поможем ему, если при разделе дома своего он нами пренебрегает! Мы Казану враги, передай, пусть он знает!

Собрал Аруз беков, рассказал им обо всём.

– Мы друзья твоим друзьям, мы враги твоим врагам! – так они все сказали. Аруз халатами беков всех одарил и снова заговорил:

– Беки! Теперь я хочу сказать о Бейреке! У него жена из нашего племени. Он нам зять. Но Казана доверенный человек... Бейрека, если он против нас, надо убрать. Если он с нами – тогда в нашем деле с Казаном можно ждать и успеха. (По приглашению Аруза Бейрек приезжает к нему. Но, узнав, что его склоняют к измене, сказал, что не отречётся от Казана). Тут Аруз от гнева так распалился, что Бейрека мечом поражает. Перед смертью Бейрек просит, чтобы Казан отомстил за него.

...Казан щит над собою поднял, копьё в руки взял. Лицом к лицу с Арузом встал и сказал:

– Ах, негодяй! Вот уж мне придётся тебе показать, как подлым коварством мужей убивать!

Грудь Аруза копьём насквозь он пронзает. На землю с коня Аруз-Коджа летит, и брат Казана срубил ему голову.

Видя дело такое, беки Дальних огузов все разом с коней послезали, в ноги Казану упали, простить им вину умоляли...

Казан их вину простил. За кровь Бейрека дядьке он отомстил.

В стан Аруза они поспешили, всё разграбили, всех истребили, муж беков, джигитов добычу свою разделили.

И опять на зелёном лугу забелели Казана шатры. И опять заливал он в шатре своём бекам пиры.

Отец наш Горгуд приходил, победную песнь заводил. Об испытаньях, на долю воителей выпавших, он рассказывал...

(Перевод А. Ахундовой)

ВСПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Объясните, как вы понимаете словосочетания *распря замышляют*, *застыться на славу*, *чёрный стяг*. В случае необходимости обратитесь к словарю.

2. Как в данном тексте изображены отношения между членами общины? Что им помогало одерживать победы над врагами?

3. Дополните кластер.

4. Какие человеческие качества осуждаются в дастане, а какие прославляются? Установите соответствие между героями и их качествами.

Подлость
Зависть
Самоотверженность
Храбрость
Измена
Гнев
Любовь

Дирсе-хан
Бугач-хан
жена Дирсе-хана
Бурла Высокоролая
Аруз
Бейрек
Сорок джигитов

5. Какие нравственные ценности воспеваются в дастане? Перескажите песню, которая понравилась вам больше всего.

6. Представьте себе, что вы встретились с Деде Горгудом. О чём бы вы хотели поговорить с ним? Какие вопросы задали бы ему? Подготовьте эти вопросы.

7. Сравните дастаны «Деде Горгуд» и «Кёроглу». Составьте диаграмму Венна.

8. Рассмотрите памятники дастану «Деде Горгуд», которые установлены в Баку и Нахчыване. Какой из них вам больше понравился? Почему?

Нахчыван

Баку

9. Проведите фольклорный турнир. Посоревнуйтесь, кто назовёт больше произведений и жанров азербайджанского устного народного творчества.

10. Изучите интеллект-карту «Эпосы народов мира» по данной ссылке <http://saareajangu.zeebly.com/10691087108610891099-1085107210881086107610861074-1084108910881072.html> Найдите в Интернете информацию об одном из эпосов по вашему выбору и подготовьте презентацию.

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. СЮЖЕТ И КОМПОЗИЦИЯ

Литературоведение – наука о художественной литературе. Она занимается изучением, анализом и оценкой творчества писателей. Составной частью литературоведения является теория литературы. В предыдущих классах вы уже получили представление о таких понятиях, как **литературный род и жанр, изобразительно-выразительные средства, стихотворный размер**.

Любое литературное произведение представляет собой сложное целое. Помимо жанровых особенностей, произведения отличаются друг от друга сюжетом и композицией.

Сюжет – система событий в произведении, раскрывающая характеры действующих лиц, их взаимоотношения и поступки. Ключевые события называются **элементами сюжета**. Сюжет характерен, как правило, для эпических и драматических (сценических) произведений. В его основе лежит **конфликт** – столкновение характеров, сил, идей, принципов. К **элементам сюжета** относятся: а) **экспозиция** – часть произведения, предшествующая завязке, изображение обстановки до начала конфликта; б) **завязка** – начало конфликта; в) **развитие действия** – эпизоды, расположенные между завязкой и кульминацией, движение основного конфликта; г) **кульминация** – высшая точка в развитии конфликта; д) **развязка** – завершение конфликта, заключительный момент в развитии действия.

Рассмотрим элементы сюжета изученного вами в прошлом году рассказа А. П. Чехова «Толстый и тонкий».

Экспозиция – описание 2-х приятелей.

Завязка – неожиданная встреча, которую сопровождают радостные восклицания.

Развитие действия – воспоминания о детстве и рассказ о жизни.

Кульминация – известие, полученное «тонким» о чине «толстого».

Развязка – резкое изменение в поведении «тонкого».

Композиция – построение художественного произведения, расположение его частей, эпизодов, сцен. Повествование в произведении может строиться в хронологической последовательности, но может и нарушать её.

В произведение могут быть включены эпизоды, не связанные с сюжетом. Они называются **элементами композиции**:

монолог – речь персонажа, обращённая к самому себе или к окружающим;

диалог – разговор двух или нескольких персонажей;

портрет – изображение внешности героя;

интерьер – описание помещений (важное место при описании порт-

рета или интерьера может иметь художественная деталь – неповторимая особенность, которая становится важной чертой образа);

пейзаж – изображение в литературном произведении картин природы как средство образного выражения замысла автора.

авторская характеристика – оценка автором персонажей или событий;

лирическое отступление – выражение автором своих мыслей и чувств в эпическом или лиро-эпическом произведении;

вводный эпизод – эпизод, который не связан с сюжетом, но отражает идею произведения и способствует её пониманию;

художественное обрамление – сцены (картины), начинающие и заканчивающие основное действие в произведении, несущие определённую смысловую нагрузку;

художественное предварение – изображение эпизодов, предваряющих дальнейшее развитие действия, намекающих на возможный исход событий.

Рассмотрим элементы композиции изученных в 7-ом классе произведений. Портрет, монолог, диалог, авторская характеристика, художественное предварение (предсказание смерти Павлуши и сама смерть), вводные эпизоды (рассказы детей) и пейзаж – все эти элементы есть в рассказе И. С. Тургенева «Бежин луг», а интерьер – в рассказе «Той победной весной» Г. Аббасаде (описание комнаты в немецком доме, где во время войны советские солдаты остановились на постой).

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какой эпизод можно назвать кульминацией в Песне четвёртой дастана «Китаби Деде-Горгуд»? Почему?

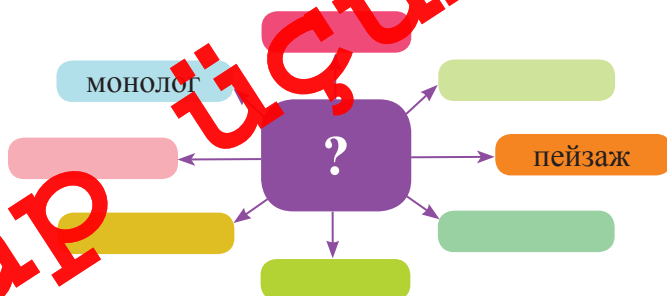
2. Какой эпизод можно назвать экспозицией в Песне третьей дастана? Развязкой – в двенадцатой?

3. Какие элементы композиции представлены в дастанах?

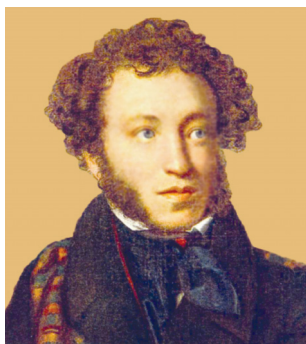
4. Какой композиционный приём использован в конце каждой песни?

5. Определите, какое понятие должно находиться в центре кластера.

Дополните кластер недостающими понятиями.

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН (1799-1837)

Тема народа и власти всегда волновала А. С. Пушкина. «Холерные» бунты, разгоревшиеся в связи с эпидемией в начале 30-х годов, напомнили времена Пугачёва. Доведённый до отчаяния народ жестоко мстил за своё бесправие. Увлечённый историей, Пушкин вернулся на службу в иностранную коллегию, чтобы получить возможность работать в архивах. Через год появилась рукопись с планом будущего произведения, в котором упоминался Шванвич – офицер, перешедший на сторону Пугачёва. Так начиналась работа над повестью «Капитанская дочка», опубликованной в 1836 году в журнале «Современник», который был создан самим Пушкиным.

Писатель проделал огромную работу: изучал архивные материалы о пугачёвском восстании, совершал поездки по местам мятежа, встречался с очевидцами. Чуть ранее он написал «Историю Пугачёва», поменяв по приказу царя Николая I название на «Историю пугачёвского бунта», так как царь считал, что «преступники перед престолом не могут иметь своей истории».

В повести «Капитанская дочка» А.С. Пушкин показал жестокость Пугачёва, но не упомянул и о сотой доли тех зверств, которые зафиксировал в «Истории Пугачёва». Трудно объяснить почему, но «Пушкин-историограф был побит Пушкиным-поэтом» – так считала Марина Цветаева, для которой «Капитанская дочка» стала самой любимой книгой только благодаря «мужу с чёрной бородой». По её мнению, сам Пушкин был очарован этой личностью, поэтому и показал его не низким злодеем, а «великодушным мужичьим царём».

Вам уже известны жанры эпического рода, к которым относятся и **повесть** – средний по объёму жанр. В отличие от рассказа, который освещает одно событие, повесть больше по объёму и раскрывает больше тем.

КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА

Береги честь смолоду.
Пословица

Глава I. Сержант гвардии

...был бы гвардии он завтра ж капитан.
– Того не надобно; пусть в армии послужит.
– Изрядно сказано! пускай его потужит...
.....
Да кто его отец?

Княжнин

Пётр Гринёв родился в семье отставного майора и был единственным сыном. Он с детства воспитывался под руководством дядьки, крепостного Савельича, так 12-ти годам выучился грамоте. Затем ему наняли гувернёра –

француза Бопре, который в своём отечестве был парикмахером и мало смыслил в науке. С 16-ти лет отец решает отправить юного «недоросля» в армию, на прощание дав напутствие: «Служи верно, кому присягнёшь; слушайся начальников... на службу не напрашивайся; от службы не отговаривайся; и помни пословицу: береги платье снову, а честь смолоду». В Симбирске Гринёв с Савельичем останавливаются в трактире, где Гринёв, в отсутствие дядьки, знакомится с офицером Зуриным, которому проигрывает на бильярде 100 рублей. С трудом забрав деньги у Савельича и отдав долг Зурину, юный Гринёв выезжает из Симбирска.

Глава II. Вожатый

*Сторона ль моя, сторонушка,
Сторона незнакомая!
Что не сам ли я на тебя зашёл,
Что не добрый ли да меня конь завёз:
Завезла меня, доброго молодца,
Прытость, бодрость молодецкая
И хмелинушка кабацкая.*

Старинная песня

Дорожные размышления мои были не очень приятны. Проигрыш мой, по тогдашним ценам, был немаловажен. Я не мог не признаться в душе, что поведение моё в Симбирском трактире было глупо, и чувствовал себя виноватым перед Савельичем. Всё это меня мучило. Старик угрюмо сидел на облучке, отворотясь от меня, и молчал, изредка только побрякивая. Я непременно хотел с ним помириться, и не знал с чего начать. Наконец я сказал ему: «Ну, ну, Савельич! Полно, помиримся, виноват; вижу сам, что виноват. Я вчера напроказил, а тебя напрасно обидел. Обещаюсь впредь вести себя умнее и слушаться тебя. Ну, не сердись; помиримся».

— Эх, батюшка Пётр Андреич! — отвечал он с глубоким вздохом. — Сержусь-то я на самого себя; сам я кругом виноват. Как мне было оставить тебя одного в трактире! Что делать? Грех попутал: вздумал заорести к дьячихе, повидаться с кумою. Так-то: зашёл к куме, да и пошел в тюрьму. Беда да и только! Как покажусь я на глаза господам? Что скажут они, как узнают, что дитя пьёт и играет. Чтоб отплатить одному Савельича, я дал ему слово впредь без его согласия не расплагаться ни одною копейкою. Он мало-помалу успокоился, хотя всё ещё изредка ворчал про себя, качая головою: «Сто рублей! Делко ли дело!»

Я приближался к месту моего назначения. Вокруг меня простирались печальные пустыни, перекопанные холмами и оврагами. Всё покрыто было снегом. Солнце садилось. Кибитка ехала по узкой дороге, или точнее по следу, проложенному крестьянскими санными. Вдруг ямщик стал поглядывать в сторону, и наконец, сняв шапку, оборотился ко мне и сказал: «Барин, не прикажешь ли воротиться?»

– Это зачем?

– Время ненадёжно: ветер слегка подымается; – вишь, как он сметает порошу.

– Что ж за беда!

– А видишь там что? (Ямщик указал кнутом на восток.)

– Я ничего не вижу, кроме белой степи да ясного неба.

– А вон – вон: это облачко.

Я увидел в самом деле на краю неба белое облачко, которое принял было сперва за отдалённый холмик. Ямщик изъяснил мне, что облачко предвещало буран. Я слышал о тамошних метелях, и знал, что целые обозы бывали ими занесены. Савельич, согласно со мнением ямщика, советовал воротиться. Но ветер показался мне не силён; я понадеялся добраться заблаговременно до следующей станции, и велел ехать скорее.

Ямщик поскакал; но всё поглядывал на восток. Лошади бежали дружно. Ветер между тем час от часу становился сильнее. Облачко обратилось в белую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облегала небо. Пошёл мелкий снег – и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгновение тёмное небо смешалось со снежным морем. Всё исчезло. «Ну, барин, – закричал ямщик – беда: буран!»...

Я выглянул из кибитки: всё было мрак и вихорь. Ветер выл с такой свирепой выразительностью, что казался одушевлённым; снег засыпал меня и Савельича; лошади шли шагом – и скоро стали.

– «Что же ты не едешь?» – спросил я ямщика с нетерпением. – «Да что ехать? – отвечал он, слезая с облучка, – невесть и так куда заехали: дороги нет, и мгла кругом». Я стал было его бранить. Савельич за него заступился. «И охота было не слушаться, – говорил он сердито, – поротился бы на постоянный двор, накушался бы чаю, почивал бы себе до утра, буря б утихла, отправились бы далее. И куда спешим? Добро бы на свадьбу!» Савельич был прав. Делать было нечего. Снег так и валил. Около кибитки подымался сугроб. Лошади стояли, понурая голову и изредка вздрагивая. Ямщик ходил кругом, от нечего делать улаживая упряжь. Савельич ворчал; я глядел во все стороны, надеясь увидеть хоть признак жила или дороги, но ничего не мог различить, кроме мутного кружения метели... Вдруг увидел что-то чёрное. «Эй, ямщик! – закричал я, – смотри: что там такое чёрнее?» Ямщик стал всматриваться. «А бог знает, барин, – сказал он, – ядась на своё место, – воз не воз, дерево не дерево, а кажется, что шевелится. Должно быть, или волк, или человек».

Я приказал ехать на незнакомый предмет, который тотчас и стал подвигаться нам навстречу. Через две минуты мы поравнялись с человеком. – Гей, добрый человек! – закричал ему ямщик. – Скажи, не знаешь ли где дорога?

– Дорога-то здесь; я стою на твёрдой полосе, – отвечал дорожный, – да что толку?

– Послушай, мужичок, – сказал я ему, – знаешь ли ты эту сторону? Возьмёшься ли ты довести меня до ночлега?

– Сторона мне знакомая, – отвечал дорожный, – слава богу, исхожена и изъезжена вдоль и поперёк. Да, вишь, какая погода: как раз собьёшься с дороги. Лучше здесь остановиться да переждать, авось буран утихнет да небо прояснится: тогда найдём дорогу по звёздам.

Его хладнокровие ободрило меня. Я уж решился... ночевать посреди степи, как вдруг дорожный сел проворно на облучок¹ и сказал ямщику: «Ну, слава богу, жило недалёко; сворачивай вправо да поезжай».

– А почему мне ехать вправо? – спросил ямщик с неудовольствием. – Где ты видишь дорогу? Небось: лошади чужие, хомут не свой, погоняй не стой. – Ямщик казался мне прав. «В самом деле, – сказал я, – почему думаешь ты, что жило недалече?» – «А потому, что ветер оттоле потянул, – отвечал дорожный, – и я слышу, дымом пахнуло; знать, деревня близко». Сметливость его и тонкость чутья меня изумили. Я велел ямщику ехать. Лошади тяжело ступали по глубокому снегу. Кибитка тихо подвигалась, то въезжая на сугроб, то обрушаясь в овраг и переваливаясь то на одну, то на другую сторону... Савельич охал, поминутно толкаясь о мои бока. Я опустил циновку, закутался в шубу и задремал...

Мне приснился сон, которого никогда не мог я позабыть и в котором до сих пор вижу нечто пророческое, когда соображаю с ним странные обстоятельства моей жизни... Я находился в том состоянии чуждым и чужим, когда существенность, уступая мечтаньям, сливается с ними в неясных видениях первосония. Мне казалось, буран ещё свирепствовал, и мы ещё блуждали по снежной пустыне... Вдруг увидел я ворота и въехал на барский двор нашей усадьбы. Первою мыслью моею было опасение, чтобы батюшка не прогневался на меня за своёвольное возвращение под кровлю родительскую и не почёл бы его умышленным ослушанием. С беспокойством я выпрыгнул из кибитки и вижу: матушка встречает меня на крыльце с видом глубокого огорчения. «Тише, – говорит она мне, – отец болен при смерти и желает с тобою проститься». Поражённый страхом, я иду за нею в спальню. Вижу, комната слабо освещена; у постели стоят люди с печальными лицами. Я тихонько подхожу к постеле; матушка

¹Облучок – это деревянная скрепа, идущая по краям телеги, повозки или огибающая верхнюю часть саней.

приподымает полог и говорит: «Андрей Петрович, Петруша приехал; он воротился, узнав о твоей болезни; благослови его». Я стал на колени и устремил глаза мои на больного. Что ж?.. Вместо отца моего, вижу в постеле лежит мужик с чёрной бородою, весело на меня поглядывая. Я в недоумении оборотился к матушке, говоря ей: «Что это значит? Это не батюшка. И к какой мне стати просить благословения у мужика?» «Всё равно, Петруша, — отвечала мне матушка, — это твой посажённый отец; поцелуй у него ручку, и пусть он тебя благословит...» Я не соглашался. Тогда мужик вскочил с постели, выхватил топор из-за спины и стал махать во все стороны. Я хотел бежать... и не мог; комната наполнилась мёртвыми телами; я спотыкался о тела и скользил в кровавых лужах... Страшный мужик ласково меня кликал, говоря: «Не бойсь, подойди под моё благословение...» Ужас и недоумение овладели мною... И в эту минуту я проснулся; лошади стояли; Савельич дёргал меня за руку, говоря: «Выходи, сударь: приехали».

— Куда приехали? — спросил я, протирая глаза.

«На постоялый двор. Господь помог, наткнулись прямо на забор. Выходи, сударь, скорее, да обогрейся».

Хозяин встретил нас у ворот, держа фонарь под полою, и ввёл меня в горницу, тесную, но довольно чистую; лучина освещала её.

— Где же вожатый? — спросил я у Савельича.

«Здесь, ваше благородие», — отвечал мне голос сверху. Я взглянул на полати¹ и увидел чёрную бороду и два сверкающие глаза. «Что, брат, прозяб?» — «Как не прозябнуть в одном худеньком армяке! Был тулуп, да что греха таить? заложил вечер у целовальника²: мороз показался не велик». В эту минуту хозяин вошёл с кипящим самоваром; я предложил вожатому нашему чашку чаю... Наружность его показалась мне замечательна: он был лет сорока, росту среднего, худощав и широкоплеч. В чёрной бороде его показывалась проседь; живые большие глаза так и бегали. Лицо его имело выражение довольно приятное, но плутовское. Волоса были обстрижены в кружок; на нём был оборванный армяк и татарские шаровары. Я поднёс ему чашку чаю; он свёдал и поморщился. «Ваше благородие, сделайте мне такую милость — прикажите поднести стакан вина; чай не наше казацкое питье». Усмехотой исполнил его желание. Хозяин вынул ... стакан, подошёл к нему и, взглянув ему в лицо: «Эхе, — сказал он, — опять ты в наше краё! Отколе бог принёс?» Вожатый мой мигнул значительно и отмахал поговоркою: «В огород летал, конопли клевал; швырнула бабушка камушком — да мимо. Ну, а что ваши?»

— Да что чашка! — отвечал хозяин, продолжая иносказательный раз-

¹Полати — (сезар.) — матрасы для спанья под потолком в избе между печью и стеной.

²Целовальник — (устар.) в России продавец в питейном заведении, кабаке.

говор. – Стали было к вечерне¹ звонить, да попадья не велит: поп в гостях, черти на погосте².

«Молчи, дядя, – возразил мой бродяга, – будет дождик, будут и грибки; а будут грибки, будет и кузов. А теперь (тут он мигнул опять) заткни топор за спину: лесничий ходит. Ваше благородие! за ваше здоровье!» – При сих словах он взял стакан, перекрестился и выпил одним духом...

Я ничего не мог тогда понять из этого воровского разговора, но после уж догадался, что дело шло о делах Яицкого войска, в то время только что умирённого после бунта 1772 года. Савельич слушал с видом большого неудовольствия. Он посматривал с подозрением то на хозяина, то на вожатого. Постоялый двор... находился в стороне, в степи, далече от всякого селения, и очень походил на разбойническую пристань. Но делать было нечего. Нельзя было и подумать о продолжении пути. Беспокойство Савельича очень меня забавляло. Между тем я расположился ночевать и лёг на лавку. Савельич решил убраться на печь; хозяин лёг на полу. Скоро вся изба захрапела, и я заснул, как убитый.

Проснувшись поутру довольно поздно, я увидел, что буря утихла. Солнце сияло. Снег лежал ослепительной пеленою на необозримой степи. Лошади были запряжены. Я расплатился с хозяином, который взял с нас такую умеренную плату, что даже Савельич с ним не заспорил и не стал торговаться по своему обыкновению, и вчерашние подозрения изгладились совершенно из головы его. Я позвал вожатого, благодарил за оказанную помощь и велел Савельичу дать ему полтину на водку. Савельич нахмурился. «Полтину на водку! – сказал он, – за что это? За то, что ты же изволил подвезти его к постоялому двору? Воля твоя, сударь: нет у нас лишних полтин. Всякому давать на водку, так самому скоро придётся голодать». Я не мог спорить с Савельичем. Денёги, по моему обещанию, находились в полном его распоряжении. Мне было досадно.., что не мог отблагодарить человека, выручившего меня, если не из беды, то по крайней мере из очень неприятного положения. «Хорошо, – сказал я хладнокровно, – если не хочешь дать полтину, то вынь ему что-нибудь из моего платья... Дай ему мой заячий тулуп».

– Помилуй, батюшка Пётр Андреич! – сказал Савельич. – Зачем ему твой заячий тулуп? Он его пропью себе, а в первом кабаке.

– Это, старинушка, уж мне твоя печаль, – сказал мой бродяга, – пропью ли я или нет. Его благородие мне жалуется шубу со своего плеча: его на то барская воля, а твоё холопье дело не спорить и слушаться.

– Бога ты не боишься, разбойник! – отвечал ему Савельич сердитым голосом. – Ты видишь, что дитя ещё не смыслит, а ты и рад его обобрать,

¹Вечерня – христианская вечерняя церковная служба.

²Погост – старину: церковь в стороне от села с прилегающим участком и кладбищем.

простоты его ради. Зачем тебе барский тулупчик? Ты и не напялишь его на свои окайанные плечища.

– Прошу не умничать, – сказал я своему дядьке, – неси сюда тулуп.

– Господи владыко! – простонал мой Савельич. – Заячий тулуп почти новешенький! и добро бы кому, а то пьянице оголелому!

Однако заячий тулуп явился. Мужичок тут же стал его примеривать. В самом деле, тулуп, из которого успел и я вырасти, был немножко для него узок. Однако он кое-как умудрился и надел его, распоров по швам. Савельич чуть не завыл, услышав, как нитки затрещали. Бродяга был чрезвычайно доволен моим подарком. Он проводил меня до кибитки и сказал с низким поклоном: «Спасибо, ваше благородие! Награди вас господь за вашу добродетель. Век не забуду ваших милостей». – Он пошёл в свою сторону, а я отправился далее, не обращая внимания на досаду Савельича, и скоро позабыл о вчерашней вьюге, о своём вожатом и о заячем тулупе.

Приехав в Оренбург, я прямо явился к генералу. Я увидел мужчину росту высокого, но уже сгорбленного старостию. Длинные волосы его были совсем белы. Старый полинялый мундир напоминал воина времён Анны Иоанновны, а в его речи сильно отзывался немецкий выговор. Я подал ему письмо от батюшки. При имени его он взглянул на меня быстро: «Поже мой! – сказал он. – Тавно ли, кажется, Андрей Петрович был ещё твоих лет, а теперь вот уш какой у него молотец! Ах, фремя, фремя!» Он распечатал письмо и стал читать его вполголоса, делая свои замечания. «Милостивый государь Андрей Карлович, надеюсь, что ваше превосходительство»... Это что за серемонии? Фу! как ему не софестно! Конечно: дисциплина перво дело, но так ли пишут к старому камрад?.. «ваше превосходительство не забыло»... гм... и... когда... покойным фельдмаршалом Мин... походе... также и... Карлович! Эке, брудер! Так он ещё помнит стары наши проказ? «Теперь о деле... К вам моего повесу»... гм... «держат в ежовых рукавицах». Что такое ешovy рукавиц? Это должно быть русска поговорк... Что такое «дершать в ешовых рукавицах?» – повторил он, обращаясь ко мне.

– Это значит, – отвечал я ему с видом как можно более невинным, – обходиться ласково, не слишком строго, давать побольше воли, держать в ежовых рукавицах.

«Гм, понимаю... «и не давать ему воли»... нет, видно ешovy рукавицы значит не то... «При сём... его паспорт»... Где ж он? А, вот... «отписать в Семёновский»... Хорошо, хорошо: всё будет сделано... «Позволишь без чинов обнять себя и... старым товарищем и другом» – а! наконец догадался... и прочая и прочая... Ну, батюшка, – сказал он, прочитав письмо и отложив в сторону мой паспорт – всё будет сделано: ты будешь офи-

цером переведён в ***полк, и чтоб тебе времени не терять, то завтра же поезжай в Белогорскую крепость, где ты будешь в команде капитана Миронова, доброго и честного человека. Там ты будешь на службе настоящей, научишься дисциплине. В Оренбурге делать тебе нечего; рассеяние вредно молодому человеку. А сегодня милости просим: отобедать у меня».

«Час от часу не легче! – подумал я про себя; к чему послужило мне то, что ещё в утробе матери я был уже гвардии сержантом! Куда это меня завело? В *** полк и в глухую крепость на границу киргиз-кайсацких степей!..» Я отобедал у Андрея Карловича, втроём с его старым адъютантом. Строгая немецкая экономия царствовала за его столом, и я думаю, что страх видеть иногда лишнего гостя за своею холостою трапезою был отчасти причиною поспешного удаления моего в гарнизон. На другой день я простился с генералом и отправился к месту моего назначения.

Глава III. Крепость

*Мы в фортеции живём,
Хлеб едим и воду пьём;
А как лютые враги
Придут к нам на пироги,
Зададим гостям пирушку:
Зарядим картечью пушку.*

Солдатская песня
Старинные люди, мой батюшка.

Недоросль

Белогорская крепость находилась в сорока верстах от Оренбурга, но на самом деле это была деревушка. В доме коменданта крепости Миронова Гринёв знакомится с его женой Василисой Егоровной, рассказывающей о здешних обычаях, об офицере Швабрине, который пятый год как переведён сюда за дуэль. Она отправляет его на постой в крестьянскую избу. На следующий день Пётр знакомится со Швабриным и Машей, дочерью капитана Миронова.

Глава IV. Поединок

*– Ин изволь, и станешь в позитуру.
Посмотришь, проколю как я твою фигуру!*
Княжнин

Прошло несколько недель, и жизнь моя в Белогорской крепости сделалась для меня не только сносною, но даже и приятною. В доме коменданта был я принят как родной. Муж и жена были люди самые почтенные. Иван Кузнец, вышедший в офицеры из солдатских детей, был человек необразованный и престоный, но самый честный и добрый. Жена его им управляла, что согласовалось с его беспечною. Василиса Егоровна на дела службы смотрела, как на свои хозяйские, и управляла крепостию так точно, как и своим домком. Марья Ивановна скоро пристрастилась со мною дичиться. Мы познакомились. Я в ней нашел благородную и чувствительную девушку...

Я был произведён в офицеры. Служба меня не отягощала. В богоспасаемой крепости не было ни смотров, ни учений, ни караулов. Комендант по собственной охоте учил иногда своих солдат; но ещё не мог добиться, чтобы все они знали, которая сторона правая, которая левая, хотя многие из них, дабы в том не ошибиться, перед каждым оборотом клали на себя знамение креста. У Швабрина было несколько французских книг. Я стал читать, и во мне пробудилась охота к литературе. По утрам я читал, упражнялся в переводах, а иногда и в сочинении стихов. Обедал почти всегда у коменданта, где обыкновенно проводил остаток дня и куда вечером иногда являлся отец Герасим с женою Акулиной Памфиловной, первою вестовщицею во всём околотке. С А. И. Швабриным, разумеется, виделся я каждый день; но час от часу беседа его становилась для меня менее приятною. Всегдашние шутки его насчёт семьи коменданта мне очень не нравились, особенно колкие замечания о Марье Ивановне. Другого общества в крепости не было, но я другого и не желал.

Несмотря на предсказания, башкирцы не возмущались. Спокойствие царствовало вокруг нашей крепости. Но мир был прерван незапным междуусобием.

Я уже сказывал, что я занимался литературою... Однажды удалось мне написать песенку, которой был я доволен... Итак, переписав мою песенку, я понёс её к Швабрину, который один во всей крепости мог оценить произведения стихотворца. После маленького предисловия вынул я из кармана свою тетрадку и прочёл ему ... стишки...

Тут он взял от меня тетрадку и начал немилосердно разбирать каждый стих и каждое слово, издеваясь надо мной самым колким образом. Я не вытерпел, вырвал из рук его мою тетрадку и сказал, что уж отроду не покажу ему своих сочинений. Швабрин посмеялся над этой угрозою. «Посмотрим, – сказал он, – выдержишь ли ты своё слово: стихотворцам нужен слушатель, как Ивану Кузмичу графини водки перед обедом. А кто эта Маша, перед которой изысняешься нежной страсти и в любовной напасти? Уж не Марья ль Ивановна?»

– Не твоё дело, – отвечал я нахмуясь.

– Ого! Самолюбивый стихотворец и экстремный любовник! – продолжал Швабрин, час от часу более раздражая меня, – но послушай дружеского совета: коли ты хочешь успеть, то советую действовать не песенками.

– Что это, сударь, значит? Изволь объясниться.

– С охотою. Это значит, что ежели хочешь, чтоб Маша Миронова ходила к тебе в сумерки, то вместо нежных стишков подари ей пару серёг.

Кровь моя закипела.

– А почему ты об ней такого мнения? – спросил я, с трудом удерживая своё негодование.

– А потому, – отвечал он с адской усмешкою, – что знаю по опыту её нрав и обычай.

– Ты лжёшь, мерзавец! – вскричал я в бешенстве, – ты лжёшь самым бесстыдным образом.

Швабрин переменился в лице.

– Это тебе так не пройдёт, – сказал он, стиснув мне руку. – Вы мне дадите сатисфакцию¹.

– Изволь; когда хочешь! – отвечал я, обрадовавшись. В эту минуту я готов был растерзать его...

На другой день в назначенное время я стоял уже за скирдами, ожидая моего противника. Вскоре и он явился. «Нас могут застать, – сказал он мне, – надобно поспешить». Мы сняли мундиры, остались в одних камзолах и обнажили шпаги. В эту минуту из-за скирда вдруг появился Иван Игнатьич и человек пять инвалидов. Он потребовал нас к коменданту. Мы повиновались с досадою; солдаты нас окружили, и мы отправились в крепость вслед за Иваном Игнатьичем...

Палашка взяла у нас наши шпаги и отнесла в чулан. Я не мог не засмеяться. Швабрин сохранил свою важность. «При всём моём уважении к вам, – сказал он ... хладнокровно, – не могу не заметить, что напрасно вы изволите беспокоиться, подвергая нас вашему суду. Предоставьте это Ивану Кузмичу: это его дело». – «Ах! мой батюшка! – возразила комендантша, – да разве муж и жена не один дух и единая плоть? Иван Кузмич! Что ты зеваешь? Сейчас рассадит их по разным углам на хлеб да на воду, чтоб у них дурь-то прошла; да пусть отец Герасим наложит на них эпитимию², чтоб молили у бога прощения да калялись перед людьми»...

...Швабрин и я остались наедине. «Наше дело этим кончиться не может», – сказал я ему. «Конечно, – отвечал Швабрин, – вы свою кровью будете отвечать мне за вашу дерзость; но за нами, вероятно, станут присматривать. Несколько дней нам должно будет провороваться. До свидания!» И мы расстались как ни в чём не бывало.

Возвратясь к коменданту, я, по обыкновению своему, подсел к Марье Ивановне. Ивана Кузмича не было дома; Василиса Егоровна занята была хозяйством. Мы разговаривали вполголоса. Марья Ивановна с нежностью выговаривала мне на беспокойство, причинённое всем моею ссорою с Швабриным. «Я так и умерла, – сказала она, – когда сказали нам, что вы намерены биться на шпагах. Как мужчины странны! За одно слово, о котором через неделю верно б они позабыли, они готовы резаться и жертвовать не только жизнью, но и совестью и благополучием».

¹Сатисфакция – удовлетворение за оскорбление (обычно в форме дуэли, поединка).

²Эпитимия – церковное наказание.

чием тех, которые... Но я уверена, что не вы зачинщик ссоры. Верно, виноват Алексей Иванович».

– А почему же вы так думаете, Марья Ивановна?

– Да так... он такой насмешник! Я не люблю Алексея Ивановича. Он очень мне противен; а странно: ни за что б я не хотела, чтоб и я ему так же не нравилась. Это меня беспокоило бы страх.

– А как вы думаете, Марья Ивановна? Нравится ли вы ему, или нет? Марья Ивановна заикнулась и покраснела.

– Мне кажется, – сказала она, – я думаю, что нравлюсь.

– Почему же вам так кажется?..

Слова Марьи Ивановны... объяснили мне многое. Я понял упорное злоречие, которым Швабрин её преследовал. Вероятно, замечал он нашу взаимную склонность и старался отвлечь нас друг от друга...

На другой день, когда сидел я за элегией¹ и грыз перо в ожидании рифмы, Швабрин постучался под моим окошком. Я оставил перо, взял шпагу и к нему вышел. «Зачем откладывать? – сказал мне Швабрин, – за нами не смотрят. Сойдём к реке. Там никто нам не помешает». Мы отправились молча. Опустясь по крутой тропинке, мы остановились у самой реки и обнажили шпаги. Швабрин был искуснее меня, но я сильнее и смелее, и monsieur² Бопре, бывший некогда солдатом, дал мне несколько уроков в фехтовании, которыми я и воспользовался. Швабрин не ожидал найти во мне столь опасного противника. Долго мы не могли сделать друг другу никакого вреда; наконец, приметя, что Швабрин ослабевает, я стал с живостию на него наступать и загнал его почти в самую реку. Вдруг услышал я своё имя, громко произнесённое. Я оглянулся и увидел Савельича, сбегającego ко мне по нагорной тропинке... В это самое время меня сильно кольнуло в грудь пониже правого плеча: я упал и лишился чувств.

Глава V. Любовь

*Ах ты, девка, девка красная!
Не ходи, девка, молода замуж;
Ты спиши, девка, отца, матери,
Отеца, матери, роду-племени;
На копи, девка, ума-разума,
Ума-разума, приданова.*

Песня народная

*Буде лучше меня найдёшь, позабудешь.
Если хуже меня найдёшь, вспомянешь.*

То же

За раненым Гринёвым ухаживают Маша и Савельич. Оправившись, Гринёв сделал Маше предложение. Она соглашается, но при условии благословления

¹Элегия – лирическое стихотворение, проникнутое грустью.

²Monsieur – на французском языке форма обращения к мужчине.

родителей Петруши. Он пишет письмо, надеясь получить разрешение на брак, но письмо отца полно упрёков и угрозы не только наказать сына, но и перевести его в другую крепость. Гринёв негодует на Савельича, думая, что тот донёс на него, но, увидя, что и дядька получил нагоняй от отца, понимает, что отцу обо всём сообщил Швабрин. Маша советует покориться родительской воле: «Без их благословения не будет тебе счастья». Молодые перестают видеться. Жизнь для Гринёва становится несносной. Но вскоре неожиданные события всё меняют.

Глава VI. Пугачёвщина

*Вы, молодые ребята, послушайте,
Что мы, старые старики, будем сказывать.*

Песня

Казаки, состоявшие на службе русского царя и охраняющие территории, населённые «полудикими народами», восстают под предводительством Емельяна Пугачёва, выступающего под именем царя Петра III. Капитану Миронову надлежит принять меры к отражению «помянутого злодея и самозванца». В крепости схвачен башикирец с воззванием Пугачёва. Его собираются допросить, но оказалось, что у него отрезан язык. Положение осложняется тем, что Пугачёвым взята крепость, находящаяся в 20-ти верстах от Белогорской. Решено вывезти женицин и готовиться к обороне. Василиса Егоровна отказывается покинуть мужа, к отъезду готовится только Маша. Накануне разлуки молодые прощаются.

Глава VII. Приступ

*Голова моя, головушка,
Голова послуживая!
Послужила моя головушка
Ровно тридцать лет и три года.
Ах, не выслужила головушка
Ни корысти себе, ни радости.
Как ни слезу себе доброго
И ни рангу себе воеводо;
Только вослужила головушка
Два высокие холбика,
Перекладинку кленовую,
Ещё петельку шелковую.*

Народная песня

В эту ночь я не спал и не раздевался. Я намерен был отправиться на заре к крепостным воротам. Сюда Марья Ивановна должна была выехать, и там проститься со мной в последний раз. Я чувствовал в себе великую перемену... С густыми слезами сливались во мне и неясные, но сладостные надежды, и нетерпеливое ожидание опасностей, и чувства благородного негодования. Ночь прошла незаметно. Я хотел уже выйти из дому, как дверь моя отворилась и ко мне явился капрал с донесением, что наши казаки ночью выступили из крепости, взяв насильно с собою Ефлая, и что около крепости разъезжают неведомые люди. Мысль, что

Марья Ивановна не успеет выехать, ужаснула меня; я поспешно дал капралу несколько наставлений, и тотчас бросился к коменданту.

Уж рассветало. Я летел по улице, как услышал, что зовут меня. Я остановился. «Куда вы?» – сказал Иван Игнатьич, догоняя меня. «Иван Кузмич на валу, и послал меня за вами. Пугач пришёл». «Уехала ли Марья Ивановна?» – спросил я с сердечным трепетом. «Не успела, – отвечал Иван Игнатьич: – дорога в Оренбург отрезана; крепость окружена. Плохо, Пётр Андреич!»

Мы пошли на вал, возвышение, образованное природой и укреплённое частоколом. Там уже толпились все жители крепости. Гарнизон стоял в ружьё. Пушку туда перетасили накануне. Комендант расхаживал перед своим малочисленным строем. Близость опасности одушевляла старого воина бодростию необыкновенной. По степи, не в дальнем расстоянии от крепости, разъезжали человек двадцать верхами. Они, казалось, казаки, но между ими находились и башкирцы, которых легко можно было распознать по их рысым шапкам и по колчанам. Комендант обошёл своё войско, говоря солдатам: «Ну, детушки, постоим сегодня за матушку государыню и докажем всему свету, что мы люди brave и присяжные!» Солдаты громко изъявили усердие. Швабрин стоял подле меня и пристально глядел на неприятеля. Люди, разъезжающие в степи, заметя движение в крепости, съехались в кучку и стали между собою толковать. Комендант велел Ивану Игнатьичу навести пушку на... толпу, и сам приставил фитиль. Ядро зажужжало и пролетело над ними, не сделав никакого вреда. Наездники, рассеясь, тотчас ускакали из виду...

Тут явилась на валу Василиса Егоровна и с нею Маша, не хотевшая отстать от неё. – «Ну, что? – сказала комендантша. – Каково идёт баталья? Где же неприятель?» – «Неприятель недалече, – отвечал Иван Кузмич. – Бог даст, всё будет ладно. Что, Маша, страшно тебе?» – «Не опасна, – отвечала Марья Ивановна: – дома одной страшнее». Тут она взглянула на меня и с усилием улыбнулась. Я невольно стиснул рукоять моей шпаги, вспомя, что накануне получил её из её рук, как бы на защиту моей любезной. Сердце моё горело. Я воображал себя рыцарем. Я жаждал доказать, что был достоин её доверенности, и нетерпением стал ожидать решительной минуты.

В это время из-за высоты, находившейся в полверсте от крепости, показались новые конные толпы, и вскоре степь усеялась множеством людей, вооружённых копьями... Между ими на белом коне ехал человек в красном кафтане, с обнажённой саблею в руке: это был сам Пугачёв. Он остановился; его окружили и, как видно, по его повелению, четыре человека сделались и во весь опор подскакали под самую крепость. Мы в них узнали своих изменников. Один из них держал под шапкою

лист бумаги; у другого на копье воткнута была голова Юлая, которую, стряхнув, перекинул он к нам чрез частокол. Голова бедного калмыка упала к ногам коменданта. Изменники кричали: «Не стреляйте; выходите вон к государю. Государь здесь!»

«Вот я вас!» – закричал Иван Кузмич. – ребята! Стреляй!» Солдаты наши дали залп. Казак, державший письмо, зашатался и свалился с лошади; другие поскакали назад. Я взглянул на Марью Ивановну. Поражённая видом окровавленной головы Юлая, оглушённая залпом, она казалась без памяти. Комендант подозвал капрала и велел ему взять лист из рук убитого казака. Капрал вышел в поле и возвратился, ведя... лошадь убитого. Он вручил коменданту письмо. Иван Кузмич прочёл его про себя и разорвал потом в клочки. Между тем мятежники видимо готовились к действию. Вскоре пули начали свистать около наших ушей, и несколько стрел воткнулись около нас в землю и в частокол. «Василиса Егоровна! – сказал комендант. – Здесь не бабье дело: уведи Машу; видишь: девка ни жива ни мертва».

Василиса Егоровна, присмирившая под пулями, взглянула на степь, на которой заметно было большое движение; потом оборотилась к мужу и сказала ему: «Иван Кузмич, в животе и смерти бог волен: благослови Машу. Маша, подойди к отцу».

Маша, бледная и трепещущая, подошла к Ивану Кузмичу, стала на колени и поклонилась ему в землю. Старый комендант перекрестил её трижды; потом поднял и, поцеловав, сказал ей изменившимся голосом: «Ну, Маша, будь счастлива. Молись богу: он тебя не оставит. Коли найдётся добрый человек, дай бог вам любовь да совет. Живите, как жили мы с Василисой Егоровной. Ну, прощай, Маша. Василиса Егоровна, уведи же её поскорей». (Маша кинулась ему на шею, и зарыдала.) «Поцалуемся ж и мы, – сказала заплакавшая комендантша. Прощай, мой Иван Кузмич. Отпусти мне, коли в чём тебе досадила!» «Прощай, прощай, матушка! – сказал комендант, обняв свою старуху. – Ну, довольно! Ступайте, ступайте домой: да коли успеешь, надень на Машу сарафан». Комендантша слезливо утирала слезы. Я глядел во след Марьи Ивановны; она оглянулась и кивнула мне головой. Тут Иван Кузмич оборотился к нам, и все внимание его устремилось на неприятеля. Мятежники съезжались около своего предводителя и вдруг начали слезать с лошадей. «Теперь стойте крепко, – сказал комендант, – будет приступ...» В эту минуту раздался страшный визг и крики; мятежники бегом бежали к крепости. Пушка наша заряжена была картечью. Комендант выпустил их на самое близкое расстояние, и вдруг выпалил опять. Картечь хватила в самую средину толпы. Мятежники отхлынули в обе стороны и попятились. Предводитель их остался один впереди...

Он махал саблею и, казалось, с жаром их уговаривал... Крик и визг, умолкнувшие на минуту, тотчас снова возобновились. «Ну, ребята, – сказал комендант, – теперь отворяй ворота, бей в барабан. Ребята! Вперёд, на вылазку, за мною!»

Комендант, Иван Игнатьич и я мигом очутились за крепостным валом; но обробелый гарнизон не тронулся. «Что ж вы, детушки, стоите? – закричал Иван Кузмич. – Умирать, так умирать: дело служивое!» В эту минуту мятежники набежали на нас и ворвались в крепость. Барабан умолк; гарнизон бросил ружья; меня сшибли было с ног, но я встал и вместе с мятежниками вошёл в крепость. Комендант, раненый в голову, стоял в кучке злодеев, которые требовали от него ключей. Я бросился было к нему на помощь: несколько дюжих казаков схватили меня и связали кушаками¹, приговаривая: «Вот уж вам будет, государевым послушникам!» Нас потащили по улицам; жители выходили из домов с хлебом и солью. Раздавался колокольный звон. Вдруг закричали в толпе, что государь на площади ожидает пленных и принимает присягу. Народ повалил на площадь; нас погнали туда же.

Пугачёв сидел в креслах на крыльце комендантского дома. На нём был красный казацкий кафтан... Высокая соболья шапка с золотыми кистями была надвинута на его сверкающие глаза. Лицо его показалось мне знакомо. Казацкие старшины окружали его. Отец Герасим, бледный и дрожащий, стоял у крыльца, с крестом в руках, и, казалось, молча умолял его за предстоящие жертвы. На площади ставили наскоро виселицу. Когда мы приблизились, башкирцы разогнали народ и нас представили Пугачёву. Колокольный звон утих; настала глубокая тишина. «Который комендант?» – спросил самозванец. Наш урядник² выступил из толпы

и указал на Ивана Кузмича. Пугачёв грозно взглянул на старика и сказал ему: «Как ты смел противиться мне, своему государю?» Комендант, изнемогая от раны, собрал последние силы и отвечал твёрдым голосом: «Ты мне не государь, ты вор и самозванец, слышь ты!» Пугачёв мрачно нахмурился и махнул большим платком. Несколько казаков схватили старого капитана и потащили к виселице. На её перекладине очутился перхотом изувеченный башкирец, которого допрашивали мы накануне. Он держал в руке верёвку, и через минуту увидел я

¹ Кушак – вид обмундирования из широкого длинного куска материи или шнура.

² Урядник – в царской России унтер-офицер в казачьих войсках.

бедного Ивана Кузмича, вздёгнутого на воздух. Тогда привели к Пугачёву Ивана Игнатьича. «Присягай, – сказал ему Пугачёв, – государю Петру Фёдоровичу!» – «Ты нам не государь, – отвечал Иван Игнатьич, повторяя слова своего капитана. – Ты, дядюшка, вор и самозванец!» – Пугачёв махнул опять платком, и добрый поручик повис подле своего старого начальника.

Очередь была за мною. Я глядел смело на Пугачёва, готовясь повторить ответ великодушных моих товарищей. Тогда, к неопisanному моему изумлению, увидел я среди мятежных старшин Швабрина, обстриженного в кружок и в казацком кафтане. Он подошёл к Пугачёву и сказал ему на ухо несколько слов. «Вешать его!» – сказал Пугачёв, не взглянув уже на меня. Мне накинули на шею петлю. Я стал читать про себя молитву, принося богу искреннее раскаяние во всех моих прегрешениях и моля его о спасении всех близких моему сердцу. Меня притащили под виселицу. «Не бось, не бось», – повторяли мне губители, может быть, и вправду желая меня ободрить. Вдруг услышал я крик: «Постойте, окаянные! Погодите!..» Палачи остановились. Гляжу: Савельич лежит в ногах у Пугачёва. «Отец родной!» – говорил бедный дядька. – Что тебе в смерти барского дитяти? Отпусти его; за него тебе выкуп дадут; а для примера и страха ради, вели повесить хоть меня старика!» Пугачёв дал знак, и меня тотчас развязали и оставили. «Батюшка наш тебя милует», – говорили мне. В эту минуту не могу сказать, чтоб я обрадовался своему избавлению, не скажу однако ж, чтоб я о нём и сожалел. Чувствования мои были слишком смутны. Меня снова привели к самозванцу и поставили перед ним на колени. Пугачёв протянул мне жилистую свою руку. «Целуй руку, целуй руку!» – говорили около меня. Но я предпочёл бы самую лютую казнь такому подлому унижению. «Батюшка Пётр Андреевич!» – шептал Савельич, стоя за мною и толкая меня. – Не упрямься! Что тебе стоит? Плюнь да поцелуй у злод... (тьфу!) поцелуй у него ручку». Я не шевелился. Пугачёв опустил руку, сказав с усмешкою: «Его благородие знать одурел от радости. Подымите его!» – Меня подняли и оставили на свободе. Я стал смотреть на продолжение ужасной комедии.

Жители начали присягать. Они подходили один за другим, целуя распятие и потом кланяясь самозванцу. Гарнизонные солдаты стояли тут же... Всё это продолжалось около трёх часов. Наконец Пугачёв встал с кресел и сошёл с крыльца в сопровождении своих старшин. Ему подвели белого коня, украшенного богатой сбруей. Два казака взяли его под руки и посадили на седло. Он объявил отцу Герасиму, что будет обедать у него. В эту минуту раздался женский крик. Несколько разбойников вытащили на крыльцо Василису Егоровну... Один из них успел уже нарядиться в её душегрейку. Другие таскали перины, сундуки, чайную посуду, бельё

и всю рухлядь. «Батюшки мои! – кричала бедная старушка. – Отпустите душу на покаяние. Отцы родные, отведите меня к Ивану Кузмичу». Вдруг она взглянула на виселицу и узнала своего мужа. «Злодеи! – закричала она в исступлении. – Что это вы с ним сделали? Свет ты мой, Иван Кузмич, удалая солдатская головушка! Не тронули тебя ни штыки прусские, ни пули турецкие; не в честном бою положил ты свой живот, а сгинул от беглого каторжника!» – «Унять старую ведьму!» – сказал Пугачёв. Тут молодой казак ударил её саблею по голове, и она упала мёртвая на ступени крыльца. Пугачёв уехал; народ бросился за ним.

Глава VIII. Незванный гость

Незванный гость хуже татарина.

Пословица

Гринёв узнаёт от Палашики, что Машу спрятала попадья. Маша лежит без сознания в доме отца Герасима под видом больной племянницы. Дома Гринёва встречает Савельич, рассказавший, что Пугачёв – вожатый, которому был подарен тулуп, и Гринёв понимает, почему его пощадили. К вечеру Гринёва приглашают к Пугачёву. За столом в доме коменданта разбойники поют песню про виселицу, которая потрясает Гринёва. Пугачёв предлагает ему службу, но тот отказывается: «Я природный дворянин; я присягал государыне императрице: тебе служить не могу».

Глава IX. Разлука

Сладко было спознаваться

Мне, прекрасная, с тобой;

Грустно, грустно расставаться

Грустно, будто бы с душой.

Херасков

Рано утром разбудил меня барабан. Я пошёл на сборное место. Там строились уже толпы пугачёвские около виселицы, где всё ещё висели вчерашние жертвы. Все жители находились тут же, как иная ламозванца... Наконец Пугачёв вышел из сеней. Народ снял шапки. Пугачёв остановился на крыльце и со всеми поздоровался. Один из старшин подал ему мешок с медными деньгами, и он стал их метать пригоршнями. Народ с криком бросился их подбирать, и дело обошлось не без увечья. Пугачёва окружали главные из его сообщников. Между ими стоял и Швабрин. Взоры наши встретились; в моём он мог прочесть презрение, и он отворотился с выражением искренней злобы и притворной насмешливости. Пугачёв, увидев меня в толпе, кивнул мне головою и подозвал к себе. «Слушай, – сказал он мне. – Ступай сей же час в Оренбург и объяви от меня губернатору и всем генералам, чтоб ожидали меня к себе через неделю. Присоветуй им встретить меня с детской любовью и послушанием; не то не избежать им лютой казни. Счастливого пути, ваше благородие!» Потом обратился он к народу и

сказал, указывая на Швабрина: – «Вот вам, детушки, новый командир: слушайте его во всём, а он отвечает мне за вас и за крепость». С ужасом услышал я сии слова: Швабрин делался начальником крепости; Марья Ивановна оставалась в его власти! Боже, что с нею будет! Пугачёв сошёл с крыльца. Ему подвели лошадь...

Я спешил в дом священника увидиться с Марьей Ивановной. Попадья встретила меня с печальным известием. Ночью у Марьи Ивановны открылась сильная горячка. Она лежала без памяти и в бреду. Попадья ввела меня в её комнату... Я тихо подошел к её кровати. Перемена в её лице поразила меня. Больная меня не узнала. Долго стоял я перед нею, не слушая ни отца Герасима, ни доброй жены его, которые, кажется, меня утешали. Мрачные мысли волновали меня. Состояние бедной, незащитной сироты, оставленной посреди злобных мятежников, собственное моё бессилие устрашали меня. Швабрин, Швабрин пуще всего терзал моё воображение. Облечённый властью от самозванца, предводительствуя в крепости, где оставалась несчастная девушка – невинный предмет его ненависти, он мог решиться на всё. Что мне было делать? Как подать ей помощь? Как освободить из рук злодея?... Я решился тот же час отправиться в Оренбург, дабы торопить освобождение Белогорской крепости, и по возможности тому содействовать. Я простился с священником и с Акулиной Памфиловной, с жаром поручая ей ту, которую почитал уже своею женою...

Вышед на площадь, я остановился на минуту, взглянул на виселицу, поклонился ей, вышел из крепости и пошёл по Оренбургской дороге, сопровождаемый Савельичем, который от меня не отставал.

Я шёл, занятый своими размышлениями, как вдруг услышал за собою конский топот. Оглянулся; вижу: из крепости скачет казак, держа башкирскую лошадь в поводья и делая издали мне знак. Я остановился, и вскоре узнал нашего урядника. Он, подскакав, слез с своей лошади и сказал, отдавая мне поводья другой: «Ваше благородие! Отец наш вам жалует лошадь и шубу с своего плеча (к седлу привязан был овчинный тулуп). Да ещё, – примолвил запынётся урядник, – жалует он вам... полтину денег... да я растерял её дорогою; простите великодушно». Савельич посмотрел на него косыми глазами и проворчал: «Растерял дорогою! А что же у тебя побрякивает за пазухой? Бессовестный!» – «Что у меня за пазухой-то побрякивает?» – «Взгляни, урядник, нимало не смутясь. Бог с тобою, старинушка! Это брэнчит уздечка, а не полтина». «Добро, – сказал я, – прерывая спор. – Благодарю от меня того, кто тебя прислал, а растерянную полтину постарайся подобрать на возвратном пути, и возьми её на подку». – «Очень благодарен, ваше благородие, – отвечал он, поворачивая свою лошадь, – вечно за вас буду бога молить». При

сих словах он поскакал назад, держась одной рукою за пазуху, и через минуту скрылся из виду.

Я надел тулуп и сел верхом, посадив за собою Савельича. «Вот видишь ли, сударь, – сказал старик, – что я не даром подал мошеннику челобитье: вору-то стало совестно, хоть башкирская долговязая кляча да овчинный тулуп не стоят и половины того, что они, мошенники, у нас украли, и того, что ты ему сам изволил пожаловать; да всё же пригодится, а с лихой собаки хоть шерсти клок».

Глава X. Осада города

*Заняв луга и горы,
С вершины, как орёл, бросал на град он взоры.
За станом повелел соорудить раскат
И, в нём перуны скрыв, в ночи привести под град.*
Херасков

Гринёв просит у коменданта Оренбурга войска, чтобы освободить жителей Белогорской крепости, но получает отказ. Осада Оренбурга очень мучительна. Однажды под стенами крепости Гринёв встречает Максимыча, который передаёт ему письмо Маши, где она просит о помощи, так как оказалась в руках Швабрина. Гринёв решает на отчаянный шаг..

Глава XI. Мятежная слобода

*В ту пору лев был сыт, хоть с роду он свиреп.
«Зачём пожаловать изволил в мой вертеп?» –
Спросил он ласково.*

А. Сумароков

Гринёв с Савельичем покидают Оренбургскую крепость и попадают в плен к Пугачёву. Гринёв рассказывает, что едет в Белогорскую крепость спасать сироту, которую обижают Швабрин, и сознаётся, что это его невестка. Пугачёв обещает поженить их. На следующий день они едут в крепость.

Самозванец несколько задумался и сказал вполголоса: «Вот весть. Улица моя тесна; воли мне мало. Ребята мои умничают. Они воры. Мне должно держать ухо востро; при первой неудаче они свою шею выкупят моею головою».

– То-то! – сказал я Пугачёву. – Не лучше ли тебе отстать от них самому, заблаговременно, да пригнаться к милосердию государыни?

Пугачёв горько усмехнулся: «Нет, – отвечал он, – поздно мне каяться. Для меня не будет помилования. Буду продолжать, как начал. Как знать? Авось и удастся! Гришка Орлепьев ведь поцарствовал же над Москвою».

– А знаешь ли, чем он кончил? Его выбросили из окна, зарезали, сожгли, зарядили его пеплом пушку и выпалили!

– Слушай, – сказал Пугачёв с каким-то диким вдохновением. – Расскажи тебе сказку, которую в ребячестве мне рассказывала старая

калмычка. Однажды орёл спрашивал у ворона: скажи, ворон-птица, отчего живёшь ты на белом свете триста лет, а я всего-на-всё только тридцать три года? – Оттого, батюшка, отвечал ему ворон, что ты пьёшь живую кровь, а я питаюсь мертвечиной. Орёл подумал: давай попробуем и мы питаться тем же. Хорошо. Полетели орёл да ворон. Вот завидели палую лошадь, спустились и сели. Ворон стал клевать да похваливать. Орёл клюнул раз, клюнул другой, махнул крылом и сказал ворону: нет, брат ворон, чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой кровью, а там что бог даст! – Какова калмыцкая сказка?

– Затейлива, – отвечал я ему. – Но жить убийством и разбоем значит, по мне, клевать мертвечину.

Глава XII. Сирота

*Как у нашей у яблонки
Ни верхушки нет, ни отросточек;
Как у нашей у княгинюшки
Ни отца нету, ни матери.
Снарядить-то её некому,
Благословить-то её некому.*

Свадебная песня

Кибитка подъехала к крыльцу комендантского дома. Народ узнал колокольчик Пугачёва и толпою бежал за нами. Швабрин встретил самозванца на крыльце. Он был одет казаком и отрастил себе бороду. Изменник помог Пугачёву вылезть из кибитки, в подлых выражениях изъясняя свою радость и усердие. Увидя меня, он смутился, но вскоре оправился, протянул мне руку, говоря: «И ты наш? Давно бы так!» – Я отворотился от него и ничего не отвечал. Сердце моё заныло, когда очутились мы в давно знакомой комнате, где на стене висел ещё дилем покойного коменданта, как печальная эпитафия¹ прошедшему времени. Пугачёв сел на том диване, на котором, бывало, дремал Иван Кузмич, усыплённый ворчанием своей супруги. Швабрин сам поднёс ему водки. Пугачёв выпил рюмку и сказал ему, указав на меня: «Потчуй и его благородие». Швабрин подошёл ко мне с своим подносом; но я вторично от него отворотился. Он казался сам не своим. При обыкновенной своей сметливости он, конечно, догадался, что Пугачёв был им недоволен. Он трусил перед ним, а на меня поглядывал с недоверчивостию. Пугачёв осведомился о состоянии репости, о слухах про неприятельские войска и тому подобном, и вдруг спросил его неожиданно: «Скажи, братец, какую девушку держишь ты у себя под караулом? Покажи-ка мне её».

Швабрин побледнел как мёртвый.

– Государь, – сказал он дрожащим голосом... – Государь, она не под караулом... она больна... она в светлице лежит. «Веди ж меня к ней»,
¹ эпитафия – стихотворение, написанное по поводу чьей-нибудь смерти.

– сказал самозванец, вставая с места. Отговориться было невозможно. Швабрин повёл Пугачёва в светлицу Марьи Ивановны. Я за ними последовал. Швабрин остановился на лестнице. «Государь! – сказал он. – Вы властны требовать от меня, что вам угодно; но не прикажите постороннему входить в спальню к жене моей».

Я затрепетал. «Так ты женат!» – сказал я Швабрину, готовясь его растерзать.

«Тише! – прервал меня Пугачёв. – Это моё дело. А ты, – продолжал он, обращаясь к Швабрину, – не умничай и не ломайся: жена ли она тебе или не жена, а я веду к ней кого хочу. Ваше благородие, ступай за мною». У дверей светлицы Швабрин опять остановился и сказал прерывающимся голосом: «Государь, предупреждаю вас, что она в белой горячке и третий день как бредит без умолку». – «Отворяй!» – сказал Пугачёв.

Швабрин стал искать у себя в карманах, и сказал, что не взял с собою ключа. Пугачёв толкнул дверь ногою; замок отскочил; дверь отворилась, и мы вошли.

Я взглянул и обмер. На полу, в крестьянском оборванном платье сидела Марья Ивановна, бледная, худая, с растрёпанными волосами. Перед нею стоял кувшин воды, накрытый ломтем хлеба. Увидя меня, она вздрогнула и закричала. Что тогда со мною стало – не помню.

Пугачёв посмотрел на Швабрину и сказал с горькой усмешкою: – «Хорош у тебя лазарет!» – Потом, подошед к Марье Ивановне: – Скажи мне, голубушка, за что твой муж тебя наказывает? В чём ты перед ним провинилась?

– Мой муж! – повторила она. – Он мне не муж. Я никогда не буду его женою! Я лучше решилась умереть, и умру, если меня не избавят.

Пугачёв взглянул грозно на Швабрину: «И ты смеешь обматывать! – сказал он ему. Знаешь ли, бездельник, чего ты достоин?»

Швабрин упал на колени... В эту минуту презрение заглушило во мне все чувства ненависти и гнева. С омерзением глядел я на дворянина, валяющегося в ногах беглого казака. Пугачёв смягчился. «Милую тебя на сей раз, – сказал он Швабрину, – но знай, что при первой вине тебе припомнится и эта». Потом обратился он к Марье Ивановне, и сказал ей ласково: «Выходи, красная девица; дарую тебе волю. Я государь».

Марья Ивановна быстро взглянула на него и догадалась, что перед нею убийца её родителей. Она закрыла лицо обеими руками и упала без чувств. Я кинулся к ней, но в эту минуту очень смело в комнату втёрлась моя старинная знакомая Палаша и стала ухаживать за своею барышнею. Пугачёв вышел из светлицы, и мы трое сошли в гостиную.

– Что, ваше благородие? – сказал смеясь Пугачёв. – Выручили крас-

ную девицу! Как думаешь, не послать ли за попом, да не заставить ли его обвенчать племянницу? Пожалуй, я буду посажёным отцом, Швабрин дружкою; закутим, запьём – и ворота закрём!

Чего я опасался, то и случилось, Швабрин, услыша предложение Пугачёва, вышел из себя. «Государь! – закричал он в исступлении. – Я виноват, я вам солгал, но и Гринёв вас обманывает. Эта девушка не племянница здешнего попа: она дочь Ивана Миронова, который казнён при взятии здешней крепости».

Пугачёв устремил на меня огненные свои глаза. «Это что ещё?» – спросил он меня с недоумением.

– Швабрин сказал тебе правду, – отвечал я с твёрдостью. «Ты мне этого не сказал», – заметил Пугачёв, у коего лицо омрачилось.

– Сам ты рассуди, – отвечал я ему, – можно ли было при твоих людях объявить, что дочь Миронова жива. Да они бы её загрызли. Ничто её бы не спасло!

«И то правда, – сказал смеясь Пугачёв. – Мои пьяницы не пощадили бы бедную девушку. Хорошо сделала кумушка-попадья, что обманула их».

– Слушай, – продолжал я, видя его доброе расположение. – Как тебя назвать не знаю, да и знать не хочу... Но бог видит, что жизнь мою рад бы я заплатить тебе за то, что ты для меня сделал. Только не требуй того, что противно чести моей и христианской совести. Ты мой благодетель. Доверши как начал: отпусти меня с бедной сиротою, куда нам бог путь укажет. А мы, где бы ты ни был и что бы с тобою ни случилось, каждый день будем бога молить о спасении грешной твоей души...

Казалось, суровая душа Пугачёва была тронута. «Ин быть потвоему! – сказал он. – Казнить так казнить, жаловать так жаловать: так мой обычай. Возьми себе свою красавицу; вези её, куда хочешь, и дай вам бог любовь да совет!»

Тут он оборотился к Швабрину и велел выдать мне пропуск во все заставы и крепости, подвластные ему. Швабрин, совсем уничтоженный, стоял как остолбенелый. Пугачёв отправился осматривать крепость. Швабрин его сопровождал; а я остался под предлогом приготовления к отъезду.

...Попадья стала угощать меня, чем бог послал. А между тем говорила без умолку. Она рассказала мне, каким образом Швабрин принудил их выдать ему Марью Ивановну, как Марья Ивановна плакала и не хотела с ними расстаться; как Марья Ивановна имела с нею всегдашние сношения через Паланку (девку бойкую, которая и урядника заставляет плясать по своему душе); как она присоветовала Марье Ивановне написать ко мне письмо и прочее. В самую эту минуту дверь отворилась, и Марья Ивановна вышла с улыбкою на бледном лице. Она оставила своё кресть-

янское платье и одета была по-прежнему просто и мило.

Я хватил её руку и долго не мог вымолвить ни одного слова. Мы оба молчали от полноты сердца. Хозяева наши почувствовали, что нам было не до них, и оставили нас. Мы остались одни. Всё было забыто. Мы говорили и не могли наговориться. Марья Ивановна рассказала мне всё, что с нею ни случилось с самого взятия крепости; описала мне весь ужас её положения, все испытания, которым подвергал её гнусный Швабрин. Мы вспомнили и прежнее счастливое время... Оба мы плакали... Наконец я стал объяснять ей мои предположения. Оставаться ей в крепости, подвластной Пугачёву и управляемой Швабриным, было невозможно. Нельзя было думать и об Оренбурге, претерпевавшем все бедствия осады. У ней не было на свете ни одного родного человека. Я предложил ей ехать в деревню к моим родителям. Она сначала колебалась: известное ей неблагорасположение отца моего её пугало. Я её успокоил. Я знал, что отец почтёт за счастье и вменит себе в обязанность принять дочь заслуженного воина, погибшего за отечество. – «Милая Марья Ивановна! – сказал я наконец. – Я почитаю тебя своею женою. Чудные обстоятельства соединили нас неразрывно: ничто на свете не может нас разлучить». – Марья Ивановна выслушала меня просто, без притворной застенчивости, без затейливых отговорок. Она чувствовала, что судьба её соединена была с моею. Но она повторила, что не иначе будет моею женою, как с согласия моих родителей. Я ей и не противуречил. Мы поцеловались горячо, искренно – и таким образом всё было между нами решено.

Через час урядник принёс мне пропуск, подписанный каракулками Пугачёва, и позвал меня к нему от его имени. Я нашёл его готового пуститься в дорогу. Не могу изъяснить то, что я чувствовал, расставаясь с этим ужасным человеком, извергом, злодеем для всех, кроме одного меня. Зачем не сказать истины? В эту минуту сильное чувство не могло меня к нему. Я пламенно желал вырвать его из среды злодеев, которыми он предводительствовал, и спасти его голову, пока ещё было время. Швабрин и народ, толпящийся около нас, помешали мне высказать всё, чем исполнено было моё сердце.

Мы расстались дружески. Пугачёв, увидя в толпе Акулину Памфиловну, погрозил пальцем и мигнул значительно; потом сел в кибитку, велел ехать в Берду, и когда лошади тронулись, то он ещё раз высунулся из кибитки и закричал мне: «Прощай, ваше благородие! Авось увидимся когда-нибудь». – Мы точно таким увиделись, но в каких обстоятельствах!..

Пугачёв уехал. Я долго смотрел на белую степь, по которой неслась его кибитка. Народ разошёлся. Швабрин скрылся. Я воротился в дом смирненника. Всё было готово к нашему отъезду; я не хотел более медлить. Дорога наша всё было уложено в старую комендантскую повоз-

ку. Ямщики мигом заложили лошадей. Марья Ивановна пошла проститься с могилами своих родителей, похороненных за церковью. Я хотел её проводить, но она просила меня оставить её одну. Через несколько минут она воротилась, обливаясь молча тихими слезами. Повозка была подана. Отец Герасим и жена его вышли на крыльцо. Мы сели в кибитку втроём: Марья Ивановна с Палашей и я. Савельич забрался на облучок. «Прощай, Марья Ивановна, моя голубушка! Прощайте, Пётр Андреич, сокол наш ясный! – говорила добрая попадья. – Счастливым путь, и дай бог вам обоим счастья!» Мы поехали. У окошка комендантского дома я увидел стоящего Швабрина. Лицо его изображало мрачную злобу. Я не хотел торжествовать над уничтоженным врагом, и обратил глаза в другую сторону. Наконец мы выехали из крепостных ворот и навек оставили Белогорскую крепость.

Глава XIII. Арест

*Не гневайтесь, сударь: по долгу моему
Я должен сей же час отправить вас в тюрьму.
– Извольте, я готов; но я в такой надежде,
Что дело объяснить дозволите мне прежде.*

Княжнин

Вечером кибитку Гринёва остановили гусары и хотели арестовать. В начальнике гусаров он узнаёт Зурина, которому когда-то проиграл деньги. Выяснив, что Гринёв везёт дочь капитана Миронова, Зурин предлагает отправить Машу с Савельичем к родителям Гринёва, а Петру остаться в отряде. Война продолжается, бедствия доходят до крайности... « Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!» Зурин получает известие о поимке самозванца. Мысль о его казни тревожит Петра: «Емеля, Емеля! Зачем не наткнулся ты на штык...?» Неожиданно Зурин получает приказ об аресте Гринёва.

Глава XIV. Суд

Мирская молва – морская волна.
Пословица

Я был уверен, что виною всему было самовольное моё отсутствие из Оренбурга. Я легко мог оправдаться: насильничество не только никогда не было запрещено, но ещё всеми силами было ободряемо. Я мог быть обвинён в излишней запальчивости, а не вслушании. Но приятельские сношения мои с Пугачёвым могли быть доказаны множеством свидетелей и должны были казаться по крайней мере весьма подозрительными.

Во всю дорогу размышляя о допросах, меня ожидающих, обдумывал свои ответы и решил перед судом объявить сущую правду, полагая сей способ оправдания самым простым, а вместе и самым надёжным.

Я приехал в Казань, опустошённую и погорелую. По улицам, вместо домов, лежали груды угля и торчали закоптелые стены без

крыш и окон. Таков был след, оставленный Пугачёвым! Меня привезли в крепость, уцелевшую посереде сгоревшего города. Гусары сдали меня караульному офицеру. Он велел кликнуть кузнеца. Надели мне на ноги цепь и заковали её наглухо. Потом отвели меня в тюрьму и оставили одного в тесной и тёмной конурке, с одними голыми стенами и с окошечком, загороженным железною решёткою.

Такое начало не предвещало мне ничего доброго. Однако ж я не терял ни бодрости, ни надежды. Я прибегнул к утешению всех скорбящих и, впервые вкусив сладость молитвы, изливаемой из чистого, но растерзанного сердца, спокойно заснул, не заботясь о том, что со мною будет.

На другой день тюремный сторож меня разбудил, с объявлением, что меня требуют в комиссию. Два солдата повели меня через двор в комендантский дом, остановились в передней и впустили одного во внутренние комнаты.

Я вошёл в залу довольно обширную. За столом, покрытым бумагами, сидели два человека: пожилой генерал, виду строгого и холодного, и молодой гвардейский капитан, лет двадцати осьми, очень приятной наружности, ловкий и свободный в обращении. У окошка за особым столом сидел секретарь с пером за ухом, наклонясь над бумагою, готовый записывать мои показания. Начался допрос. Меня спросили о моём имени и звании. Генерал осведомился, не сын ли я Андрея Петровича Гринёва? И на ответ мой возразил сурово: «Жаль, что такой почтенный человек имеет такого недостойного сына!» Я спокойно отвечал, что каковы бы ни были обвинения, тяготеющие на мне, я надеюсь их рассеять чистосердечным объяснением истины. Уверенность моя ему не понравилась. «Ты, брат, востёр, — сказал он мне нахмурясь, — но выдадим мы и не таких!»

Тогда молодой человек спросил меня: по какому случаю и в какое время вошёл я в службу к Пугачёву и по каким поручениям бываю употреблён?

Я отвечал с негодованием, что я, как офицер и дворянин, ни в какую службу к Пугачёву вступать и никаких поручений от него принять не мог. «Каким же образом» — возразил мой допросчик — дворянин и офицер один пощаждён самозванцем, между тем как все его товарищи злодейски умерщвлены? Каким образом этот самый офицер и дворянин дружески пирует с бунтовщиками, принимает от главного злодея подарки, шубу, лошадь и полтину денег? От него произошла такая странная дружба и на чём она основана, если не на измене, или по крайней мере на гнусном и преступном малодушии?»

Я был глубоко оскорблён словами гвардейского офицера, и с жаром начал своё оправдание. Я рассказал, как началось моё знакомство с Пугачёвым в степи, во время бурана, как при взятии Белогорской кре-

пости он меня узнал и пощадил. Я сказал, что тулуп и лошадь, правда, не посоветился я принять от самозванца; но что Белогорскую крепость защищал я противу злодея до последней крайности. Наконец я сослался и на моего генерала, который мог засвидетельствовать моё усердие во время бедственной оренбургской осады.

Строгий старик взял со стола открытое письмо и стал читать его вслух: «На запрос вашего превосходительства касательно прапорщика Гринёва, якобы замешанного в нынешнем смятении, и вошедшего в сношения с злодеем, службою недозволенные и долгу присяги противные, объяснить имею честь: оный прапорщик Гринёв находился на службе в Оренбурге от начала октября прошлого 1773 года до 24 февраля нынешнего года, в которое число он из города отлучился, и с той поры уже в команду мою не являлся. А слышно от перебежчиков, что он был у Пугачёва в слободе и с ним вместе ездил в Белогорскую крепость, в коей прежде находился он на службе; что касается до его поведения, то я могу...» Тут он прервал своё чтение, и сказал мне сурово: «Что ты теперь скажешь себе в оправдание?»

Я хотел было продолжать, как начал, и объяснить мою связь с Марьей Ивановной так же искренно, как и всё прочее. Но вдруг почувствовал непреодолимое отвращение. Мне пришло в голову, что если назову её, то комиссия потребует её к ответу; и мысль впутать имя её между гнусными извещениями злодеев, и её самую привести на очную с ними ставку – эта ужасная мысль так меня поразила, что я замялся и спутался.

Судьи мои, начинавшие, казалось, выслушивать ответы мои с некоторою благосклонностию, были снова предубеждены противу меня при виде моего смущения. Гвардейский офицер потребовал, чтоб меня поставили на очную ставку с главным доносителем. Генерал велел кликнуть вчерашнего злодея. Я с живостию обратился к дверям, ожидая появления своего обвинителя. Через несколько минут загремели цепи, двери отворились, и вошёл – Швабрин. Я изумился его времени. Он был ужасно худ и бледен. Волоса его, недавно чёрные как смоль, совершенно поседел; длинная борода была всклокочена. Он повторил обвинения свои слабым, но смелым голосом. По его словам, я отряжён был от Пугачёва в Оренбург шпионом; постоянно выезжал на перестрелки, дабы передавать письменные известия о всём, что делалось в городе; что наконец явно передан самозванцу, разъезжал с ним из крепости в крепость, стараясь всячески губить своих товарищей-изменников, дабы занимать их места и пользоваться наградами, раздаваемыми от самозванца. Я выслушал его молча и был доволен одним: имя Марьи Ивановны не было произнесено гнусным злодеем, оттого ли, что самлюбивое его страдало при мысли о той, которая отвергла его с пре-

зрением; оттого ли, что в сердце его таилась искра того же чувства, которое и меня заставляло молчать, — как бы то ни было, имя дочери Белогорского коменданта не было произнесено в присутствии комиссии. Я утвердился ещё более в моём намерении, и когда судьи спросили: чем могу опровергнуть показания Швабрина, я отвечал, что держусь первого своего объяснения и ничего другого в оправдание себе сказать не могу. Генерал велел нас вывести. Мы вышли вместе. Я спокойно взглянул на Швабрина, но не сказал ему ни слова. Он усмехнулся злобной усмешкою и, приподняв свои цепи, опередил меня и ускорил свои шаги. Меня опять отвели в тюрьму и с тех пор уже к допросу не требовали.

Я не был свидетелем всему, о чём остаётся мне уведомить читателя; но я так часто слышал о том рассказы, что малейшие подробности врезались в мою память и что мне кажется, будто бы я тут же невидимо присутствовал.

Марья Ивановна принята была моими родителями с тем искренним радушием, которое отличало людей старого века. Они видели благодать божию в том, что имели случай приютить и обласкать бедную сироту. Вскоре они к ней искренно привязались, потому что нельзя было её узнать и не полюбить. Моя любовь уже не казалась батюшке пустою блажью; а матушка только того и желала, чтоб её Петруша женился на милой капитанской дочке.

Слух о моём аресте поразил всё моё семейство. Марья Ивановна так просто рассказала моим родителям о странном знакомстве моём с Пугачёвым, что оно не только не беспокоило их, но ещё заставляло часто смеяться от чистого сердца. Батюшка не хотел верить, чтобы я мог быть замешан в гнусном бунте, коего цель была ниспровержение престола и истребление дворянского рода. Он строго допросил Савельича. Дядюшка не утаил, что барин бывал в гостях у Емельки Пугачёва, и что де тот его так жаловал; но клялся, что ни о какой измене от него не слыхивал. Старики успокоились и с нетерпением стали ждать благоприятных вестей. Марья Ивановна сильно была встревожена, но молчала, ибо в высшей степени была одарена скромностью и осторожностью.

Прошло несколько недель... Вдруг батюшка получает из Петербурга письмо от нашего родственника князя Р.Р. Князь писал ему обо мне. После обыкновенного приступа, он объявлял ему, что подозрения насчёт участия моего в замыслах бунтовщиков к несчастью оказались слишком основательными, что примерная казнь должна была бы меня постигнуть, но что государыня, из уважения к заслугам и преклонным летам отца, решилась помиловать преступного сына и, избавляя его от позорной казни, повелела только сослать в отдалённый край Сибири на вечное поселение.

Сей неожиданный удар едва не убил отца моего. Он лишился обыкновенной своей твёрдости, и горесть его (обыкновенно немая) изливалась в горьких жалобах. «Как! – повторял он, выходя из себя. – Сын мой участвовал в замыслах Пугачёва! Боже праведный, до чего я дожил! Государыня избавляет его от казни! От этого разве мне легче? Не казнь страшна: пращур мой умер на лобном месте, отстаивая то, что почитал святынею своей совести; отец мой пострадал вместе с Волынским и Хрущёвым. Но дворянину изменить своей присяге, соединиться с разбойниками, с убийцами, с беглыми холопьями!.. Стыд и срам нашему роду!..» Испуганная его отчаянием матушка не смела при нём плакать и старалась возвратить ему бодрость, говоря о неверности молвы, о шаткости людского мнения. Отец мой был неутешен.

Марья Ивановна мучилась более всех. Будучи уверена, что я мог оправдаться, когда бы только захотел, она догадывалась об истине и почитала себя виновницею моего несчастья. Она скрывала от всех свои слёзы и страдания, думала о средствах, как бы меня спасти.

Однажды вечером батюшка сидел на диване, перевёртывая листы Придворного Календаря; но мысли его были далеко... Вдруг Марья Ивановна, тут же сидевшая за работой, объявила, что необходимость её заставляет ехать в Петербург, и что она просит дать ей способ отправиться. Матушка очень огорчилась. «Зачем тебе в Петербург? – сказала она. – Неужто, Марья Ивановна, хочешь и ты нас покинуть?» Марья Ивановна отвечала, что вся будущая судьба её зависит от этого путешествия, что она едет искать покровительства и помощи у сильных людей, как дочь человека, пострадавшего за свою верность.

Отец мой потупил голову... «Поезжай, матушка! – сказал он ей со вздохом. – Мы твоему счастью помехи сделать не хотим. Дай бог тебе в женихи доброго человека, не ошельмованного изменника»...

Марью Ивановну снарядили, и через несколько дней она отправилась в дорогу с верной Палашей и с верным Савельичем...

Марья Ивановна благополучно прибыла в Софию и, узнав на почтовом дворе, что Двор находился в то время в Марском Селе, решила тут остановиться. Ей отвели уголок за перегородкой. Жена смотрителя тотчас с нею разговорилась, объявила, что она племянница придворного истопника, и посвятила ей все таинства придворной жизни. Она рассказала, в котором часу государыня обыкновенно просыпалась, кушала кофей, прогуливалась; как и вельможи находились в то время при ней; что изволила она вчерашний день говорить у себя за столом, кого принимала вечером...

На другой день рано утром Марья Ивановна проснулась, оделась и тихонько пошла в сад. Утро было прекрасное, солнце освещало вершины

лип, пожелтевших уже под свежим дыханием осени. Широкое озеро сияло неподвижно. Проснувшиеся лебеди важно выплывали из-под кустов, осеняющих берег. Марья Ивановна пошла около прекрасного луга, где только что поставлен был памятник в честь недавних побед графа Петра Александровича Румянцева. Вдруг белая собачка английской породы залаяла и побежала ей навстречу, Марья Ивановна испугалась и остановилась. В эту самую минуту раздался приятный женский голос: «Не бойтесь, она не укусит». И Марья Ивановна увидела даму, сидевшую на скамейке противу памятника. Марья Ивановна села на другом конце скамейки. Дама пристально на неё смотрела; а Марья Ивановна, со своей стороны бросив несколько косвенных взглядов, успела рассмотреть её с ног до головы. Она была в белом утреннем платье, в ночном чепце и в душегрейке. Ей казалось лет сорок. Лицо её, полное и румяное, выражало важность и спокойствие, а голубые глаза и лёгкая улыбка имели прелесть неизъяснимую. Дама первая прервала молчание.

– Вы верно не здешние? – сказала она.

– Точно так-с: я вчера только приехала из провинции.

– Вы приехали с вашими родными?

– Никак нет-с. Я приехала одна.

– Одна! Но вы так ещё молоды.

– У меня нет ни отца, ни матери.

– Вы здесь, конечно, по каким-нибудь делам?

– Точно так-с. Я приехала подать просьбу государыне.

– Вы сирота: вероятно, вы жалуетесь на несправедливость и обиду?

– Никак нет-с. Я приехала просить милости, а не правосудия.

– Позвольте спросить, кто вы таковы?

– Я дочь капитана Миронова.

– Капитана Миронова! Того самого, что был комендантом одной из оренбургских крепостей?

– Точно так-с.

Дама, казалось, была тронута. «Извините меня, – сказала она голосом ещё более ласковым, – если я вмешиваюсь в ваши дела; но я бываю при дворе; изъясните мне, в чём состоит ваша просьба, и, может быть, мне удастся вам помочь».

Марья Ивановна встала и почтительно её благодарила. Всё в неизвестной даме невольно привлекало сердце и внушало доверенность. Марья Ивановна вынула из кармана сложенную бумагу и подала её незнакомой своей покровительнице, которая стала читать её про себя. Сначала она читала с видом внимательным и благосклонным; но вдруг лицо её изменилось, – и Марья Ивановна, следовавшая глазами за всеми её движениями, испугалась строгому выражению этого лица, за

минуту столь приятному и спокойному.

– Вы просите за Гринёва? – сказала дама с холодным видом. – Императрица не может его простить. Он пристал к самозванцу не из невежества и легковерия, но как безнравственный и вредный негодяй».

– Ах, неправда! – вскрикнула Марья Ивановна.

– Как неправда! – возразила дама, вся вспыхнув.

– Неправда, ей богу, неправда! Я знаю всё, я всё вам расскажу. Он для одной меня подвергался всему, что постигло его. И если он не оправдался перед судом, то разве потому только, что не хотел запутать меня. – Тут она с жаром рассказала всё, что уже известно моему читателю.

Дама выслушала её со вниманием. – «Где вы остановились?» – спросила она потом; и услыша, что у Анны Власьевны, примолвила с улыбкою: «А! знаю. Прощайте, не говорите никому о нашей встрече. Я надеюсь, что вы недолго будете ждать ответа на ваше письмо».

С этим словом она встала и вошла в крытую аллею, а Марья Ивановна возвратилась к Анне Власьевне, исполненная радостной надежды.

Хозяйка побранила её за раннюю осеннюю прогулку, вредную, по её словам, для здоровья молодой девушки. Она принесла самовар, и за чашкою чая только было принялась за бесконечные рассказы о дворе, как вдруг придворная карета остановилась у крыльца, и камер-лакей вошёл с объявлением, что государыня изволит к себе приглашать девицу Миронову.

Анна Власьевна изумилась и расхлопоталась. «Ахти, господи! – закричала она. – Государыня требует вас ко двору. Как же это она про вас узнала? Да как же вы, матушка, представитесь к императрице? Вы, чай, и ступить по придворному не умеете... Не проводить ли мне вас?...» Камер-лакей объявил, что государыне угодно было, чтобы Марья Ивановна ехала одна, и в том, в чём её застанут. Дело было решено: Марья Ивановна села в карету и поехала во дворец, сопровождаемая советами и благословениями Анны Власьевны.

...Через несколько минут карета остановилась у дворца. Марья Ивановна с трепетом пошла по лестнице.

Мысль увидеть императрицу лицом к лицу так устрашала её, что она с трудом могла держаться на ногах. Через минуту двери отворились, и она вошла в уборную государыни. Императрица сидела за своим туалетом. Несколько придворных окружали её и почтительно пропустили Марью Ивановну. Государыня ласково к ней обратилась, и Марья Ивановна узнала в ней ту даму, с которой так откровенно изъяснялась она несколько минут тому назад. Государыня подозвала её и сказала с улыбкою: «Я рада, что могла сдержать вам своё слово и исполнить вашу просьбу. Дело ваше кончено. Я убеждена в невинности вашего жениха. Вот письмо,

которое сами потрудитесь отвезти к будущему свёкру».

Марья Ивановна приняла письмо дрожащею рукою и, заплакав, упала к ногам императрицы, которая подняла её и поцеловала. Государыня разговорилась с нею. «Знаю, что вы не богаты, – сказала она, – но я в долгу перед дочерью капитана Миронова. Не беспокойтесь о будущем. Я беру на себя устроить ваше состояние».

Обласкав бедную сироту, государыня её отпустила. Марья Ивановна уехала в той же придворной карете. Анна Власьевна, нетерпеливо ожидавшая её возвращения, осыпала её вопросами, на которые Марья Ивановна отвечала кое-как. Анна Власьевна хотя и была недовольна её беспамятством, но приписала оное провинциальной застенчивости и извинила великодушно. В тот же день Марья Ивановна, не любопытствовалась взглянуть на Петербург, обратно поехала в деревню...

Здесь прекращаются записки Петра Андреевича Гринёва. Из семейственных преданий известно, что он был освобождён от заключения в конце 1774 года, по именному повелению; что он присутствовал при казни Пугачёва, который узнал его в толпе и кивнул ему головою, которая через минуту, мёртвая и окровавленная, показана была народу. Вскоре потом Пётр Андреевич женился на Марье Ивановне. Потомство их благоденствует в Симбирской губернии. – В тридцати верстах от *** находится село, принадлежащее десятерым помещикам. – В одном из барских флигелей показывают собственноручное письмо Екатерины II за стеклом и в рамке. Оно писано к отцу Петра Андреевича и содержит оправдание его сына и похвалы уму и сердцу дочери капитана Миронова. Рукопись Петра Андреевича Гринёва доставлена была нам от одного из его внуков, который узнал, что мы заняты были трудом, относящимся ко временам, описанным его дедом. Мы решились, с разрешения родственников, издать её особо, приискав к каждой главе приличный эпиграф и дозволив себе переменить некоторые собственные имена.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Используя словари, объясните значение незнакомых слов.
2. Пользуясь ресурсами Интернета, узнайте, почему Пугачёв принял имя Петра III.
3. Сравните образы Екатерины II и Пугачёва. Составьте диаграмму Венна. Будет ли слово «жестокость» связующим звеном между ними?
4. Проследите историю жизни Гринёва. Всегда ли он поступает по законам дворянской чести? Перечислите все поступки, которые соответствуют заветам его отца. В какой момент Гринёв нарушает присягу? Почему?
5. Как Гринёв относится к крестьянскому бунту и к Пугачёву? Найдите в тексте слова, подкрепляющие вашу мысль.
6. Выберите ключевое слово, объясняющее, почему Пугачёв помиловал Гринёва: милосердие, сострадание, благодарность, справедливость, гуманизм.
7. Как вы считаете, почему повесть называется «Капитанская дочка»?

Можно ли Машу Миронову назвать главной героиней произведения?

8. Какие темы можно выделить в «Капитанской дочке»? Составьте кластер.

9. Как эпиграф повести связан с идеей произведения?

10. Чем отличается повесть от рассказа?

11. Какие фольклорные жанры можно встретить в повести? Как они связаны с сюжетом и для чего А. С. Пушкин использовал их?

12. Какой эпизод во второй главе является художественным предварением?

В какой главе имеется вводный эпизод?

13. Записки Гринёва обрываются, финал повести остаётся открытым. Попробуйте завершить биографию героя.

Это интересно!

Первый сборник стихов А. С. Пушкина на азербайджанском языке был издан в 1868 году. В 1880 году Сеид Азим Ширвани посвятил стихи открытию памятника поэту в Москве. В 1899 году в школе «Тербие» в Нахчыване отметили юбилей, посвящённый 100-летию со дня рождения А. С. Пушкина. Доклад педагога и поэта Мамеда Таги Сидги о творчестве поэта на этом юбилее в 1914 году вышел отдельным изданием.

КУРБАН САИД

Книга, о которой пойдёт речь, окутана завесой тайны, так как рукопись произведения бесследно исчезла, а литературоведы не могут определить, кто скрывается под псевдонимом «Курбан Саид». Впервые книга была напечатана в 1937 году в Австрии, затем в Италии, однако уже под другим именем – Мохаммед Эссад Бей. В связи с этим существует несколько версий авторства романа. Некоторые исследователи считают, что под именем «Курбан Саид» писал замечательный писатель, публицист и историк Юсиф Чемеменли, жизненный путь которого напоминает судьбу главного героя.

На фоне исторических событий начала XX века разворачивается удивительная история любви азербайджанца Али хана Ширваншира и грузинки Нино Кипиани. История написана от первого лица – автора и героя, обладающего тонким юмором.

Каждая строчка книги проникнута любовью к родной земле, к окружающему миру, к людям и, конечно же, к «самой красивой в мире девочке» – Нино. В ней представлена широкая картина быта и нравов того времени – своеобразная «энциклопедия азербайджанской жизни»: как одевались люди того времени, как они учились и потеснились с старшим, как проводили досуг, какую музыку слушали и многое другое. В текст романа, подобно восточной вязи, вплетаются легенды, события того времени, философские размышления о противостоянии Востока и Запада. Автор, словно экскурсовод, ведёт нас по улочкам османской крепости и живописным тропам Шуши. И по тому, как пишется, мы понимаем, что перед нами – патриот, горячо любящий свою родину.

АЛИ И НИНО

(Отрывки из романа)

Глава первая

– Север, юг и запад Европы окружены морями. Северный Ледовитый океан, Средиземное море и Атлантический океан составляют естественные границы этого континента. Восточная граница Европы проходит по территории Российской империи. Она спускается по Уральским горам, делит надвое Каспийское море и далее проходит через Закавказье. И тут наука ещё не сказала своего окончательного слова. Некоторые учёные относят к Европе и южные склоны Кавказских гор, другие же считают, что эта территория не может считаться Европой, особенно если учесть культурное развитие населяющих её народов. Дети мои! От вас самих будет зависеть, причислят ли наш город к прогрессивной Европе или же отсталой Азии.

И профессор, облачённый в шитый золотом мундир преподавателей русских гимназий, довольно улыбнулся.

У сорока учеников третьего класса Бакинской русской императорской гуманитарной гимназии перехватило дыхание перед бездной науки и грузом ответственности, павшей на наши плечи.

Какое-то время мы все молчали. Мы – это тридцать мусульман, четыре армянина, два поляка, три сектанта и один русский. Тут с последней парты поднял руку Мухаммед Гейдар.

– Простите, господин профессор, но мы хотели бы остаться в Азии.

Класс грохнул. Мухаммед Гейдар уже второй год отсиживал в третьем классе, и, пока Баку относился к Азии, существовала вероятность, что он не продвинется в учёбе и на третий год, потому что согласно указу министерства в азиатских областях Российской империи учащиеся из числа местного населения могли учиться в одном и том же классе, сколько им заблагорассудится.

Профессор Санин озабоченно потёр лоб.

– Вот как! Значит, вы, Мухаммед Гейдар, хотите остаться в Азии? Ну-ка, выйдите к доске. А можете ли вы обосновать своё желание?

Мухаммед Гейдар стоял пунцово-красный, не в силах произнести ни слова. Он разинул рот, морщил губы и бессмысленно тарашил туповатые глаза... Надо было спасать положение, и поэтому я поднял руку и заявил, что тоже хочу остаться в Азии.

– Али хан Ширваншир! И вы?! Ну ладно, выходите!

Профессор Санин, проклиная в душе злую судьбу, забросившую его на берег Каспия, нервно откашлялся и тихо, с надеждой, спросил:

– А вы можете обосновать своё желание?
– Да. Я очень хорошо чувствую себя в Азии.
– Так, так. А вы когда-нибудь были в истинно дикой азиатской стране, скажем, в Иране?

– Да, прошлым летом.
– Так! А видели ли вы там величайшие достижения европейской культуры, ну, хотя бы автомобиль?

– Да, и причём самый большой. На тридцать человек, а может, и больше. Они ездят не в самом городе, а курсируют между городами.

– Вы говорите об автобусах, их используют потому, что не хватает железных дорог. Это – признак отсталости. Садитесь, Ширваншир!

Я шёл к своей парте, сопровождаемый одобрительными взглядами.

Профессор Санин растерянно молчал. В его задачу входило воспитать своих учеников настоящими европейцами.

– А кто из вас был, например, в Берлине? – спросил он вдруг.

Но этот день для профессора явно выдался неудачным: сектант Майков поднял руку и сообщил, что, ещё совсем маленьким, был в Берлине, но сейчас он ничего, кроме духоты вокзала, жуткого грохота метро да ещё заботливо приготовленного для него мамой бутерброда с ветчиной, не помнит.

...Таким образом, раз и навсегда закончилась дискуссия о местоположении Баку.

Прозвенел звонок. Профессор Санин с огромным облегчением покинул класс, и мы, все сорок человек, гурьбой выбежали за ним. Это была большая перемена, и каждый мог выбирать на вкус любое из трех развлечений: выбежать во двор и затеять драку с учениками соседней реальной гимназии из-за того, что у них золотые пуговицы на мундире и золотые кокарды¹, в то время как наши пуговицы и кокарды были серебряными; либо громко говорить друг с другом по-азербайджански, потому что русские этого языка не понимали, к тому же в гимназии во время занятий говорить на азербайджанском языке было запрещено; и, наконец, можно было пойти в расклевываемую напротив женскую гимназию святой царицы Тамары. Я выбрал третий вариант.

Лицеистки в голубых цветочных форменных платьях и белых фартуках степенно прогуливались по саду. Среди них была и моя двоюродная сестра Айше. Она гуляла под руку с самой красивой в мире девочкой Нино Кипиани. Увидев меня, Айше помахала рукой. Я подошёл к ним и стал рассказывать о сражении, состоявшемся на уроке географии.

¹Кокарда – форменный знак на головном уборе.

– Али хан, ты дурак, – сказала, наморщив носик, самая красивая в мире девочка. – Слава Богу, что мы в Европе. Будь мы в Азии, мне давно следовало бы надеть чадру, и ты бы никогда не увидел моего лица.

Я был разбит наголову. Спорное географическое положение Баку действительно подарило мне благосклонность самых красивых в мире глаз. Расстроенный, я решил не идти на остальные уроки и отправился бродить по улицам, разглядывая верблюдов, а потом долго стоял у моря, печально размышлял о Европе, Азии и прекрасных глазах Нино Кипиани.

Вдруг передо мной возник какой-то жуткого вида нищий. Я бросил ему монету. Он тут же схватил мою руку, намереваясь поцеловать её. Я испуганно отдернул руку. А потом, полный раскаяния за проявленное бессердечие, битых два часа искал исчезнувшего нищего, чтобы позволить ему поцеловать мне руку. Мне всё казалось, что я обидел его отказом, и угрызения совести не давали мне покоя. Впрочем, найти нищего мне так и не удалось.

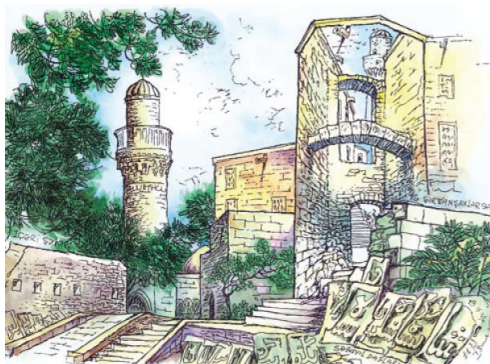
С тех пор прошло пять лет. Много всякого произошло за эти годы. В нашу гимназию пришёл новый директор, который больше всего на свете любил схватить кого-нибудь из нас за ворот и несколько раз сильно потряхнуть. Бить гимназистов запрещалось... За эти годы стена гимназии украсилась новым объявлением, которое запрещало появляться в гимназии с заряженным пистолетом. И, наконец, в эти пять лет в городе появилась телефонная сеть, открылись два новых кинотеатра, а Нино Кипиани по-прежнему оставалась самой красивой в мире девушкой.

Но скоро всё должно было закончиться: до экзаменов оставалось всего неделя, я сидел в своей комнате и думал о том, как глупо учить латынь, живя на берегах Каспия. Моя комната была самой лучшей во всём нашем двухэтажном доме. По стенам висели великолепные бухарские, исфаганские и кешанданские ковры. Поразительные по тонкости исполнения узоры на коврах изображали сады и озёра, леса и реки такими, как их представляла мастерица. Человек, в этом деле несведущий, ничего особенного здесь не увидит, а для знатока – эта картина полна пленительного очарования.

Где-то далеко в степях женщины кочевых племён выжимают растения, из которых делают краску, секрет приготовления которой хранится столетиями и передается из поколения в поколение. На созда-

ние истинного произведения искусства мастера должна потратить не меньше десяти лет. Так возникает ковёр со сценами охоты или рыцарского поединка, шедевр, полный символов и намёков, понятных лишь посвящённым, украшенный строкой Фирдоуси или мудрым изречением Саади...

Я захлопнул книгу и вышел из комнаты. Прошёл по узкой веранде, поднялся на плоскую крышу и взглянул на мир, расстилающийся у моих ног: мощные крепостные стены Ичери шехер, развалины дворца с сохранившимися на камнях арабскими надписями, узкие улочки, по которым медленно шли верблюды. А вот возвышается круглая, массивная Девичья башня. У её подножья суетятся проводники. Чуть поодаль, за Девичьей башней, распростёрлось море, свинцовое, непостижимое Каспийское море. Вдалеке вдоль берега тянулась степь – мрачные скалы, пески и колючки – прекраснейший в мире пейзаж, спокойный и непоколебимый.

Я неподвижно сидел на крыше. Какое мне дело до чужих городов, чужих крыш и чужих пейзажей? Я любил это ровное море, любил степь и лежащий у моих ног древний город. Суетливые, шумные люди, которые приезжали сюда в поисках нефти, обогащались, но уезжали, потому что не любили этой степи. Слуга принёс чай. Я сидел на крыше, пил чай и думал о выпускных экзаменах. Экзамены я сдам, в этом не было никаких сомнений. Да и провались я на экзаменах – мир не рухнул бы. Прощай, в этом случае крестьяне в нашем поместье говорили бы, что я так люблю ученье, что не хочу расставаться с гимназией...

...А потом я уеду в Москву учиться в Институт восточных языков имени Лазаревича. Я сам пришёл к такому решению. И буду учиться гораздо лучше русских, потому что с детства знаю то, чему им предстоит ещё долго учиться. И, кроме того, у студентов института имени Лазаревича были самые красивые мундиры... Человек должен носить форму, иначе русские его уважать не будут, если же я не добьюсь уважения русских, Нино не выйдет за меня замуж. А я должен жениться на Нино, несмотря на то, что она христианка. Грузинки – самые красивые женщины в мире. Я даже знал, что стану делать, если она откажет мне. Возьму с собой несколько отчаянных ребят, переброшу Нино на спину быстрого коня, пересеку иранскую границу и увезу Нино в Тегеран. Тогда ей придётся согласиться, потому что другого выхода у неё не будет!

Да, отсюда, с крыши нашего бакинского дома, жизнь казалась лёгкой и прекрасной. Наш слуга Керим тронул меня за плечо.

– Пора!

Я поднялся. Действительно пора. На горизонте за Наргеном уже показался корабль. Если верить телеграмме, которую принёс христианин-телеграфист, на этом корабле должны были приплыть мой дядя, три его жены и слуги. Мне предстояло встретить их. Я торопливо сбежал по ступенькам, сел в подъехавший фаэтон и отправился в шумный порт.

Дядя был человеком знаменитым. Милостью Насреддин шаха он был удостоен почётного звания «Ассад-ад Довле» – Лев империи, и обращаться к нему можно было только так. У дяди, как я уже говорил, было три жены, множество слуг, дворец в Тегеране и большое поместье в Мазандаране.

Небольшой пароходик причалил к причалу. Волосатые, широкоплечие матросы перекинули трап. Пассажиры заторопились на берег: русские, армяне, евреи – они так спешили ступить на землю, как будто боялись провести на корабле лишнюю минуту. Дяди пока не было. Он вообще был противником всякой спешки. «Торопливость – привилегия Дьявола», – говорил он. Поэтому худая фигура Льва империи появилась на палубе лишь после того, как на берег сошёл последний пассажир.

Дядя был одет в абу на шёлковой подкладке, на голове – небольшая чёрная меховая шапочка, густая борода и ногти выкрашены хной в знак поклонения имаму Гусейну, который тысячу лет назад проливал кровь во имя истинной веры. Дядя медленно спустился по трапу. Я обнял его и почтительно поцеловал в левое плечо, хотя на улице этого можно было бы не делать. В сторону жён я даже не взглянул. Мы сели в фаэтон, жены и слуги разместились в следующем за нами крытом экипаже. Картинка была столь внушительной, что я велел извозчику свернуть с дороги и везти нас по бульвару: пусть весь город знает, как богат мой дядя...

Я увидел Нино, она стояла на бульваре и с улыбкой смотрела на меня.

Дядя с достоинством поглаживал бороду.

– Ну, какие новости в городе? – спросил я.

Я хорошо знал своё дело. Рассказывая о новостях, следовало начинать с незначительных мелочей и лишь потом постепенно переходить к главному.

– Ничего особенного, – ответил я. – На прошлой неделе Дадаш бек убил Ахундзаде, который собирался появиться в городе после того, как восемь лет назад похитил жену Дадаш бека. На следующий же день Дадаш бек ушёл его. Сейчас полиция разыскивает его, но не найдёт, хотя весь город знает, что он скрывается в Мардакянах. Умные люди говорят, что Дадаш бек поступил правильно.

Дядя одобрительно кивнул.

– Какие ещё новости?

– Да, русские нашли в Биби-Эйбате много нефти. Нобель привёз в город громадную немецкую машину. Говорят, он собирается засыпать часть моря и искать там нефть.

Дядя очень удивился.

– О Аллах, о Аллах! – озабоченно проговорил он и поджал губы...

Глава вторая

Втроём, то есть отец, дядя и я, мы расположились на плоской крыше нашего дома, невысокий парапет которой укрывал нас от ветра. Стояла сильная жара. Крыша была устлана мягкими, яркими карабахскими коврами, на которых мы сидели, поджав по-турецки ноги.

Перед нами на скатерти были расставлены вкуснейшие восточные блюда: медовые лепёшки, засахаренные фрукты, шашлык, плов с курицей и кишмишом.

Всякий раз, наблюдая, как едят мои отец и дядя, я восхищался аристократической утончённостью их движений. Держа левую руку неподвижно, они одними лишь пальцами отрывали кусок лаваша, захватывали им кусок мяса, заворачивали мясо в лаваш и отправляли в рот. Затем дядя медленным движением погружал три пальца в жирный, ароматный плов, сжимал рис в плотный комочек и отправлял его вслед за мясом, да так ловко, что ни одно зернышко при этом не падало.

Клянусь Аллахом, зря русские хвастают своим умением есть с помощью ножа и вилки. Этому любой дурак научится за месяц. Я и сам прекрасно управляюсь ножом и вилок, и знаю, как следует держать себя за европейским столом. Но за свои восемнадцать лет мне так и не удалось научиться есть с такой элегантностью, как это делали дядя и отец. С помощью лишь трёх пальцев они могли съесть любое из бесчисленных восточных блюд.

Нино нашу манеру есть на бивает варварской. В доме Кипиани всегда едят по-европейски, за столом. Мы же садились за стол только в том случае, если у нас в гостях были русские. Нино ужасалась, пытаясь представить себе, как я сижу на ковре и ем руками.

При этом она забывала, что её родной папочка в первый раз взял вилку в руки в двадцать лет.

Трапеза окончилась. Мы ополоснули руки, и дядя прочитал короткую молитву. Слуги убрали посуду с остатками еды, подали маленькие чашечки с крепким чаем. И, как полагается после сытного обеда, дядя завёл разговор о том о сём. Отец говорил совсем мало, что же касается меня, то я вообще не имел права вступать в их беседу. Этого требовали правила приличий...

Старый и усталый дядя поднялся и медленной походкой удалился в свою комнату. Отец пошёл за ним. Слуги убрали чашки, и я остался на крыше один. Спать мне не хотелось.

На город опускалась ночная мгла, сейчас он напоминал зверя, притаившегося и готового к прыжку. Передо мной лежали, по сути дела, не один, а два города, сросшиеся, как две половины ореховой скорлупы.

Скорлупой был внешний город, лежащий по другую сторону древней крепостной стены. Улицы в том городе были широкие, дома – высокие, а люди алчные и суетливые. Главным в жизни того города была нефть, добываемая в нашей степи. Именно она приносила основной доход. Во внешнем городе были театры, школы, больницы, библиотеки, полицейские, красивые женщины с обнажёнными плечами. Если там стреляли, то только из-за денег. Граница между Европой и Азией тоже проходила по внешнему городу. И самое главное, там жила Нино.

А по эту сторону крепостных стен улицы были узкими и кривыми, как восточный кинжал. Если там, за крепостной стеной, в небо вонзались вышки нефтяных промыслов Нобеля, то здесь – в пушистые облака возносились минареты мечетей. Здесь, у восточной стены Старого города, возвышалась Девичья башня, которую очень давно велел раздвинуть правитель Баку Мухаммед Юсиф хан в честь своей дочери – Камень, о который разбилась девушка, называется «камень девственницы» и невесты перед свадьбой иногда приносят к нему цветы...

Теперь этот подземный ход завален.

Возвращаясь из гимназии, я часто прохожу мимо полуразрушенного дворца. Его судилище с массивными ионийскими колоннами сейчас пусто и безлюдно. Если кто-то хочет защитить свои права, он должен обратиться к русским судьям, в русские суды, которые находятся за пределами крепостных стен. Но мало кто обращается в русские суды. И не потому, что судьи там плохи или несправедливы. Совсем наоборот, они гораздо мягче и справедливей, чем этого хотелось бы, поэтому их милосердие и справедливость не понятны и не по нраву нашему народу. Русские судьи, например, воров сажают в тюрьму, а там их содержат в

чистых камерах, кормят, дают чай и даже сахар. Это никому не приносит пользы, и в первую очередь тому, кого обокрали...

Кровная месть переходит из одного дома в другой, и очень редко кто-нибудь обращается к русским судьям...

Иногда по улице протащат мешок, из которого доносятся чьи-то сдавленные стоны. Мешок выбрасывают в море, и он с тихим всплеском уходит на дно. А на следующий день кто-то плачет, рвёт на себе одежды...

Наш город – это сплошные тайны, которые прячутся в его укромных уголках. Я люблю эти тайны, люблю эти укромные уголки, люблю гудящую тьму ночи, дневной шёпот во дворе мечети. Люблю потому, что именно здесь Аллах позволил мне явиться на свет.

Глава третья

Первый день выпускных экзаменов в гимназии... Настроение у нас приподнятое... По дороге в гимназию я раздавал милостыню всем нищим, которые попадались мне на пути. Просто так, для надёжности. Причём я так волновался, что одному вместо пяти копеек дал целый рубль. Нищий бросился благодарить меня.

– Не меня благодари, – важно отвечал я, – а Аллаха, который благословил меня на такую щедрость.

Теперь уже срезаться на экзамене было невозможно...

Члены комиссии напоминали чудовищ, вывезенных Ноем на его знаменитом ковчеге: бородатые лица, мутные глаза, парадные золотые мундиры. От торжественности обстановки становилось чуть тревожно, хотя особой причины для волнения не было: русские преподаватели очень редко срезали мусульман на экзаменах. А всё потому, что у нас множество друзей – отчаянных парней, вооружённых ножами и революционными верами. Преподаватели это знали и боялись своих учеников не меньше, чем ученики боялись их. Для многих назначение в Баку было воистину божьей карой: слишком обычным для Баку делом было нападение под покровом ночи на преподавателей. В итоге нападавшие оставались неизвестны, а избитый преподаватель получал назначение на новое место. Поэтому преподаватели закрывали глаза на то, что ученик Али хан Ширваншир бессовестно списывал задания по математике у своего соседа Метальникова. Только однажды, в самый разгар процесса списывания преподаватель подошёл ко мне и отчаянно прошептал: «Ну, не так же откровенно, Ширваншир, ведь мы не одни».

Письменный экзамен по математике мы сдали без приключений, а потом довольные этим беззаботно спустились по Николаевской, словно уже не были гимназистами...

Дома меня встречали с торжественностью не меньшей, чем Александра Македонского после его победы над персами. Слуги смотрели с почтением. Отец меня расцеловал и пообещал исполнить три моих желания. Дядя заявил, что такой образованный человек, вне всякого сомнения, должен быть представлен тегеранскому двору, где ему предстоит сделать блестящую карьеру.

Когда улеглись первые волнения, я незаметно пробрался к телефону. Вот уже две недели я не разговаривал с Нино. Решая жизненно важные проблемы, мужчина должен держаться подальше от женского общества – таково мудрое правило отцов.

Я снял трубку и покрутил ручку аппарата.

– Дайте, пожалуйста, 33-81.

– Али, ты сдал экзамены? – раздался голос Нино.

– Да.

– Поздравляю, Али!

– Когда и где, Нино?

– В пять, у бассейна в Губернаторском саду.

Дальше говорить было невозможно. Родня, слуги – все обратились в слух. А за спиной Нино, наверное, стояла её уважаемая матушка. Я поднялся в комнату отца. Он сидел на диване и пил чай. Рядом сидел дядя... Экзамен на аттестат зрелости ещё не кончился. Сыну, стоящему на пороге жизни, отец должен был раскрыть всю её мудрость.

– Сынок, – начал отец, – накануне твоего вступления в жизнь я хочу ещё раз напомнить об обязанностях мусульманина. Дабы не погибнуть, мы должны беречь наши древние традиции и уклад жизни. Сын мой, чаще молись. Не пей. Всегда помогай бедным и слабым. Будь всегда готов сразиться и умереть во имя истинной веры. Если ты погибнешь на поле битвы, это причинит мне, старику, боль. Если же ты останешься жив, но потеряешь честь, твой отец будет опозорен. Не давай врагу пощады, сынок, мы не христиане. Не думай о завтрашнем дне, осторожность

делает нас трусами.

Дядя и слуги внимали отцу с таким благоговением, будто в словах его заключалось божественное откровение.

Отец встал, взял меня за руку и хрипло добавил:

– Умоляю, не занимайся политикой! – голос его вдруг дрогнул. – Делай что хочешь, но не вмешивайся в политику!

Это я пообещал ему с чистым сердцем. От политики я был слишком далёк, ведь, насколько я понимал, Нино – это проблема не политическая.

Отец ещё раз обнял меня, и это означало, что теперь я уже совсем зрелый человек.

Ровно в половине пятого я в гимназическом мундире медленно вышел через крепостные ворота и степенно зашагал к набережной. У губернаторского дома я повернул направо к саду, разбитому на песчаной бакинской почве.

Обрётённая свобода пьянила меня. Вот мимо меня проехал на фаэтоне городской глава, и я первый раз за восемь лет мог не становиться по стойке «смирно» и отдавать по-военному честь. Я сорвал с фуражки серебряную кокарду с аббревиатурой бакинской гимназии и с удовольствием зашвырнул её как можно дальше. Всё, теперь я лицо гражданское!

Губернаторский сад очень большой. Дорожки там залиты асфальтом, по краям дорожек печально клонят свои ветви ивы. Под ними вкопаны скамейки. На трёх пальмах свили себе гнезда фламинго.

Справа сереет крепостная стена, а центр украшают белые мраморные колонны городского клуба. Чуть ниже клуба был большой и глубокий бассейн с выложенными камнем краями. Когда-то городская управа собиралась пустить в этот бассейн воду, завести лебедей. Однако этому благому намерению не суждено было сбыться. Во-первых, вода оказалась очень дорогой, а во-вторых, во всей империи не нашлось ни одного лебедя. Поэтому бассейн остался пуст и смотрел в небо глазницей мёртвого дива...

Я опустил голову и закрыл глаза – меня ослеплял ярко-жёлтый песок, усыпавший дорожки Губернаторского сада.

И вдруг совсем рядом раздался звонкий и весёлый смех:

– Святой Георгий! Вы только взгляните на этого Романа! Он уснул, дожидаясь своей Джульетты!

Передо мной стояла Нино в голубой форме учениц лицея святой Тамары. Нино была худошавая. Более того, на восточный вкус, можно было сказать, что она слишком уж худая. Но именно эта худоба пробуждала во мне нежные чувства к ней. Сейчас Нино было семнадцать, и я знал её с того самого дня, когда она впервые прошла по Николаевской в свой лицей.

Нино села рядом со мной.

– Так, значит, ты сдал последний экзамен? – спросила она, сверкнув взглядом из-под прекрасных ресниц. – Я немного волновалась за тебя.

Я положил руку ей на плечо.

– Пришлось немного понервничать, но Аллах, как видишь, приходит на помощь своим смиренным рабам.

– Через год ты и меня будешь наставлять на путь истинный, – засмеялась Нино. – Если бы можно было, чтоб во время экзаменов ты сидел под моей партой и подсказывал по математике.

Мы говорим об этом вот уже несколько лет, с того самого дня, когда двенадцатилетняя Нино пришла заплаканная на большой перемене и повела меня к себе в класс, где я весь урок просидел у неё под партой, решая задачи на контрольной по математике. С тех пор я был в глазах Нино героем...

– Я обязательно приду на ваш выпускной вечер, – сказала она на прощание.

Я взял её за руку.

– А летом что ты будешь делать?

– Летом? Мы поедem в Карабах, в Шушу. Но не выдумывай, пожалуйста. Это вовсе не значит, что и ты должен приезжать в Шушу.

– Ну что ж, встретимся летом в Шуше.

– Какой ты зануда. Даже не знаю, что я нашла в тебе?..

Я пошёл прямо к отцу.

– Ты обещал исполнить три моих желания. Вот первое. Этим летом я хотел бы один поехать в Карабах.

Отец пристально посмотрел на меня, а потом рассмеялся и кивнул.

Глава четвёртая

Зейнал ага был простым крестьянином из пригорода Баку – Бинагады. Он владел там пыльным, просоленным клочком земли и жил тем, что давал его участок. Во время землетрясения на его участке образовалась трещина, из которой ударил нефтяной фонтан. С того дня Зейнал ага уже не было нужды день и ночь трудиться в поте лица. Деньги сами рекой текли в его карманы, тратил он их щедро и безоглядно, но, несмотря на это, богатство его день ото дня всё росло и становилось для него в тягость, начинало мучить и угнетать. Он знал, что рано или поздно наступит время, когда придётся расплатиться за это счастье. С обречённостью приговорённого к смерти клал Зейнал ага этого наказания. Он стал заниматься благотворительностью, строил мечети, больницы, тюрьмы. Потом совершил паломничество в Мекку, после чего построил ещё один приют для сирот.

Единственный оставшийся с ним сын Ильяс бек был нашим одноклассником, поэтому для нашего выпускного вечера Зейнал ага предоставил большой зал в своём особняке, потолок которого был целиком

выложен матовым горным хрусталем.

Ровно в восемь вечера я поднимался по широким мраморным ступеням особняка. Ильяс бек стоял у лестницы и принимал гостей. Он, как и я, был в нарядной черкеске, с узким кинжалом на поясе. Он, как и я, не снял свою овечью папаху, так как это была привилегия, доставшаяся нам с древних времён.

Я поднёс правую руку к папахе.

— Здравствуй, Ильяс бек!

По старинному обычаю мы протянули друг другу обе руки, и его правая рука пожала мою правую руку, а левая — левую.

Я вошёл в переполненный зал. На почётном месте с выражением особой торжественности и праздничности на лице сидел директор гимназии, действительный статский советник Василий Григорьевич Храпко. Директора почтительно окружали преподаватели.

Я подошёл к директору и поклонился ему. Благодаря редкой способности к языкам, я считался в классе оратором и депутатом от учеников-мусульман. Стоило любому из моих одноклассников произнести хоть одну фразу на русском, сразу становилось ясно, что он не русский. Я же говорил даже на нескольких русских диалектах.

Отворилась маленькая боковая дверца, и какой-то мальчик лет десяти ввёл в зал четверых черноволосых слепых мужчин. Это были приехавшие из Ирана музыканты. Они расселись на ковре в углу зала, извлекли из футляров редчайшие инструменты работы старинных иранских мастеров. В зале воцарилась тишина. Тарист коснулся струн, и полилась печальная музыка.

Один из музыкантов поднёс ладонь к уху — классический жест точных певцов — и громко запел:

Твой стан, как персидская сабля,

Твои губы — пылающий рубин...

Потом он умолк, но песню подхватил другой.

Рыдал тар, навзрыд плакала кеманча.

Недалеко от меня, у одной из тяжёлых портьер стояли директор и преподаватель географии.

— Какая кошмарная музыка! — тихо проговорил директор. — ...Интересно, есть ли какой-нибудь смысл в этом пении?

— Здесь не должно быть смысла, как нет и мелодии, — отвечал преподаватель.

Я уже хотел на цыпочках отойти от них, но тут почувствовал, как осторожно щёлкнулась тяжёлая портьера. Я осторожно оглянулся и увидел этого старика с необычно светлыми глазами, который, спря-

тавшись, слушал музыку. Глаза старика странно блестели. Он плакал.

Это был отец Ильяс бека, Его Превосходительство Зейнал ага. Его большие жилистые руки дрожали. Подумать только! Эти руки, которые едва ли в состоянии были написать имя своего хозяина, теперь распоряжаются семьюдесятью миллионами рублей.

Я отвернулся. Зейнал ага был простым крестьянином, но понимал в искусстве пения больше, чем учителя, выпустившие нас в свет...

Кто-то сел за пианино. Зазвучал вальс. Директор пригласил на танец дочь губернатора.

– Добрый вечер, Ильяс бек, – слышу я со стороны лестницы. – Я немного опоздала. Но совершенно не виновата.

Я бросился к лестнице и увидел Нино, одетую не в вечернее платье, но и не в бальную форму учениц лицея святой Тамары. Талия её была так туго стянута, что, казалось, её можно обхватить ладонью. На плечах Нино была наброшена короткая бархатная пелеринка с золотыми пуговицами. Длинная бархатная юбка закрывала стройные ножки. Виднелись лишь носки её сафьяновых туфелек. Голову Нино украшала маленькая шляпка, лоб стягивали два ряда тяжёлых золотых монет. Нино была похожа сейчас на византийского ангела в древнем праздничном наряде грузинских цариц!

– Не сердись, Али хан, – смеялся ангел. – Пока завяжешь все тесёмки этой юбки, целый час пройдёт. Это юбка моей бабушки. Я только ради тебя с таким трудом натянула её на себя...

– «Молитву Шамиля»! – крикнул Ильяс бек музыкантам, и те тут же без перехода заиграли танец.

Ильяс выпрыгнул на середину зала, выхватил из ножен кинжал. Ноги его мелькали в ритме зажигательного кавказского танца. В руке сверкал клинок кинжала. Нино плавно подплыла к нему. Носки у неё были маленькие, как у куколки.

Начался танец Шамиля. Нино – невеста, которой предстояло быть похищенной... Зажав в зубах кинжал и раскинув в стороны руки, Ильяс хищной птицей кружил вокруг девушки. Нино легко ускользала от него. В грациозных движениях её рук обжигались страх, безнадежность, жертвенность. Левая рука сжимала платок. Трепет пробегал по её телу. Неподвижными оставались лишь цепочки, свисающие с её шляпки. Так и должно было быть, это было самым трудным в танце. Только грузинка могла с такой скоростью кружить по залу, и чтобы при этом цепочки не шелохнулись. Ильяс соколом преследовал стремительно ускользающую добычу, не останавливаясь ни на миг, не давая ей пощады, он нёсся кругами за своей жертвой. Движения его рук становились всё более власт-

ными, и, напротив, всё слабей руки Нино отбивали его атаки. И вот она замерла, трепеща всем телом, как загнанная охотником лань. Всё выше, всё более торжествующими становились прыжки Ильяса. Глаза Нино молили о пощаде, руки трепетали. Громче звучала музыка. Потом левая рука Нино разжалась, платок упал наземь, и в тот же миг кинжал Ильяса пригвоздил платок к полу. Танец закончился...

Глава пятая

– Когда наши славные предки явились в этот край, чтоб добыть себе великую славу и навести ужас на другие народы, они, увидев издали горные вершины, закричали: «Взгляни на снег!.. Вон там... снег лежит!» Потом же, приблизившись к горам и найдя здесь девственные леса, они воскликнули: «Великий сад!». Вот с тех пор эту землю и называют Карабах. Карабахцы называют её Сунюк, а ещё раньше её называли Агвар. Так что, хан, тебе следует знать, что наш край очень древний и славный.

Старый Мустафа, у которого я в Шуше снимал комнату, умолк. Его лицо и весь облик выражали гордость. Он отпил глоток фруктовой водки, отломил кусочек необыкновенно вкусного сыра, будто сплетённого из бесчисленного числа нитей и напоминающего девичью косу.

– В наших краях живут Тьма и духи Тьмы. Они охраняют несметные сокровища. Это каждому ребёнку известно. Но есть в горах священные камни, меж которых текут священные реки. У нас есть всё. Ты сходи в город, пройдишь, погуляй, погляди, работает ли хоть один человек? Хотя бы один! Поищи, увидишь ли ты хотя бы одного грустного человека? Хотя бы одного!

Ещё по дороге в Шушу, когда я проезжал по каменному мосту, кучер рассказывал мне:

– Этот мост по пути в Иран построил Александр Македонский в честь беспримерной храбрости своих воинов.

На основании моста были выбиты цифры «1897». Я указал на них кучеру.

– Эх, ага, – не растерялся тот, – то сделали русские, специально, чтобы принизить нашу славу.

Станным городом была Шуша. Основанная на высоте полутора тысяч метров, она стала своего рода мостом между Кавказом, Ираном и Турцией. В этом городе, со всех сторон окружённом живописными горами, лесами, реками, издавна жили мусульмане и христиане. Люди строили себе в горах и долинах маленькие домики из необожжённого кирпича и торжественно именовали их дворцами... Хозяева дворцов

могли часами сидеть на веранде, курить кальян и рассказывать о том, как неоднократно Россию спасали царские генералы, бывшие родом из Карабаха, и вообще неизвестно, что стало бы с империей, если б не карабахцы.

Я жил в Шуше уже пять дней и в ожидании приезда Нино целыми днями слушал рассказы шушинцев о том, что все люди, когда-либо прославившиеся богатством, военными подвигами или какими-то иными добродетелями, конечно же, были родом из Шуши.

А ещё я часто бродил по городскому парку, разглядывал минареты мечетей. Шуша очень благочестивый город: для шестидесяти тысяч населения здесь было построено десять мечетей и семнадцать церквей. К тому же вокруг города было бесконечное количество пиров – мест поклонения, среди которых, несомненно, первое место занимали два дерева святого Сары бека. Туда хвастливые карабахцы повели меня в первый же день приезда.

Могила святого находилась в часе езды от города. Ежегодно, в определённый день, все горожане собираются здесь поклониться могиле святого. Люди рассаживаются под священными деревьями, трапезничают. Отличающиеся особым благочестием не идут, а ползут к могиле на коленях. Дело это трудное, поэтому причисляется к особым заслугам. Деревья, растущие на могиле святого, трогать руками запрещено. Того, кто коснётся хотя бы листика на тех деревьях, немедленно разобьёт паралич. Вот каким могуществом обладает Сары бек!

Однако никто до сих пор не смог толком объяснить мне, какое же чудо явил этот святой. Вместо этого мне во всех деталях начинали рассказывать об одном случае, происшедшем с ним. Как-то Сары бек преследовали враги. Конь его мчался по гребню горы, которая и по сей день возвышается недалеко от Шуши. Когда преследователи совсем уже настигали святого, Сары бек резко натянул поводья, и его конь одним могучим прыжком перелетел через горы, скалы, пролетел надо всем городом.

Правоверные и сейчас могут видеть отпечатки следов копыт этого замечательного коня.

Я выразил сомнение в возможности подобного прыжка. Мои собеседники были оскорблены до глубины души.

– Но, ага, это ведь был карабахский конь! – возразили мне.

И тут же рассказали очередную легенду о карабахских конях. Всё в этом крае прекрасно, но лучшее в Карабахе – кони. Иранский шах Ага Мухаммед уверял меня, готов был отдать за карабахского коня весь свой гарем. Это, воистину, священные кони. Для того чтобы вывести эту

лучшую в мире породу, мудрецы сотни лет ломали головы, пока, наконец, не появился карабахский гнедой.

Рассказы эти разбудили моё любопытство, и я попросил показать мне одного из этих великолепных коней. Проще обратиться в гарем султана, огорчённо ответили мне, чем в стойла, где стоят карабахские гнедые. Во всём Карабахе их сохранилось всего двенадцать голов. Попытавшегося увидеть их накажут, как конокрада. Даже владелец коня садится на него лишь в случае войны.

Мне явно не везло. Судя по всему, приходилось удовлетвориться одними лишь рассказами об этой замечательной породе.

Итак, я жил в Шуше, слушал болтовню старого Мустафы и ждал Нино. Я уже был пресыщен легендами об этой земле.

— Эх, хан, — сказал мне как-то Мустафа, — твои предки были воинами, а ты — человек образованный, в гимназии учился. Поэтому должен понимать толк в искусстве. Персы гордятся Саади, Хафизом, Фирдоуси, русские — Пушкиным. Где-то на Западе, я слышал, жил поэт Гёте, который написал стихи о дьяволе.

— Ты думаешь, они все были родом из Карабаха? — поинтересовался я.

— Нет, уважаемый гость, я не это хочу сказать. Просто я думаю, что наши поэты гораздо лучше! Они такие талантливые, что даже не записывают свои стихи на бумагу, а просто читают их наизусть.

— Ты имеешь в виду ашугов?

— Да, — отвечал старик, и в его голосе послышались точительные нотки, — я говорю об ашугах. Они живут в окрестных сёлах, и завтра у них будет состязание. Не хочешь ли ты присутствовать на этом замечательном зрелище?

Я согласился, и на следующий день извилистыми горными тропинками мы поднялись в село Дашкенд, которое считается центром ашугского искусства на Кавказе. Ашуги есть почти в каждом карабахском селе. Зимой они поют стихи, а весной появляются перед публикой и поют свои песни во дворцах и лачугах. Но есть три деревни, где живут только ашуги, и с давних времён в знак преклонения перед поэзией феодалы освобождали эти сёла от податей. В число подобных сёл входили и Дашкенд. С первого взгляда можно было понять, что жители этого села — не простые крестьяне. Мужчины здесь отпускали

длинные волосы и щеголяли в шёлковых рубашках. Друг на друга они поглядывали с подозрением. Женщины ухаживали за мужчинами и носили их музыкальные инструменты. Их глаза были печальны.

В село съехалось много богатых мусульман и армян со всего Карабаха. Они жаждали насладиться искусством ашугов.

Зрители собрались на главной площади Дашкенда. В центре образованного ими круга стояли два ашуга. Вид у них был до того решительный, что казалось, будто они готовятся вступить друг с другом в смертельную схватку... Ашуги подняли головы к небу и запели... Победителем был объявлен сердитый ашуг. Он с ухмылкой принял в награду саз своего соперника.

Я подошёл к победителю. Он угрюмо глядел по сторонам, собирая деньги.

– Ты рад своей победе? – спросил я.

Он с отвращением сплюнул и отвечал:

– Это нельзя считать победой, ага. Вот раньше были победы! Лет сто тому назад победитель мог отрубить голову побеждённому. Тогда очень уважали искусство. А мы разнежились, ослабели. Сейчас никто не отдаст жизнь за строчку стиха.

– Ты теперь лучший поэт в округе.

– Нет, – ответил он, и в глазах его появилась печаль. – Нет, повторил он, – я всего лишь ремесленник. Я – ненастоящий ашуг.

– А что значит быть настоящим ашугом?

– В месяце Рамазан есть странная, таинственная ночь, она называется ночью Кадыра. В эту ночь природа на час засыпает. Замирают воды в реках, злые духи не стерегут сокровищ. Можно услышать, как растут травы, перешептываются деревья. Русалки выходят из рек, люди зачатые в ту ночь, становятся мудрецами и поэтами. В ночь Кадыра ашуг должен призвать покровителя поэтов пророка Ильяса. Пророк появляется в нужное время, даёт ашугу отпить из своей чаши и говорит ему: «С этого дня ты настоящий ашуг и на всё в мире будешь смотреть моими глазами». Поэту, который получил это благословение, подвластно всё, перед ним склоняют головы животные и люди, ветры и моря, потому что есть в его поэзии сила и мощь Бисмилей Воли.

Ашуг сел на землю, закрыл лицо руками и разрыдался.

– Но никто не знает, когда из ночей – ночь Кадыра и в который час этой ночи нужно уснуть. Потому и не появляются настоящие ашуги.

И он ушёл. Одиноким, угрюмым, молчаливым. Одиноким степной волк живущий в зелёном раю Карабаха.

(Перевод М. Гусейнзаде)

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Используя словари, объясните значение незнакомых слов. Как вы понимаете выражения *люди трапезничают, отличающиеся особым благочестием, благое намерение, учиться сколько заблагорассудится?*

2. Какие черты характера Али хана вызывают ваше уважение? Почему?

3. Какая мысль в рассуждениях Али хана о Нино говорит о его «азиатском» складе характера?

4. Какова роль изобразительно-выразительных средств в произведении? Перечитайте вторую главу. Какие фрагменты текста говорят о поэтическом даре Али хана?

5. Есть ли в рассказе Ширваншира эпизоды, в которых проявляются самоирония и чувство юмора героя? Перескажите их.

6. Найдите в тексте заветы отца Ширваншира. Чьи наставления они напоминают? Составьте диаграмму Венна, сравнив двух отцов.

7. Вспомните стихотворение Б. Вагабаде «Карабахский конь», которое вы изучали в 7-ом классе. Сравните, как описаны карабахские скакуны в нём и в пятой главе романа, пересказав отрывок из неё.

8. Составьте по 3 вопроса, которые начинались бы со слов «Что», «Где», «Когда?» для проведения викторины по содержанию глав романа.

9. Как называются сейчас Губернаторский сад, городской клуб и Николаевская улица?

10. Какая историческая личность скрывается под именем «Зейнал-ага»? Что вам известно об этом человеке?

11. Какие чувства у вас вызывает чтение пятой главы? Почему? Напишите эссе, в котором вы расскажете о них.

12. Что нового вы узнали о жизни бакинцев в начале прошлого века? Какие традиции сохраняются и в наше время? Сохранились ли в вашей семье воспоминания или фотографии, свидетельствующие о том времени?

13. Рассмотрите картинки. Какие из этих азербайджанских музыкальных инструментов упоминаются в прочитанных вами главах?

Это интересно!

С 1890 по 1913 годы в Азербайджане существовала любительская команда по крикету, в которой играли Р. Киплинг, Г. Уэллс, А. К. Дойль, Джером К. Джером и др. Основателем команды был автор «Питера Пэна» Джеймс Барри. Он назвал команду «Allahakbarries», ошибочно полагая, что фраза «Аллах акбар» переводится как «Небо поможет нам», хотя на самом деле она означает «Аллах – великий».

АЛЕКСАНДР ТРИФОНОВИЧ ТВАРДОВСКИЙ (1910-1971)

Первые стихи Твардовского были напечатаны, когда ему было 15 лет. Однако всенародная слава к нему пришла одновременно с созданием во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. поэмы «Василий Тёркин». В «Книге про бойца», как назвал её сам автор, описывались тяжёлые фронтовые будни, подвиги и страдания, мысли и чувства простого солдата, «чудо-человека», олицетворявшего весь народ.

Твардовский, как и другие журналисты, участвовал в составлении стихотворных подписей к рисункам, посвящённым весёлому и удачливому балагуру¹ Васе Тёркину. Но только в трагические военные годы в Тёркине раскрывается народный характер – незлобивый, выносливый, с невероятной силой духа, мечтательный и неунывающий.

Другим главным героем поэмы, безусловно, является сам автор, который стал военным корреспондентом, бывал на передовой и попадал под обстрелы. Неслучайно 4 главы книги носят название «От автора», а одна – «О себе», где звучат слова: «Друг мой, так же нелегко мне, как тебе, с глухой бедой». Поэма имела огромный успех. Твардовский получал множество писем, в которых читатели требовали продолжения, так как книга поднимала боевой дух солдат и вдохновляла их на новые подвиги.

ВАСИЛИЙ ТЁРКИН

Книга про бойца

От автора

На войне, в пыли походной,
В летний зной и в холода,
Лучше нет простой, природной –
Из колодца, из пруда,
Из трубы водопроводной,
Из копытного следа,
Из реки, какой угодно,
Из ручья, из-под льда,
Лучше нет воды холодной.
Лишь вода была б – вода.
На войне, в быту уровном,
В трудной жизни боевой,

¹ Балагур – шутник, весельчак.

На снегу, под хвойным кровом,
На стоянке полевой, –
Лучше нет простой, здоровой,
Доброй пищи фронтовой.
Важно только, чтобы повар
Был бы повар – парень свой;
Чтобы числился недаром,
Чтоб подчас не спал ночей, –
Лишь была б она с наваром
Да была бы с пылу, с жару –
Подобрей, погорячей;
Чтоб идти в любую драку,
Силу чувствуя в плечах,
Бодрость чувствуя.
Однако дело тут не только в щах.
Жить без пищи можно сутки,
Можно больше, но порой
На войне одной минутки
Не прожить без прибаутки,
Шутки самой немудрой.
Не прожить, как без махорки,
От бомбёжки до другой
Без хорошей поговорки
Или присказки какой, –
Без тебя, Василий Тёркин,
Вася Тёркин – мой герой.
А всего иного пуще
Не прожить наверняка –
Без чего? Без правды сущей,
Правды, прямо в душу быющей,
Да была б она погуще,
Как бы ни была горька.
Что ж ещё?.. И всё, пожалуй.
Словом, книга про бойца
Без начала, без конца.
Почему так – без начала?
Потому, что срока мало
Начинать её сначала.
Почему же без конца?
Просто так же молодца.

С первых дней години горькой,
В тяжкий час земли родной
Не шутя, Василий Тёркин,
Подружились мы с тобой,
Я забыть того не вправе,
Чем твоей обязан славе,
Чем и где помог ты мне.
Делу время, час забаве,
Дорог Тёркин на войне.
Как же вдруг тебя покину?
Старой дружбы верен счёт.
Словом, книгу с середины
И начнём. А там пойдёт.

О награде

– Нет, ребята, я не гордый.
Не загадывая вдаль,
Так скажу: зачем мне орден?
Я согласен на медаль.
На медаль. И то не к спеху.
Вот закончили б войну,
Вот бы в отпуск я приехал
На родную сторону.
Буду ль жив ещё? – Едва ли.
Тут воюй, а не гадай.
Но скажу насчёт медали:
Мне её тогда подай.
Обеспечь, раз я достоин,
И понять вы все должны.
Дело самое простое –
Человек пришёл с войны.
Вот пришёл я с полустанка
Всё мой родимый сельсовет.
И пришёл, а тут гулянка.
Нет гулянки? Ладно, нет.
Я в другой колхоз и в третий –
Вся округа на виду.
Где-нибудь я в сельсовете
На гулянку попаду.
И, явившись на вечёрку,
Хоть не гордый человек,

Я б не стал курить махорку,
А достал бы я «Казбек».
И сидел бы я, ребята,
Там как раз, друзья мои,
Где мальцом под лавку прятал
Ноги босые свои.
И дымил бы папиросой,
Угощал бы всех вокруг.
И на всякие вопросы
Отвечал бы я не вдруг.
– Как, мол, что? – Бывало всяко.
– Трудно всё же? – Как когда.
– Много раз ходил в атаку?
– Да, случалось иногда.
И девчонки на вечерке
Позабыли б всех ребят,
Только слушали б девчонки,
Как ремни на мне скрипят.
И шутил бы я со всеми,
И была б меж них одна...
И медаль на это время
Мне, друзья, вот так нужна!
Ждёт девчонка, хоть не мучай,
Слова, взгляда твоего...
– Но, позволь, на этот случай
Орден тоже ничего?
Вот сидишь ты на вечерке,
И девчонка – самый цвет.
– Нет, – сказал Василий Тёркин
И вздохнул. И снова: – Нет.
Нет, ребята. Что там орден.
Не загадывая вдаль,
Я ж сказал, что я не гордый,
Я согласен на медаль.
Тёркин, Тёркин, добрый малый,
Что тут смех, а что печаль.
Загадал ты, друг немало,
Загадал далёко вдаль.
Были листья, сали почки,
Почки сали вновь листвою.

А не носит писем почта
В край родной смоленский твой.
Где девчонки, где вечерки?
Где родимый сельсовет?
Знаешь сам, Василий Тёркин,
Что туда дороги нет.
Нет дороги, нету права
Побывать в родном селе.
Страшный бой идёт, кровавый,
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

Переправа

Переправа, переправа!
Берег левый, берег правый,
Снег шершавый, кромка льда...
Кому память, кому слава,
Кому тёмная вода, –
Ни приметы, ни следа.
Ночью, первым из колонны,
Обломав у края лёд,
Погрузился на понтоны
Первый взвод.
Погрузился, оттолкнулся
И пошёл. Второй за ним.
Приготовился, пригнулся
Третий следом за вторым.
Как плоты, пошли понтоны,
Громыкнул один, другой.
Басовым, железным тоном,
Точно крыша под ногой.
И плывут бойцы куда-то,
Прятав штыки в тени.
И со всем свои ребята
Сразу – будто не они,
Сразу будто не похожи
На своих, на тех ребят:
Как-то все дружнее и строже,
Как-то все тебе дороже
И родней, чем час назад.
Поглядеть – и впрямь – ребята!

Как, по правде, желторот,
Холостой ли он, женатый,
Этот стриженный народ.
Но уже идут ребята,
На войне живут бойцы,
Как когда-нибудь в двадцатом
Их товарищи – отцы...
Переправа, переправа!
Берег правый, как стена...
Этой ночи след кровавый
В море вынесла волна.
Было так: из тьмы глубокой,
Огненный взметнув клинок,
Луч прожектора протоку
Пересёк наискосок.
И столбом поставил воду
Вдруг снаряд. Понтоны – в ряд.
Густо было там народу –
Наших стриженных ребят...
И увиделось впервые,
Не забудется оно:
Люди тёплые, живые
Шли на дно, на дно, на дно...
Два бойца сидят в дозоре
Над холодной водой.
То ли снится, то ли мнится,
Показалось что невесть,
То ли иней на ресницах,
То ли вправду что-то есть?
Видят – маленькая точка
Показалась вдалеке:
То ли чурка, то ли бочка
Проплывает по реке?
– Нет, не чурка и не бочка –
Просто глазу маета.
– Не пловец ли одиночка?
– Шутишь, брат. Вода не та!
Да, вода... Плыть страшно.
Даже речка холодна.
– Не из таких ли вчерашних

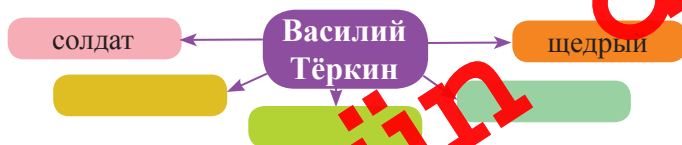
Поднялся какой со дна?..
Оба разом присмирили.
И сказал один боец:
– Нет, он выплыл бы в шинели,
С полной выкладкой, мертвец.
Оба здорово продрогли,
Как бы ни было, – впервой.
Подошёл сержант с биноклем.
Присмотрелся: нет, живой.
– Нет, живой. Без гимнастёрки.
– А не фриц? Не к нам ли в тыл?
– Нет. А может, это Тёркин? –
Кто-то робко пошутил.
– Стой, ребята, не соваться,
Толку нет спускать понтон.
– Разрешите попытаться?
– Что пытаться!
– Братцы, – он!
И, у заберегов корку
Ледяную обломав,
Он как он, Василий Тёркин,
Встал живой, – добрался вплавь.
Гладкий, голый, как из бани,
Встал, шатаясь тяжело.
Ни зубами, ни губами
Не работает – свело.
Подхватили, обвязали,
Дали валенки с ногами.
Пригрозили, приказали –
Можешь, нет ли, а беги.
Под пролом в штабной избушке,
Парня сейчас на кровать
Положили для просушки,
Стали спиртом растирать.
Растирали, растирали...
Вдруг он молвит, как во сне:
– Доктор, доктор, а нельзя ли
Изнутри погреться мне,
Чтоб не всё на кожу тратить?
Дали стопку – начал жить,

Приподнялся на кровати:
 – Разрешите доложить...
 Взвод на правом берегу
 Жив-здоров назло врагу!
 Лейтенант всего лишь просит
 Огоньку туда подбросить.
 А уж следом за огнём
 Встанем, ноги разомнём.
 Что там есть, перекалечим,
 Переправу обеспечим...
 Доложил по форме, словно
 Тотчас плыть ему назад.
 – Молодец! – сказал полковник. –
 Молодец! Спасибо, брат.

И с улыбкою неробкой
 Говорит тогда боец:
 – А ещё нельзя ли стопку,
 Потому как молодец?
 Посмотрел полковник строго,
 Покосился на бойца.
 – Молодец, а будет много –
 Сразу две.
 – Так два ж конца...
 Переправа, переправа!
 Пушки бьют в кромешной мгле.
 Бой идёт святой и правый.
 Смертный бой не ради славы,
 Ради жизни на земле.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Используя словари, объясните значение незнакомых слов.
2. Рассмотрите памятник поэту и его персонажу Василию Тёркину. Можно ли, глядя на этот памятник, определить, как Твардовский относится к своему герою? Найдите в первой главе поэмы строки, подтверждающие вашу мысль.
3. Определите тему поэмы. Подберите по данной ссылке <http://www.russlav.ru/aktualno/poslovitsy-o-rodine.html> соответствующие данной теме пословицы.
4. Проанализируйте отрывок, рассказывающий о героическом поступке Тёркина. Какое впечатление на вас произвёл поступок солдата?
5. Особенностью образа Тёркина является то, что автор не идеализирует его. Этим он и близок обычному человеку. И, как у всякого обычного человека, у него есть и недостатки. Попробуйте определить, какие.
6. Дополните кластер информацией из поэмы.

7. Каким стихотворным размером написана поэма? Что ритмически напоминает этот стихотворный размер?
8. В поэме имеется **рефрен** – повторяющиеся строки. Найдите эти строки и объясните, как вы их понимаете. Можно ли считать, что в них отражена идея произведения?
9. В основе какой главы лежит монолог героя?
10. Прочитайте главу «О награде». В каких строках проявляется чувство юмора героя?

11. Что вы знаете о фашизме? Сталкивался ли азербайджанский народ с проявлениями фашизма в наше время? Найдите в Интернете или в библиотеке информацию о героях Гарабахской войны. Подготовьте презентацию.

12. Рассмотрите памятник дважды Герою Великой Отечественной войны генералу Ази Асланову. Найдите в Интернете или в библиотеке и прочитайте информацию о подвигах нашего земляка.

ОБОБЩИМ ИЗУЧЕННОЕ

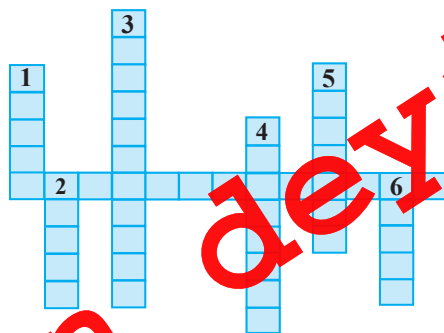
1. Слово «эпос» имеет два значения. Объединяет ли это слово все произведения данного раздела? В каком значении?

2. Сравните произведения «Капитанская дочка» и «Али и Нино». Составьте диаграмму Венна.

3. Разгадайте кроссворд.

По горизонтали: что такое эпос?

По вертикали: 1) вещь, сыгравшая важную роль в развитии сюжета «Капитанской дочки»; 2) народ, о жизни которого рассказывает Деде Горгуд; 3) журнал, в котором была напечатана «Капитанская дочка»; 4) откуда Тёркин родом? 5) фамилия Нино; 6) пророк, явившийся раненому Бугач-хану, сыну Дирсе-хана.

4. Рассмотрите иллюстрации марок по мотивам дастана «Китаби Деде Горгуд». Придумайте свой вариант дизайна марки.

5. Подготовьте презентацию «Старый Баку на страницах романа «Али и Нино».

6. Напишите отзыв о любимейшем произведении.

II. «И ДЫМ ОТЕЧЕСТВА НАМ СЛАДОК И ПРИЯТЕН» (А. С. ГРИБОЕДОВ)

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ЛЕРМОНТОВ (1814-1841)

«Это было странное, загадочное существо... – так писала о М. Ю. Лермонтове А. А. Ахматова, – до сих пор не только могила, но и место его гибели полны памяти о нём. Кажется, что над Кавказом встаёт его дух, переключаясь с духом другого великого поэта: здесь Пушкина изгнание началось и Лермонтова кончилось изгнание...»

Ещё в детские годы, бывая на Кавказе, Лермонтов слышал предания горцев, которые поразили его и дали темы для будущих произведений. После смерти А. С. Пушкина Лермонтов написал стихотворение «Смерть поэта», за которое был сослан на Кавказ. Эта ссылка дала Лермонтову возможность увидеть людей большого сердца и сильных страстей, насладиться величественной природой. Кавказ стал для поэта символом свободы, мужества и красоты. Он был близок ему по духу. Обращаясь к Кавказу, Лермонтов писал: «От ранних лет кипит в моей крови твой жар и бурь твоих порыв мятежный».

Жажда борьбы, пламенное стремление к свободе, любовь к родине – лучшие черты поэта нашли воплощение в одном из самых любимых его героев – Мцыри¹. По свидетельствам близких Лермонтова, сюжет поэмы основан на реальных событиях, однако она проникнута романтическим духом. Это и форма монолога, которым написана большая часть, и восторженное описание природы, данное через восприятие героя, и, наконец, битва с барсом, основанная на мотивах грузинской народной поэзии.

В Баку есть улица, названная в честь М. Ю. Лермонтова, а в городе Гусаре, в доме, где он жил, установлен барельеф поэта.

МЦЫРИ

Вкушая, вкусих мало меда, и се аз умираю.

1-я Книга Царств

1

Немного лет тому назад,
Там, где, сливаясь, шумят
Обнявшись, будто две сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Был монастырь. Из-за горы
И нынче виден переход
Столбы срушенных ворот,

И капище, и церковный свод;
Но не курится уж под ним
Кадилиц благонный дым,
Не слышно пенье в поздний час
Молящих иноков за нас.
Теперь один старик седой,
Развалин страж полуживой,
Людьми и смертью забыт,

¹ Мцыри – 1) послушник; 2) пришелец, чужеземец.

Сметает пыль с могильных плит,
Которых надпись говорит
О славе прошлой – и о том,
Как, удручён своим венцом,
Такой-то царь, в такой-то год,
Вручал России свой народ.

* * *

И божья благодать сошла
На Грузию! Она цвела
С тех пор в тени своих садов,
Не опасая врагов,
За гранью дружеских штыков.

2

Однажды русский генерал
Из гор к Тифлису проезжал;
Ребёнка пленного он вёз.
Тот занемог, не перенёс
Трудов далёкого пути;
Он был, казалось, лет шести,
Как серна гор, пуглив и дик
И слаб и гибок, как тростник.
Но в нём мучительный недуг
Развил тогда могучий дух
Его отцов. Без жалоб он
Томился, даже слабый стон
Из детских губ не вылетал,
Он знаком пищу отвергал
И тихо, гордо умирал.
Из жалости один монах
Больного призрел, и в стенах
Хранительных остался он,
Искусством дружеским спасён.
Но, чужд ребяческих утех,
Сначала бегал он от всех,
Бродил безмолвен, одинок,
Смотрел, вздыхая, на восток,
Томим неясною тоской
По стороне своей родной.
Но после к плену он привык,
Стал понимать чужой язык,

Был окрещён святым отцом
И, с шумным светом незнаком,
Уже хотел во цвете лет
Изречь монашеский обет¹,
Как вдруг однажды он исчез
Осенней ночью. Тёмный лес
Тянулся по горам кругом.
Три дня все поиски по нём
Напрасны были, но потом
Его в степи без чувств нашли
И вновь в обитель² принесли.
Он страшно бледен был и худ
И слаб, как будто долгий труд,
Болезнь иль голод испытал.
Он на допрос не отвечал
И с каждым днём приметно вял.
И близок стал его конец;
Тогда пришёл к нему чернец³
С увещеваньем и мольбой;
И, гордо выслушав, больной
Привстал, собрав остаток сил,
И долго так он говорил:

3

«Ты слушать исповедь мою
Сюда пришёл, благодарю.
Всё лучше перед кем-нибудь
Словами облегчить мне груди.
Но людям я не делал зла
И потому мои дела
Немного пользы вам узнать;
А душу можно ли рассказать?
Я мало жил, и жил в плену.
Таких две жизни за одну,
Но только полную тревог,
И променял бы, если б мог.
Я знал одной лишь думы власть,
Одну – но пламенную страсть:
Она, как червь, во мне жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала

¹Обет – торжественное обещание, обязательство.

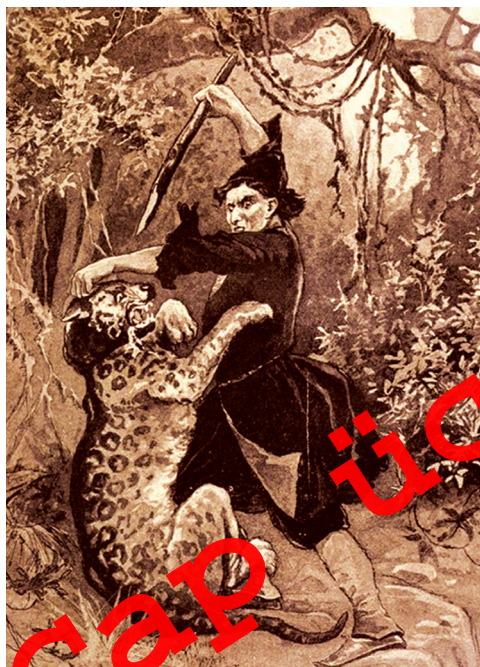
²Обитель – место, где обитает монашество.

³Чернец – монах, то же, что монах.

От келий душных и молитв
В тот чудный мир тревог и битв,
Где в тучах прячутся скалы,
Где люди вольны, как орлы.
Я эту страсть во тьме ночной
Вскормил слезами и тоской;
Её пред небом и землёй
Я ныне громко признаю
И о прощенье не молю.

4

Старик! я слышал много раз,
Что ты меня от смерти спас —
Зачем?.. Угрюм и одинок,
Грозой оторванный листок,
Я вырос в сумрачных стенах
Душой дитя, судьбой монах.
Я никому не мог сказать
Священных слов «отец» и «мать».
Конечно, ты хотел, старик,
Чтоб я в обители отвык
От этих сладостных имён, —
Напрасно: звук их был рождён
Со мной. И видел у других
Отчизну, дом, друзей, родных,

А у себя не находил
Не только милых душ — могил!
Тогда, пустых не тратя слёз,
В душе я клятву произнёс:
Хотя на миг когда-нибудь
Мою пылающую грудь
Прижать с тоской к груди другой,
Хоть незнакомой, но родной.
Увы! теперь мечтанья те
Погибли в полной красоте,
И я как жил, в земле чужой
Умру рабом и сиротой...

8

Ты хочешь знать, что делал я
На воле? Жил — и жизнь моя
Без этих трёх блаженных дней
Была б печальней и мрачней
Бессильной старости твоей.
Давным-давно задумал я
Взглянуть на дальние поля,
Узнать, прекрасна ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этот свет родимся мы.
И в час ночной, ужасный час,
Когда гроза пугала вас,
Когда, столпясь при алтаре,
Вы ниц лежали на земле,
Я убежал. О, я как брат
Обнялся с бурей иль с врагом!
Глазами тучи я следил,
Рукою молнию ловил...
Скажи мне, что среди этих стен
Могли бы быть вы мне взамен
Того, что бы краткой, но живой,
Меж бурным сердцем и грозой?..

12

Тогда к потоку с высоты,
Держась за гибкие кусты,
С плиты на плиту я, как мог,
Спускаться начал. Из-под ног
Сорвавшись, камень иногда
Катился вниз — за ним бразда

Дымилась, прах вился столбом;
Гудя и прыгая, потом
Он поглощаем был волной;
И я висел над глубиной,
Но юность вольная сильна,
И смерть казалась не страшна!
Лишь только я с крутых высот
Спустился, свежесть горных вод
Повеяла навстречу мне,
И жадно я припал к волне.
Вдруг – голос – лёгкий шум шагов...
Мгновенно скрывшись меж кустов,
Невольным трепетом объят,
Я поднял боязливый взгляд
И жадно вслушиваться стал:
И ближе, ближе всё звучал
Грузинки голос молодой,
Так безыскусственно живой,
Так сладко вольный, будто он
Лишь звуки дружеских имён
Произносить был приучён.
Простая песня то была,
Но в мысль она мне залегла,
И мне, лишь сумрак настаёт,
Незримый дух её поёт.

13

Держа кувшин над головой,
Грузинка узкою тропой
Сходила к берегу. Порой
Она скользила меж камней,
Смеясь неловкости своей.
И беден был её наряд;
И шла она легко, назад
Изгибы длинные чадры
Откинув. Летние жары
Покрыли тенью золотой
Лицо и грудь её; и зной
Дышал от уст её и щёк.
И мрак очей был так глубок,
Так полон тайнами любви,
Что думы пылели мои

¹ «акля» – название жилища кавказских горцев.

Смутились. Помню только я
Кувшина звон, – когда струя
Вливалась медленно в него,
И шорох... больше ничего.
Когда же я очнулся вновь
И отлила от сердца кровь,
Она была уж далеко;
И шла, хоть тише, – но легко,
Стройна под ношею своей,
Как тополь, царь её полей!
Недалеко, в прохладной мгле,
Казалось, приросли к скале
Две сакли¹ дружную четой;
Над плоской кровлею одной
Дымок струился голубой.
Я вижу будто бы теперь,
Как отперлась тихонько дверь...
И затворилась опять!..
Тебе, я знаю, не понять
Мою тоску, мою печаль;
И если б мог, – мне было б жаль:
Воспоминанья тех минут
Во мне, со мной пускай умрут...

15

Напрасно в бешенстве порой
Я рвал отчаянной рукой
Терновник, спутанный плющом
Всё лес был, вечный лес и другом
Страшней и гуще каждого из нас;
И миллионом чёрных глаз
Смотрела ночи темнота
Сквозь ветви каждого куста.
Моя кружилась голова;
Я стал влезать на деревья;
Но даже на краю небес
Все тот же был зубчатый лес.
Тогда на землю я упал;
И в иступлении рыдал,
И грыз сырую грудь земли,
И слёзы, слёзы потекли
В неё горячею росой...

Но, верь мне, помощи людской
Я не желал... Я был чужой
Для них навек, как зверь степной;
И если б хоть минутный крик
Мне изменил – клянусь, старик,
Я б вырвал слабый мой язык.

16

Ты помнишь детские года:
Слезы не знал я никогда;
Но тут я плакал без стыда.
Кто видеть мог? Лишь тёмный лес
Да месяц, плывший средь небес!
Озарена его лучом,
Покрыта мохом и песком,
Непроницаемой стеной
Окружена, передо мной
Была поляна. Вдруг по ней
Мелькнула тень, и двух огней
Промчались искры... и потом
Какой-то зверь одним прыжком
Из чащи выскочил и лёг,
Играя, навзничь на песок.
То был пустыни вечный гость –
Могучий барс. Сырую кость
Он грыз и весело визжал;
То взор кровавый устремлял,
Мотая ласково хвостом,
На полный месяц, – и на нём
Шерсть отливалась серебром.
Я ждал, схватив рогатый сук,
Минуту битвы; сердце вдруг
Зажглося жаждою борьбы
И крови... да, рука судьбы
Меня вела иным путём...
Но нынче я уверен в том,
Что быть бы мог в краю твоём
Не из последних удалых.

17

Я ждал. И вот в тиши ночной
Врага почуял он. Твой
Протяжный, жалобный, как стон,
Раздался вдруг... и начал он

Серdito лапой рыть песок,
Встал на дыбы, потом прилёг,
И первый бешеный скачок
Мне страшной смертию грозил...
Но я его предупредил.
Удар мой верен был и скор.
Надёжный сук мой, как топор,
Широкий лоб его рассёк...
Он застонал, как человек,
И опрокинулся. Но вновь,
Хотя лила из раны кровь
Густой, широкою волной,
Бой закипел, смертельный бой!

18

Ко мне он кинулся на грудь:
Но в горло я успел воткнуть
И там два раза повернуть
Моё оружие... Он завыл,
Рванулся из последних сил,
И мы, сплетясь, как пара змей,
Обнявшись крепче двух друзей,
Упали разом, и во мгле
Бой продолжался на земле.
И я был страшен в этот миг;
Как барс пустынный, зол и дик,
Я пламенел, визжал, как он;
Как будто сам я был рождён
В семействе барсов и волков.
Под свежим пологом лесов
Казалось, что слова людей
Забыл я – и в груди моей
Родился тот ужасный крик,
Как будто детства мой язык
К иному звуку не привык...
И враг мой стал изнемогать,
Метаться, медленней дышать,
Сдавил меня в последний раз...
Зрачки его недвижных глаз
Блеснули грозно – и потом
Закрылись тихо вечным сном;
Но с торжествующим врагом
Он встретил смерть лицом к лицу,

Как в битве следует бойцу!..

21

Да, заслужил я жребий мой!
Могучий конь, в степи чужой,
Плохого сбросив седока,
На родину издалека
Найдёт прямой и краткий путь...
Что я пред ним? Напрасно грудь
Полна желаньем и тоской:
То жар бессильный и пустой,
Игра мечты, болезнь ума.
На мне печать свою тюрьма
Оставила... Таков цветок
Темничный: вырос одинок
И бледен он меж плит сырых,
И долго листьев молодых
Не распускал, всё ждал лучей
Живительных. И много дней
Прошло, и добрая рука
Печалью тронулась цветка,
И был он в сад перенесён,
В соседство роз. Со всех сторон
Дышала сладость бытия...
Но что ж? Едва взошла заря,
Палящий луч её обжёт
В тюрьме воспитанный цветок...

24

Так я найден и поднят был...
Ты остальное знаешь сам.
Я кончил. Верь моим словам
Или не верь, мне всё равно.
Меня печалит лишь одно:
Мой труп холодный и немой
Не будет тлеть в земле родной,
И повесть горьких мук моих
Не призовет меж стен глухих
Внимание скорбное ничьё.
На имя тёмное моё.

25

Прощай, отец... дай руку мне:
Ты кувыркнешься в огне...
Знай, этот пламень с юных дней,

Таясь, жил в груди моей;
Но ныне пищи нет ему,
И он прожёт свою тюрьму
И возвратится вновь к тому,
Кто всем законной чередой
Даёт страданье и покой...
Но что мне в том? – пускай в раю,
В святом, заоблачном краю
Мой дух найдёт себе приют...
Увы! – за несколько минут
Между крутых и тёмных скал,
Где я в ребячестве играл,
Я б рай и вечность променял...

26

Когда я стану умирать,
И, верь, тебе не долго ждать,
Ты перенести меня вели
В наш сад, в то место, где цвели
Акаций белых два куста...
Трава меж ними так густа,
И свежий воздух так душист,
И так прозрачно-золотист
Играющий на солнце лист!
Там положить вели меня.
Сияньем голубого дня
Упьюся я в последний раз.
Оттуда виден и Кавказ!
Быть может, он с своих высот
Привет прощальный мне пришлёт,
Пришлёт с прохладным ветерком...
И близ меня перед концом
Родной земля раздастся звук!
И стану думать я, что друг
Иль брат, склонившись надо мной,
Сор внимательной рукой
С лица кончины хладный пот
И что вполголоса поёт
Он мне про милую страну...
И с этой мыслью я засну,
И никого не прокляну!..»

1839

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Как отзывается о жизни в монастыре Мцыри? Какие эпитеты и метафоры использованы в его монологе для описания монастыря? А как отзывается о монастыре автор?

2. Как вы считаете, почему Мцыри бежал из монастыря, не подготовившись к побегу? Почему он не убежал, ожидая боя с барсом до тех пор, пока тот не почуял его? Как бы вы поступили на месте Мцыри?

3. Какие строки подтверждают, что Мцыри «быть бы мог в краю отцов не из последних удальцов»?

4. Первоначально поэма имела эпиграф «Родина бывает одна». Как вы считаете, почему Лермонтов изменил эпиграф?

5. Выберите верные утверждения. Аргументируйте свой ответ.

Основная идея произведения заключается в ...

а) отрицании религиозного смирения б) тоске по вольной жизни в) призыве к борьбе с любым проявлением деспотизма

В исповеди Мцыри звучит ...

а) негодование б) смирение, покаяние в) утверждение своей правоты

6. Какой эпизод поэмы является кульминацией?

7. Проведите дискуссию на тему «В рабстве нет Бога – Бог в свободе...»

8. Совершите по данной ссылке http://www.docme.ru/doc/250099/virtual_naya-e-kskursiya-v-gosudarstvennyj-lermontovskij-muz... виртуальную экскурсию в Тарханы – Лермонтовский музей-заповедник. Подготовьте презентацию.

Военно-Грузинская дорога близ Мцхеты (1837)

Это интересно!

М. Ю. Лермонтов был щедро наделён природой не только поэтическим даром, но и талантом живописца. Художественные способности будущего поэта проявились уже в детские годы, когда он начал рисовать акварелью и лепить из воска целые композиции и сцены.

НАБИ ХАЗРИ

(1993–2007)

Наби Алекпер оглу Басиев – азербайджанский поэт, прозаик, драматург, публицист, переводчик. Безмерная любовь к аромату моря, который дарит людям северный ветер, стала причиной того, что он взял себе псевдоним «Хазри» (северный ветер). Поэт был участником Великой Отечественной войны. Завершил своё образование в Литературном институте имени А. М. Горького. Он работал в редакции газеты «Литература и искусство», являлся

секретарём Союза писателей Азербайджана, заместителем председателя комитета Азербайджанского государственного телевидения и радиовещания, заместителем министра культуры Азербайджана.

В стихотворениях и поэмах Наби Хазри, опубликованных в сборниках «Море начинается с вершин», «Чистое дыхание земли», «Солнечный дождь», «Звёздный караван», «Когда смотришь в завтра», воспеваются нравственный мир наших современников, их патриотизм, красота азербайджанской природы.

Его произведения отличаются лиризмом, эмоциональностью, оригинальным стилем и образностью. Произведения Наби Хазри были переведены на многие языки мира. Прекрасные художественные переводы поэта предоставили читателям возможность ознакомиться с образцами мировой поэзии. На стихи поэта на темы любви и патриотизма написано много песен.

ГОРОД МОЕЙ СУДЬБЫ

(Отрывок из поэмы)

Город света... Огней лагуна...
Фонарей золотые шары.
Рядом с улицею Вургун
Светит улица Джабарлы.
Лишь на город – и тих, и робок –
Вечер глянет, ища приют,
Побегут их огни бок о бок.
Словно песню одну запоют.
И выходят они из света –
Два поэта земли родной.
След Джафара и след Самеда
Не смывает Хазар волной.
Через доли пройдут и горы,
У Хазара придут постоять.
А к утру возвратятся в город,
Станут улицами опять...
Как в этот вечер
Море лучезарно,
Как вдохновение
Лик его горит
Джафар
Самед,

Постой... Послушаем Хазара,
Он, кажется, нам что-то говорит.
Самед
Джафар,
Давно я вслушиваюсь жадно
В его слова –
В них тысяча легенд.
Джафар
В его душе – душа Азербайджана.
Самед
Сказанья наших
И минувших лет.
Они ставились.
Глубже стали
Следы их ног
На влажном берегу.
Самед
Джафар,
Я всё, о чём с тобой мечтали,
В душе,
Как луг цветущий, берегу!
Вургун поправил

Прядь волос волнистых,
Ещё не опалённых
Сединой...
Джафар
Ты был чинарою ветвистой,
Взращённой
Щедрой матерью-землёй.
Ты, как орёл,
Под облаком паривший,
Мог сразу
На всю родину взглянуть...
Мне кажется,

Что столько сотворивший,
Не умер ты –
Ушёл ты отдохнуть.
«Остановился
Бег строки державной...» –
Вздыхнул Мушфик...
Умолк бесценный дар.
Но подхватил народ
азербайджанский:
«Севиль твоя любима,
Жив Яшар!»
(Перевод А. Передреева)

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Используя словари, объясните значение незнакомых слов.
2. Выразительно прочитайте стихотворение. Какой необычный приём использует поэт?
3. Разделите текст стихотворения на части. Составьте его план.
4. В каких строках и с какой целью автор использует приём иносказания?
5. Есть ли третий собеседник в разговоре двух поэтов? Найдите строки, подтверждающие ваше предположение. Как называется этот литературный приём?
6. Найдите в первых десяти строчках стихотворения слова, которые употреблены в переносном значении. Аргументируйте свой выбор.
7. Расскажите о впечатлении, которое произвело на вас стихотворение.

Это интересно!

В 1839 году вышла в свет «Грамматика турецко-татарского языка» выдающегося востоковеда Мирзы Казем-бека. В этом труде учёный впервые в мировой культуре сделал отдельным предметом научного изучения азербайджанский язык.

ДЖАБИР НОВРУЗ

(1933–2002)

Джабир Мирзабей оглу Новруз родился 12 марта 1933 года в селении Упа района Хызы. По окончании Литературного института имени А. М. Горького в Москве он работал сначала в вечерней газете «Баки», затем – главным редактором литературно-художественного журнала «Азербайджан», а в 1991–1993 г. – газеты «Литература и искусство». С 1970 по 1997 годы был секретарём Союза писателей республики.

Поэт активно участвовал в общественно-политических процессах, происходивших в стране. В 1995 году Джабир Новруз был избран депутатом

Милли Меджлиса Азербайджана.

Джабир Новруз – ярчайший представитель современной поэзии Азербайджана. Он воспевал родину, её природные богатства, большое внимание уделял теме дружбы, любви, труда и творчества в таких поэтических сборниках, как «Мои мугамы», «Наш век», «Простые истины», «Мой мир», «Гимн человеку», «У земли-планеты» и др. После трагедии 20 января 1990 года поэт выразил свою боль и гнев в стихах «Она стала самой великой дочерью Азербайджана», «Плачь, мой одинокий народ». Благодаря художественным переводам поэта, азербайджанский читатель познакомился с ценнейшими образцами мировой поэзии. Песни на его стихи вошли в репертуар известных исполнителей.

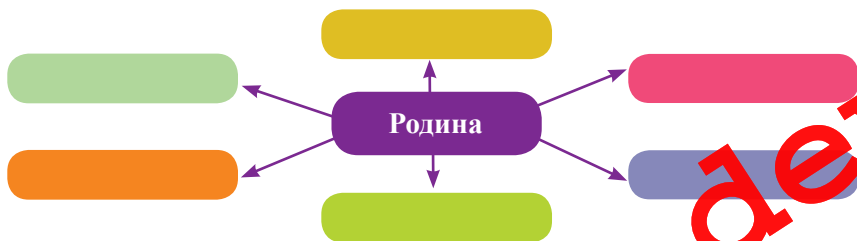
ЕСТЬ НА ЗЕМЛЕ ОДНА СТРАНА

Струится ль первый луч в моё окно,
Звенит ли дождь, восходит ли зерно,
Звучит ли стих, замешанный с огнём,
В тиши села иль в шуме городском,
Плывут ли в небе дружно облака
И птица, словно молния, легка
Проносится, –
Поёт душа моя
Самозабвенным гимном бытия...
Пьянят меня росистые цветы
И звонкий хлад клокочущей воды...
Есть на земле одна страна.
Луга её ярки и высоки стога.
И горы её горды в вышине.
И ветры её в сердце дуют мне.
Страда её высокая слышна
В ашугском сказе, в песне табана.
Здесь верностью и правдою навек
Свободный утверждался человек.
Её ветры, бураны, стучий зной,
Её снега летают надо мной.
И честь, и память у неё в крови,
Возвышенной во гневе и любви,
Вы только приглядитесь к ней, как я,
Коснитесь её мудрого огня –

Он вам сумеет душу осветить.
 Она в объятьях может мир вместить.
 Есть на земле одна страна.
 Всегда
 Поможет тем, к кому пришла беда.
 Она не прячет от беды глаза,
 Слеза другой страны –
 Её слеза.
 Она гнездо моей мечты.
 И свет
 Моей любви на много-много лет.
 Есть на земле одна страна.
 Она
 Художником великим рождена –
 Природою, праматерью своей,
 И творчеством достойных сыновей.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. О каком художнике идёт речь в стихотворении? Выскажите своё мнение. Обоснуйте его.
2. Каким чувством, кроме любви к родине, проникнуто стихотворение Джабира Новруза? Подтвердите своё мнение строками из произведения.
3. Чем является родина для автора стихотворения? Составьте кластер.

4. Прочитайте высказывание Джабира Новруза: «... Личность и судьба поэта видятся в его стихах... И, вчитавшись в них, мы увидим, каков есть их автор». Как вы его понимаете?

5. Найдите соответствия

1. Эпитет
2. Метафора
3. Олицетворение
4. Сравнение
5. Чувство

- а) «душа поёт»
- б) «она гнездо моей мечты»
- в) «мудрый огонь»
- г) «она в объятьях может мир вместить»
- д) «звенит ли дождь»

Это интересно!

«Я люблю в поэзии мужество, и это мужество я нашёл и в поэзии Видади, и в поэзии Вагифа, и в некоторых, особенно полюбившихся мне стихах Самеда Вургуна», – писал русский поэт Константин Симонов.

ВЛАДИМИР АБДУЛ-АЗИМ ОГЛУ КАФАРОВ (1935-2000)

Владимир Абдул-Азим оглу Кафаров – поэт, переводчик, основоположник научно-художественного перевода азербайджанской поэзии на русский язык. Владимир Кафаров родился 19 мая 1935 года в городе Сабирабад. После окончания Азербайджанского государственного университета работал в журнале «Литературный Азербайджан», в «Литературной газете», газетах «Азербайджан ордусу», «Бакинский рабочий». Поэтом опубликованы такие стихотворные сборники, как «Две крепости», «Лермонтова, 123», «Невеста», «Бронзовый ветер» и «Огонь на ветру».

В. Кафаров издал более сорока книг-переводов, среди которых «Баяты», «Ларец жемчужин», десять сборников из серии «Азербайджанская ашугская поэзия», дастан «Кёроглу», главы из «Китаби Деде Горгуд», стихи Мехсети Гянджеви, Вагифа, Физули, С. Вургуна, М. Мушфига, Р. Рзы, Б. Вагабзаде и др. поэтов. В. Кафаров был также замечательным журналистом.

АЗЕРБАЙДЖАН, СТРАНА ОГНЕЙ, ОТЧИЗНА

Азербайджан, Страна Огней, Отчизна,
Ты каждой ночью мне сулишь зарю.
За то, что призван я тобой и признан,
Благодарю, как сын, благодарю.

Держался в стае не верной, белой,
Не красовался белым журавлём,
И для тебя тоже что-то сделал –
Мы всё же для него-нибудь живём!

Пусть кто-то там тиражит обращения,
О мнимых подвигах своих трубя,
А я пытаюсь вымолить прощенье
За всё, что я не сделал для тебя.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Как вы понимаете следующие словосочетания: *сулишь зарю, призван тобой, тиражит обращения, о мнимых подвигах*?
2. Выразительно прочитайте стихотворение. Как вы считаете, какие темы, помимо темы патриотизма, в нём затронуты?
3. Какой вид тропа неоднократно повторяется в тексте стихотворения?
4. Выскажите и обоснуйте предположение, какие строки являются идеей стихотворения.
5. Как вы понимаете последние четыре строки стихотворения?
6. Какой разновидностью тропа является словосочетание «Страна Огней»?
7. Подберите тропы к слову «Азербайджан» и дополните ими кластер.

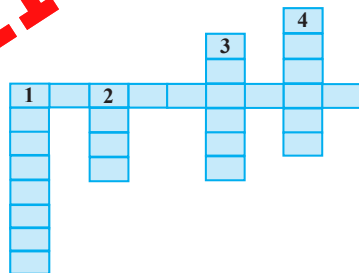

8. Найдите в Интернете или в библиотеке и прочитайте баяты (жанр азербайджанского фольклора) в переводе В. Кафарова. Обсудите их.

ОБОБЩИМ ИЗУЧЕННОЕ

1. Определите стихотворный размер изученных вами во втором разделе поэтических текстов. При определении размера какого произведения вы испытывали затруднения?
2. Составьте синквейн на тему «Родина».
3. Проведите конкурс на знание пословиц о родине.
4. Напишите сочинение или эссе на тему «Мой друг, от жизни посвятим души прекрасные порывы!»
5. Разгадайте кроссворд.

По горизонтали: одно из значений слова «Мцыри». **По вертикали:** 1) Чего просит герой стихотворения В. Кафарова у Родины? 2) Что «замешено с огнём» в стихотворении Дж. Новруза? 3) Поэт, упомянутый в стихотворении Н. Хазри. 4) Героиня пьесы Дж. Джаббарлы, упомянутая в стихотворении Н. Хазри.

III. «КТО НЕ ЗНАЛ ЛЮБВИ, ТОТ ВСЁ РАВНО ЧТО НЕ ЖИЛ» (Ж. Б. МОЛЬЕР)

МУХАММЕД ФИЗУЛИ (1494-1556)

Творчество великого азербайджанского поэта и мыслителя Мухаммеда ибн Сулеймана Физули относится к XVI веку. Он получил блестящее для того времени образование. Его по праву можно назвать представителем Ренессанса¹ в азербайджанской литературе. Подобно европейским гениям эпохи Возрождения он отвергает философию, опирающуюся на понятие человека-раба, и признаёт возможность человека быть рабом только в одном – в любви: «Любовь – нешуточная вещь, и сердце сделалось рабом...»

Продолжая традиции Низами, Физули создал поэму «Лейли² и Меджнун³». В ней описана любовь юных душ и общество, которое из-за религиозных предрассудков осудило их. Чувства влюблённых не нашли понимания и в собственных семьях.

Всё это стало источником трагедии. Гейс⁴ покинул общество, где господствует несправедливость, и ушёл оплакивать судьбу в пустыню, отказавшись от счастья земной любви и став «меджнуном» – безумцем. Лейли олицетворяет идеалы земной человеческой любви и, понимая, что Гейс на неё не способен, уходит из жизни.

Именем великого поэта названы город, площадь и Институт рукописей в Баку, а также улицы в столице и других городах Азербайджана.

ЛЕЙЛИ И МЕДЖНУН

Вступление

В наш век не взыскан почестью поэ,
Поэзия давно сошла на нет.
Так безнадежно пала дева-онна,
Что люди презирают речь ее.
Хоть захлебнилась в собственной крови,
Вдохни огонь в речения свои.
Как яхонт, нанизывай на нить

¹Эпоха Возрождения (Ренессанс) – период XIV-XVI веков в истории культуры Европы, характеризующийся возродившимся интересом к человеку и его деятельности, утраченным в эпоху Средневековья.

²Лейли – в переводе с арабского «ночь».

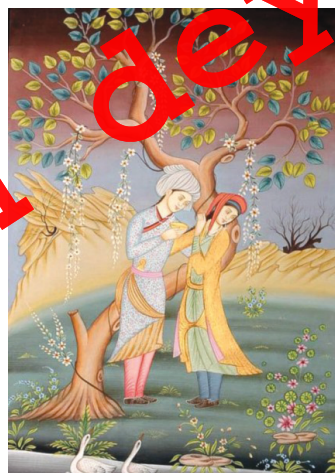
³Меджнун – в переводе с арабского «безумный, одержимый».

⁴Гейс – в переводе с арабского «мерило таланта».

Всё, чем возможно слух людской пленить.
 Всё тщетно! Им и обернуться лень.
 Для них рубин и аметист – кремьень.
 Заглох Багдад и, погруженный в тьму,
 Не внемлет из поэтов никому.
 Я не могу назвать такой страны.
 Где с песней люди были бы дружны.
 Вот Индия, вот Руми, вот Ширван, –
 Иран, Ирак, и Шам, и Хорасан, –
 Ни одного поэта на земле.
 А был бы, не укрылся б он во мгле!
 Горел бы он в темнейшей из ночей
 Всем ликованием солнечных лучей.
 Блистал бы он из всех земных глубин,
 Как самоцвет, как дорогой рубин.
 Но близок час, благоприятный мне –
 Поэзия подымется в цене.
 Как мне ужиться с веком, не пойму.
 Я страшно одинок. Я чужд всему,
 Унижен, обесславлен, заклеимён,
 Лишён нарядных прозвищ и имён.
 Но возвеличу звание своё!
 Пусть песнь больна, я вылечу её!...

*О том, каков был Меджнун собою
 и как зародилась его любовь*

Он строен был, как тополь весь в цвету,
 Как кипарис, тянулся в высоту.
 Благоуханье уст его – цветник,
 Томленье неги, сладостный родник.
 Как описать мне этот гибкий ствол,
 Что благородным совершенством цвел.
 Был тёмно-серый взгляд его темней
 От чёрных крыл изогнутых бровей,
 И вокруг ланит, что розами зацвелись,
 Как гиацинты, лопухны вились.
 Природа, изваявши тот стан,
 Сама разбича собственный чекан¹.
 Но так на ялго выжжена была

¹ Чекан – рельефное изображение на металлическом изделии; само изделие с таким изображением.

В изгибе губ и в прелести чела.
Как лунный серп, сверкал он для утех.
Прах из-под ног – сурьма для гурий всех.
Пушай, Лейли так жадно любя,
Хоть в зеркало взглянул он на себя
И, сжалившись над юностью такой,
Вернуть бы мог ей и себе покой!
Но встретились они! И в тот же час,
Лишь друг у друга верности учась,
К одной припали чаше – и она
Была восторгом до краёв полна.
Один водоворот двоих стремил,
Один удел двоим смертельно мил.
Одна душа у двух согласных тел.
И тот, кто Гейса отыскать хотел,
Искал Лейли. И сам он издали,
Как эхо, откликался за Лейли.
Так упражнялись в чтеньи и в письме,
Одну любовь держа в своём уме.
И если страх ученья и возник,
Лик юноши был лучшею из книг.
Он изощрялся, тонкий каллиграф,
Для росчерка изящного избрав
Её бровей крыло. Так шёл урок.
Всё не смолкал их нежный говорок.
И в лёгких пререканьях вновь и вновь
Взрослела эта детская любовь...
Нарочно Гейс, урока не уча,
К ней обратится, помощи ища:
«Я знаю, ты прилежнее во всём.
Так помоги, и буду я спасён».
И у доски молчать он будет рад,
И ошибётся много раз подряд,
Чтоб вызвать хоть улыбку с милых губ:
«Сотри. Не переси своей рисунок губ».
Когда же школьники, собравшись в круг,
Игрой веселой оглашают луг,
Ихонько к ней подходит, и на миг
Перед ними мир неведомый возник.
Так и витают в призрачном краю,

Почти не понимая жизнь свою.
 Уроки в школе кончены, и вот
 Опять на помощь хитрость он зовёт:
 Нарочно прячет книгу где-нибудь
 И, преградив Лейли внезапно путь,
 Обиняками, потупляя взор,
 В незначащий вступает разговор.
 Иль пишет тщательно, едва дыша.
 Одну лишь букву выбрала душа.
 Одно лишь «Л» он чертит на листе.
 Вложив всю ласку в очертанья те, –
 Две тонких буквы, два любимых «Л» –
 Венец ученья, мирозданья цель.
 Они вошли без собственных имён
 В сказанье тех неведомых времён.
 Я назову Меджнуна и Лейли
 Растеньями, что в муках расцвели.
 Он – юный месяц, чья печаль верна.
 Она – золотая спелая луна...

*Здесь описан Меджнун влюблённый и лик его,
 страстью опалённый.*

...Они учили верности урок,
 Огонь любви их всё сильнее жёг.
 И вот, когда Лейли читать хотела,
 Не в книгу – в Гейсово лицо глядела.
 Рисуя, видел Гейс любимой бровь –
 Её лекалом¹ сделала любовь.
 Рисунками менялись повседневно
 И спор вели в рисунках задумчиво.
 Всё спорили, каков любви предел,
 Друзей высокий славил удел.
 Созданьям чистому жила дарила сладость,
 Они великую познали радость...
 ...Любовь укротить в толпе людской нельзя,
 В любви на миг найти покой нельзя.
 Когда пылаешь ты любовным жаром,
 Ты приготовься и к упрёкам ярим...

¹ Лекало – чертёжный инструмент для вычерчивания кривых линий.

...Чтоб тайну скрыть надёжней и прочней,
Они притворно власть признали дней.
Лишь иногда, на миг какой-то краткий
Встречался Гейс с любимой украдкой.
Несчастный Гейс, оставив круг наук,
Забыв урок, просил её: «Мой друг,
Невежда я и мучаюсь жестоко,
А ты прекрасно знаешь суть урока.
Открой же мне скорей познания дверь,
Тебе я всё прочту – а ты проверь».
И на доске писал он против правил,
Писать себя с ошибками заставил,
Чтобы ошибка поймана была,
Чтобы улыбкой роза расцвела,
Чтобы сказала: «Ты ошибся. Скверно.
Ты скоро позабудешь всё, наверно».
Так ухитрился с нею говорить,
Чтоб сердце посторонним не открыть.
Когда играли дети в хороводе,
Кричали, веселились на свободе,
Любимой изъяснял он горечь мук.
«В иной, – мечтал он, – стать бы с нею круг».
Слова его другим невнятны были,
Одной Лейли они понятны были.
Когда домой из школы дети шли,
Вновь Гейс хитрил, чтоб увидеть Лейли.
Нарочно он, бывало, книгу спрячет,
А сам идёт и потихоньку плачет.
Когда Лейли мимо него пройдёт –
«Ты не видала?» – спросит и вздохнёт.
Хотя б на миг вкусить свидания сладость
С возлюбленной, дарящей сердцу радость.
В письме всё время упражнялся он,
Две буквы выбрав среди всех письмён.
Писал он, «ам» и «йа» бессчётно множа,
Прочитывая и вновь писал всё то же.
«Они, – он думал, – лучше всех других,
И грамота нужна мне лишь для них».

*Лейли упрёками матери смущена, и
осенью сменилась счастья весна*

Гейс прибегал к подобным ухищрениям,
А время шло своим коловращением.
Обман в любви отрады не даёт,
В страну любви закрыт обману вход.
Кто любит, тот не может быть двуличен.
Ты любишь – к пересудам стань привычен.
Переходила весть из уст в уста,
Повсюду говорила суета:
«Гейс – раб Лейли, любовью ослеплённый.
Лейли на Гейса смотрит благосклонно».
Такие слухи наконец дошли
И до вниманья матери Лейли.
Тогда она в отчаянье и гнев
К розовоустой обратилась деве
И, языками пламени горя,
Язык свой развязала, говоря:
«Ах, сколько сплетен о тебе, бесстыдной.
Ужель не слышишь клеветы обидной?
Зачем себе же причиняешь вред,
Чтоб доброй славы стёрся всякий след?
Я слышу о тебе дурные вести –
От них ущерб твоей и нашей чести.
Нежней ты розового лепестка,
Но только слишком разумом легка.
Ты, как тюльпан, всех красотой прельщаешь,
Но почему лицо ты открываешь?
Не будь же своевольна никогда,
Не забывай девичьего стыда...
Ты лучше школу сразу же бродай –
Абджад¹ узнав, о большем не мечтай.
Забудь перо, забудь свои уроки:
Писать и той на ткнях будешь строки.
Про школьных и не вспоминай друзей,
Есть кукла и тебя – дружи ты с ней.
Будь, словно кукла, домоседкой вечной,
Ужель тебя прельщает первый встречный?..

¹Абджад – система классификации букв арабского алфавита; тип фонетического письма, переданный только или преимущественно согласные звуки.

**Отец Меджнуна в жёны ему Лейли просит,
и отец Лейли на Меджнуна жалобу приносит**

Старик, сражённый мукою жестокой,
Подумал о Лейли нарциссоокой.
Теперь он понял: лишь с Лейли одной
Меджнун найдёт и счастье, и покой.
Он, сватовство сочтя необходимым,
Сказал о том всем людям многотчимым.
Надежд исполнен, всё готовил он –
В Каабу счастья ехать на поклон.
Отец Лейли, когда о том услышал,
Навстречу этому посольству вышел.
Собрав почтенных, знатных всех людей,
К себе домой он проводил гостей.
Он много раз их поздравлял с прибытьем,
Просил Аллаха счастье подарить им.
В гостиной их в средину усадил,
И с блюдами почтенных обходил...
Вот, наконец, и яства все убрали,
И молвил старец о своей печали:
«Могучий шейх! Ты – Кыбла¹ всех племён,
К тебе идут желанья на поклон.
Ты род мой знаешь и происхождение,
Знай, тысячам закон – моё веленье.
Среди племён дарами славен я,
В чужих краях делами славен я.
К кому благоволю – бывает счастлив,
Но тот, кому я недруг, – будь опаслив!
Мне не нужны хвалебные слова, –
Могу сказать: «Я – наших дней глава!
Деяний пальма плод мне подарила,
Мне жемчуг длань госпожы подарила.
И вот решил я – жемчугу не стать
Рубин его достоинством искать.
Чтоб жемчуг с рубином сочетание
Исполнило души моей мечтанье.
Я в россыпь отправился с киркой,
Все камни перебрал своей рукой.

¹Кыбла – условно установленное из любой точки земного шара направление в сторону священной Киблы – городе Мекке в Аравии, соблюдаемое всеми мусульманами во время намаза.

Хоть рудников я посетил немало,
Достойных там рубинов не бывало.
Но слышал я: есть у тебя один,
Достойный лучших жемчугов рубин.
Будь добр и сжался надо мной и сыном –
Мой жемчуг осчастливь своим рубином...
Змей, охранявший этот клад укрытый,
Ответствовал любезно: «О мудрец,
Пленённый чадом, как и я, отец.
Мы очень рады твоему приходу,
Нас к самому ты поднял небосводу...
Но нас весьма смутила речь твоя –
И что тебе сказать, не знаю я.
Родство с тобой почётно и желанно,
Но у тебя наследник очень странный.
Безумцев презирают меж людей,
И что безумцу в дочери моей?
Не мне красу Лейли хвалить в гордыне:
Она урод и жалкая рабыня.
Но пусть рабыня – человек она,
Ведь и к рабыне жалость быть должна.
Ужели пери с дивом подружится?
Не повторяй подобной небылицы!
Сокровища безумцам не дают,
Им как зверям, развалины – приют.
Ты прежде должен нрав его исправить
И от безумия его избавить.
Тогда Лейли – его. Иди же в путь,
Чтоб сыну разум поскорей вернуть.

**Отца Меджнуна разочарование
и другого средства спасения**

Тот славный муж, отмеченный почётом,
Пришёл домой, подавленный тяжким гнётом.
И в горе говорит Меджуну так:
«Исполните мечта исчезнет мрак!
Не надо горевать – здесь нужен разум,
Отец Лейли не встретит нас отказом,
Но только ты разумным стань скорей,
Послушай мненье опытных людей:
Скорей признай ты разума господство,

И лишь ему вручи ты руководство». «Наставник мой, – сказал Меджнун ему, Кто раб любви – подвластен ли уму? Когда б я мог располагать собою, Когда бы роковой не шёл тропею И мог бы освещать рассудком путь, – Я повод воли мог бы натянуть. Тогда бы этой не было печали, И разумом меня б лечить не стали. Лекарствами не вылечить мой сглаз, – К чему же горе множить в сотни раз? Моя болезнь, как прежде, неизменна, И мой ответ всё тот же, откровенный. Найди же способ, мудрый человек, Чтоб исцелить меня ты мог навек. Чтоб о Лейли мне позабыть любимой – Тогда ты счастлив будешь, многотимый!» Печальный старец, узник всех скорбей, К спасенью сына стал искать путей. Лишь мысли о врачах – ему улада. Где есть врачи, – он соловей их сада. Всем о своей рассказывал беде, Лекарства от неё искал везде, Но все врачи со всех пределов света Тому больному не нашли шербета. Он побывал во всех святых местах, Он целовал святых порогов прах, Он жертвы приносил любой святыне, Молился, щедро сыпал благостыни, Но мудрецы со всех концов земли Вернуть бедняге разум не могли. Испробовали сотни врачеваний И сотни хитроумных воззваний. Ничто не помогло рабу судьбы: Не выйдут из оков её рабы. И, наконец, советуют от бедствий Спасения искать в последнем средстве: «О Каабу, старец, сына отведи, К стопам творца с мольбою припади. Пусть обойдёт Каабу – от обхода

Исчезнет, может быть, твоя невзгода,
Священный камень сына исцелит,
Хотя б он был не человек – гранит».

***Бедный Меджнун в Каабу приходит
и исцеления страсти своей не находит***

И забыть желая поскорее горе,
Старик носилки приготовил вскоре.
Отправились святейшей из дорог
В то место, что благой отметил бог.
Войдя в Каабу, старец достохвальный
К Меджнуну обратился: «О печальный,
Лицом к святыне встань, поклон отдай,
Достоинство, приличие соблюдай.
Чистосердечно помолиться надо,
Исполнить требования обряда.
Проси, чтобы господь тебе помог,
И, может быть, поможет вышний бог.
Он здесь молитвы наши принимает,
Своё нам милосердие являет.
Покайся – что же лучше может быть?
Здесь можешь из ключа спасенья пить».
Меджнун, святыней этой вдохновлённый
И страстною любовью опьянённый,
В горячей, скорбной, искренней мольбе
Каабе так поведал о себе:
«О камень достославный, величавый,
Прибежище людей, покрытых славой.
Могучих Кыбла, светоч их вдали,
Ты, амбровая¹ родинка земли.
Ты, чья одежда – верных всех примета,
И одного с ковром предка цвета,
Благоуханный куст молиб-цветков,
Сокровищниц счастья жемчугов.
Ты, постоянный друг моих страданий,
Хотя не знающий, как я, скитаний;
Ты, красящий одежду в чёрный цвет,
Осрытая в сердце страсти яркий свет, –
Скажи мне, кто тебя любовью манит?

¹ Амбровый (устар.) приятно пахнущий, ароматный, благоуханный.

Перед тобой твой друг, он не обманет.
Блаженство ты сумел вкусить, любя,
Что Кыблой мира сделало тебя. Господь!
Святыни той чудесной ради
И чистоты её небесной ради,
Упрочь дворец моей любви, чтоб он
Каабы был прочнее утверждён.
Мне в сердце влей любовное томленье –
Хочу страдать я в вечном упоенье.
От жгучего любовного огня
Горение – блаженство для меня!
И где печаль бы люди ни встречали –
Хочу я быть в плену у той печали.
От разума, коль хочешь, отрешай,
Одной любви, молю я, не лишай,
И наслаждением будет мне страданье,
Коль свет любви подарит мне сиянье.
Спаси меня в пустыне от обид.
Среди людей неправота царит.
Дай мне местечко в уголке вселенной,
Где б я не видел облик их презренный».
Паломник, жертва горестной судьбы,
Просил творца принять его мольбы...

Из Каабы возвращение и

Меджнуна с дикими зверями общения.

Зачин прослушав речи и конец,
«Его услышит бог», – решил отец.
Сказал себе: «Неисцелим он вовсе! –
Теперь к скорбям похуже приготовься.
Рыдал, стenal и горько плакал он,
Был скорбен каждый безутрадный стон.
Печального отца Меджун поставил
И в дикую пустыню путь направил.
Бежал он, полный одиноких мук,
Туда, где жила его бесценный друг.
Днём шёл он вслед за слёзными ручьями,
В ночи ему светило вздохов пламя.
Он пыль пути к любимой вспоминал,
И шёл вперёд, и горестно стонал.

*Меджнун с горою беседует, вместе с горным
источником на своей горе сетует*

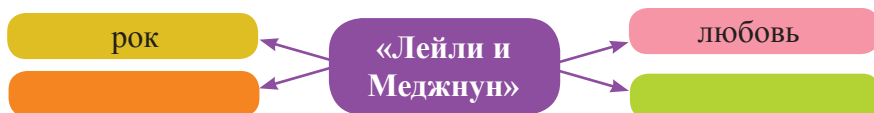
Он перед горой могучей оказался,
Её хребет людей не опасался.
Свою вершину к солнцу подняла,
Как меч разя небесного орла...
Господь её назвал благословенной,
Её считали «колышком вселенной»...
Он размотал клубок любовных бед:
«Отшельница! Прими же мой привет!
Ты знаешь о беде моей сердечной,
Пусть осенит тебя творец предвечный.
Я вижу, ты в печали, влюблена,
Несчастных жалоба тебе слышна.
Я верю: друг ты настоящий, верный.
Влюблённых горе, как гора безмерно...
Давай беду оплакивать вдвоём
И голоса в один поток сольём!»
Гора рыдала, видя, как страдал он,
С горою вместе горестно рыдал он,
Затем в пустынный вновь пошёл простор,
В край, где его Лейли стоял шатёр.

Газель Лейли

С любимым навсегда судьбой разлучена, скорблю жестоко.
Судьба не снизойдёт к мольбам, и я страдаю одиноко.
Коль вздохами своими сжечь я девять не смогу небес,
Тогда какая польза мне в огне, взносящемся высоко?
Я тайной скорбью сражена, но тяжелее всех скорбей
Что розоликий не узнал страданий тайного источника.
Со мной беседовал мой стон, но, наконец, унёсся он, —
Наскучив мной, он улетел и разлился везде широко.
Зачем ещё мне говорить о тайных горестях моих?
Устам и так не удержать признаний скорбного потока.
Свидетель бог, любимый мой всегда живёт в моей душе,
Хотя любимого теперь не видит плачущее око.
Душа покинет плоть мою, но след моей любви к тебе
Навек останется в душе — так он запечатлён глубоко,
О ветер, сделай милость мне, уже сегодня, может быть,
О стройном кипарисе весть ты принесёшь мне издалёка.
Оглушил душа скорбит: разлука ей несёт печаль,
Но кто узнает про печаль души, терпящей злобу рока!

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Уточните значение незнакомых слов по словарю.
2. Что вы узнали о самом Физули из «Вступления» к поэме? Как он оценивает состояние поэзии в мире?
3. Почему герои вынуждены были скрывать свою любовь?
4. Как развивается любовь Лейли и Меджнуна? Составьте цитатный план, показывающий развитие этого чувства.
5. Поэма «Лейли и Меджнун» проникнута идеями суфизма – религиозно-мистического течения, основанного на том, что человек может духовно слиться с Богом, если хранит в душе божественную любовь. Найдите в тексте отрывки, подтверждающие это.
6. Прочитайте в главе «Отец Меджнуна в жёны ему Лейли просит...» выделенные строки. (стр. 89-90) Как называется использованный в них приём?
7. Приведите несколько примеров изобразительно-выразительных средств, которые Физули использовал в поэме.
8. Дополните кластер.

9. Рассмотрите памятник Физули, который установлен в Баку. Чьи образы запечатлели скульпторы Т. Мамедов и О. Эльдаров? Расскажите о впечатлении, которое на вас произвёл этот памятник.

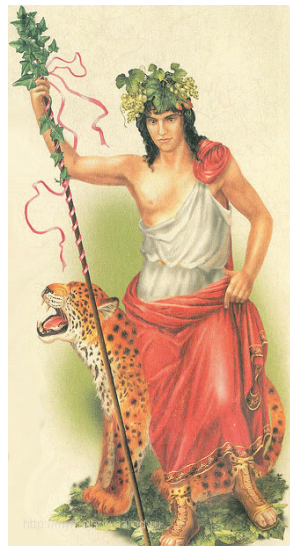

Это интересно!

«Физули» на фарси означает «детский», «нахальный». Поэт так объяснил выбор псевдонима: «Во-первых, я хочу видеть себя единственным среди современников. Во-вторых, я старался быть человеком, вобравшим в себя все науки и знания, и нашёл псевдоним, выражающий это. Ибо «физули» в слове обозначает также совокупность «фазл»а – наук и знаний, в переносном «физули» обозначает противостояние нормам поведения, принятым правилам, традициям».

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ДРАМА

История театрального искусства берёт начало в глубокой древности, когда охотник, подстерегая зверя, облачался в шкуру животного, подражая его повадкам, чтобы подкрасться поближе. Театральное искусство в его современном понимании возникло в Древней Греции и было связано с религиозными празднествами в честь бога плодородия и вина Диониса. Хор наряженных в козлиные шкуры певцов изображал свиту Диониса и исполнял в его честь гимны. Из этих хоровых выступлений родились 2 жанра – трагедия и комедия. «Трагедия» в буквальном переводе – «песнь козлов». Со временем сюжеты стали брать не только из жизни Диониса, но и из героических преданий и мифов. Представления проходили на открытом воздухе, на специальной площадке – «орхестре». На актёрах были глиняные маски. Представления длились с утра до захода солнца. За более чем двухтысячелетнюю историю в театральном искусстве сформировалось 3 драматических жанра: трагедия, комедия, драма.

Вы уже знакомы с понятиями «эпос» и «лирика» – литературными родами. Драма также является литературным родом, включающим в себя элементы эпоса и лирики. Особенностью этого рода является его сценическое воплощение. Это значит, что драматические произведения обязательно должны быть поставлены на сцене. Если в эпических или лирических произведениях мы воссоздаём образы благодаря тексту и собственному воображению, то драматическое произведение воздействует на нас как через текст произведения, так и через игру актёров, режиссуру спектакля, декорации, костюмы, музыку.

Театральное искусство – это синтез многих искусств, оно, прежде всего, зрелищное. Пройдя сложный путь развития, театр по-прежнему отражает жизнь во всей её полноте с помощью уже упомянутых жанров.

Трагедия – драматический жанр, для которого характерны острота и непримиримость изображаемого конфликта. В основе трагедии лежит столкновение характеров, трагедий принципов, за которым стоит напряжённая борьба общественных сил, обычно приводящая к гибели героев.

Комедия – драматический жанр, содержащий столкновение, направленное на обличение и осмеяние лжи, фальши, нравственного уродства.

Драма – пьеса с острым конфликтом, который в отличие от трагического, мы так или иначе разрешим. Содержит черты трагедии и комедии.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Найдите в Интернете или в библиотеке информацию об итальянской комедии масок. Подготовьте презентацию.
2. Как, по-вашему, должны выглядеть маски, изображающие удивление, страх, зависть? Нарисуйте их.
3. В какой сказке вы встречали персонажей комедии масок – Пьеро и Арлекина?

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР (1564-1616)

Когда 19-летний паренёк, проделав пятидневный путь, пришёл в Лондон из захолустного городка Стрэтфорд-на-Эйвоне, никто не мог предположить, что через семь лет он станет величайшим поэтом и драматургом. Трудно было представить, что малообразованный сын разорившегося перчаточника может создавать такие шедевры! Однако именно его, гения эпохи Возрождения, часто называют национальным поэтом Англии. Язык произведений Шекспира способствовал формированию современного английского языка. Он написал 36 комедий и трагедий, которые переведены на многие языки и ставятся на сценах самых известных театров мира.

Сохранилось мало исторических свидетельств о жизни Уильяма Шекспира, поэтому учёными до сих пор обсуждаются вопросы относительно его внешности, творчества. Существует точка зрения,

Некоторые искусствоведы утверждают, что это единственный прижизненный портрет У. Шекспира.

что приписываемые ему произведения созданы кем-то другим, однако она отвергается подавляющим большинством учёных-шекспироведов.

Одним из самых известных произведений Шекспира является трагедия «Ромео и Джульетта». Прекрасный итальянский городок Верона создан, казалось бы, для счастливой и безмятежной жизни. Однако его жители ссорятся, убивают друг друга, порой сами не понимая из-за чего. В городе две знатные семьи – Монтекки и Капулетти. Кто-то когда-то их поссорил, но вражда между ними всё больше разгорается, льётся кровь, множатся жертвы. И когда князь кричит: «Эй, эй, вы, люди! Звери!» – это кричит сам Шекспир, осуждающий безумное человечество.

РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА (В сокращении)

Действующие лица:

Ромео – князь веронский.

Парис – молодой человек, родственник герцога.

Монтекки, Капулетти – главы двух враждующих домов.
Дядя Капулетти.
Ромео – сын Монтекки.
Меркуцио – родственник князя, друг Ромео.
Бенволио – племянник Монтекки, друг Ромео.
Тибальт – племянник леди Капулетти.
Брат Лоренцо, Брат Джованни – францисканские монахи¹.
Балтазар – слуга Ромео.
Самсон, Грегорио – слуги Капулетти.
Пётр – слуга кормилицы.
Абрам – слуга Монтекки.
Аптекарь.
Три музыканта.
Паж² Париса.
Первый горожанин.
Леди Монтекки – жена Монтекки.
Леди Капулетти – жена Капулетти.
Джильетта – дочь Капулетти.
Кормилица Джильетты.
Горожане Вероны.
Мужская и женская родня обоих домов.
Ряженые, стража, слуги.

Хор Действие первое

Семьи Монтекки и Капулетти, живущие в Вероне, враждуют друг с другом. Ромео влюблён в некую Розалину, а отец Джильетты хочет выдать её замуж за графа Париса. Мать Джильетты советует ей присмотреться к графу Парису, который будет у них на балу. Ромео с друзьями Меркуцио и Бенволио, одевшись ряжеными, появляются в доме Капулетти. Тибальт, брат Джильетты, узнаёт Ромео и хочет наказать его. Ромео, познакомившись с Джильеттой, влюбляется в неё и, в свою очередь, также производит на неё впечатление. Девушка от кормилицы узнаёт, кто он, и ужасается: «Что могут обещать мне времена, когда время так усечена».

Действие второе

Ромео пробирается в дом Джильетты.

Ромео. Им по незнанию это было смешно.

Но что за блеск я вижу на балконе?

¹Францисканский монах – член католического монашеского ордена (религиозной организации), основанный в XIII в. итальянцем Франциском Ассизским.

²Паж – в средневековье и в монархических странах: мальчик, молодой человек из дворян, состоящий при знатной особе, монархе.

Там брезжит свет. Джульетта, ты как день!
 Стань у окна, убей луну соседством;
 Она и так от зависти больна,
 Что ты её затмила белизною.
 (На балконе показывается Джульетта.)
 Оставь служить богине чистоты.
 Плат девственницы жалок и невзрачен.
 Он не к лицу тебе. Сними его.
 О милая! О жизнь моя! О радость!
 Стоит, сама не зная, кто она.
 Губами шевелит, но слов не слышно.
 Пустое, существует взглядов речь!
 О, как я глуп! С ней говорят другие.
 Две самых ярких звёздочки, спеша
 По делу с неба отлучиться, просят
 Её глаза покамест посверкать.
 Ах, если бы глаза её на деле
 Переместились на небесный свод!
 При их сиянье птицы бы запели,
 Принявши ночь за солнечный восход.
 Стоит одна, прижав ладонь к щеке.
 О чём она задумалась украдкой?
 О, быть бы на её руке перчаткой,
 Перчаткой на руке!
Джульетта. О горе мне!
Ромео. Проговорила что-то. Светлый ангел,
 Во мраке над моею головой
 Ты реешь, как крылатый вестник неба
 Вверху, на недоступной высоте,
 Над изумлённою толпой народа,
 Которая следит за ним с земли.
Джульетта. Ромео, как мне жаль, что ты Ромео!
 Отринь отца да имя измени,
 А если нет, меня женись сдлай,
 Чтоб Капулетти больше мне не быть.
Ромео. Прислушиваться дальше иль ответить?
Джульетта. Лишь это имя мне желает зла.
 Ты б был собой, не будучи Монтекки.
 Что есть Монтекки? Разве так зовут
 Лишь плечи, ноги, грудь и руки?

Неужто больше нет других имён?
Что значит имя? Роза пахнет розой,
Хоть розой назови её, хоть нет.
Ромео под любым названьем был бы
Тем верхом совершенств, какой он есть.
Зовись иначе как-нибудь, Ромео,
И всю меня бери тогда взамен!
Ромео. О, по рукам! Теперь я твой избранник!

Я новое крещение приму,
Чтоб только называться по-другому.
Джульетта. Кто это проникает в темноте
В мои мечты заветные?

Ромео. Не смею
Назвать себя по имени. Оно
Благодаря тебе мне ненавистно.
Когда б оно попало мне в письмо,
Я б разорвал бумагу с ним на клочья.
Джульетта. Десятка слов не сказано у нас,
А как уже знаком мне этот голос!
Ты не Ромео? Не Монтекки ты?

Ромео. Ни тот, ни этот: имена запретны.
Джульетта. Как ты сюда пробрался? Для чего?
Ограда высока и неприступна.
Тебе здесь неминуемая смерть,
Когда б тебя нашли мои родные.

Ромео. Меня перенесла сюда любовь,
Её не останавливают стены.
В нужде она решается на всё,
И потому – что мне твои родные!

Джульетта. Они тебя увидят и убьют.

Ромео. Твой взгляд опасней двадцати тысяч слов.
Взгляни с балкона дружелюбней вниз,
И это будет мне от них кольчужкой.

Джульетта. Не попадись им только на глаза!

Ромео. Меня плащом укроет ночь. Была бы
Лишь ты тепла со мною. Если ж нет,
Предпочитаю смерть от их ударов,
Чем долгий век без нежности твоей.

Джульетта. Кто показал тебе сюда дорогу?

Ромео. Её нашла любовь. Я не моряк,

Но если б ты была на крае света,
Не медля мига, я бы, не страшась,
Пустился в море за таким товаром.
Джульетта. Моё лицо спасает темнота,
А то б я, знаешь, со стыда сгорела,
Что ты узнал так много обо мне.
Хотела б я восстановить приличье,
Да поздно, притворяться ни к чему.
Ты любишь ли меня? Я знаю, верю,
Что скажешь «да». Но ты не торопись.
Ведь ты обманешь. Говорят, Юпитер
Пренебрегает клятвами любви.
Не лги, Ромео. Это ведь не шутка.
Я легковой, может быть, кажусь?
Ну ладно, я исправлю впечатление
И откажу тебе в своей руке,
Чего не сделала бы добровольно.
Конечно, я так сильно влюблена,
Что глупою должна тебе казаться,
Но я честнее многих недотрог,
Которые разыгрывают скромниц,
Мне б следовало сдержаннее быть,
Но я не знала, что меня услышат.
Прости за пылкость и не принимай
Прямых речей за лёгкость и доступность.
Ромео. Мой друг, клянусь сияющей луной,
Посеребрившей кончики деревьев...
Джульетта. О, не клянись луною, в месяц раз
Меняющейся, — это путь к изменам.
Ромео. Так чем мне клясться?
Джульетта. Не клянись ничем
Или клянись собой, как высшим благом,
Которого достаточно для клятвы.
Ромео. Клянусь, мой друг, когда бы это сердце...
Джульетта. Не надо веро, как ты мне ни мил,
Мне страшно, как мы скоро сговорились.
Всё слишком второпях и сгоряча,
Как блеск зарниц, который потухает,
Едва сказать успеешь «блеск зарниц».
Спокойной ночи! Эта почка счастья

Готова к цвету в следующий раз.
Спокойной ночи! Я тебе желаю
Такого же пленительного сна,
Как светлый мир, которым я полна.

Ромео. Но как оставить мне тебя так скоро?

Джульетта. А что прибавить к нашему сговору?

Ромео. Я клятву дал. Теперь клянись и ты.

Джульетта. Я первая клялась и сожалею,
Что дело в прошлом, а не впереди.

Ромео. Ты б эту клятву взять назад хотела?

Джульетта. Да, для того, чтоб дать её опять.

Мне не подвластно то, чем я владею.

Моя любовь без дна, а доброта –

Как ширь морская. Чем я больше трачу,

Тем становлюсь безбрежней и богаче.

(Голос кормилицы за сценой.)

Меня зовут. Я ухожу. Прощай. –

Иду, иду! – Прости, не забывай.

Я, может быть, вернусь ещё. Постой-ка.

Уходит.

Ромео. Святая ночь, святая ночь! А вдруг

Всё это сон? Так непомерно счастье,

Так сказочно и чудно это всё!

На балкон возвращается Джульетта.

Джульетта. Ещё два слова. Если ты, Ромео,

Решил на мне жениться не шутя,

Дай завтра знать, когда и где венчанье.

С утра к тебе придёт мой человек

Узнать на этот счёт твоё решение.

Я всё добро сложу к твоим ногам

И за тобой последую повсюду.

Кормилица. (За сценой) Голубушка!

Джульетта. Иду! Сию минуту!

А если у тебя в уме обман,

Тогда, тогда...

Кормилица. (За сценой) Голубушка!

Джульетта. Немедля

Оставь меня и больше не ходи.

И за твоей справлюсь.

Ромео. Я клянусь спасеньем.
Джульетта. Сто тысяч раз прощай.

Ромео приходит к монаху Лоренцо и просит поженить их с Джульеттой. Друзья Ромео предупреждают его о поединке с Тибальтом. Ромео через кормилицу передаёт Джульетте просьбу под предлогом исповеди прийти к Лоренцо, чтобы обвенчаться.

Входят Брат Лоренцо и Ромео.

Брат Лоренцо. Брак надо достоительно освятить,
Чтобы о том впоследствии не плакать.

Ромео. Аминь! Что б ни грозило впереди,
Все беды перевешивает счастье
Свидания с Джульеттой хоть на миг.
С молитвою соедини нам руки,
А там хоть смерть. Я буду ликовать,
Что хоть минуту звал её своею.

Брат Лоренцо. У бурных чувств неистовый конец,
Он совпадает с мнимой их победой.
Разрывом слиты пороки и огонь,
Так сладок мёд, что, наконец, и гадоки:
Избыток вкуса отбивает вкус.
Не будь ни расточителем, ни скрягой:
Лишь в чувстве меры истинное благо.

Входит Джульетта.

Вот и она. Столь лёгкая нога
Ещё по этим плитам не ступала.
Влюблённый дух, наверно, невесом,
Как нити паутины бабьим летом.

Джульетта. Привет тебе, духовный мой отец!

Брат Лоренцо. Благодарю, Ромео, за обоняние.

Ромео. Скажи, Джульетта, так же ли у тебя
От счастья бьётся сердце? Если так же
Найди слова, которых я лишен,
Чтоб выразить, что нас сердце соединяет.
Пропой хоть звук из хора волосов,
Которые бушуют в нашей встрече.

Джульетта. Богатство чувств чуждается прикрас,
Лишь внутренняя бедность многословна.

Многое так страшно разрослось,

Что мне не охватить и половины.

Брат Лоренцо. Пойдём и поскорей всё обрядим.

Не повенчав, с такою речью страстной

Вас оставлять одних небезопасно.

Уходят.

Действие третье

Тибальт оскорбляет Ромео, и Меркуцио вступает с ним в поединок, который заканчивается гибелью последнего. Ромео, желая отомстить за смерть друга, убивает Тибальта.

Входят Князь со свитой, Монтекки, Капулетти, их жёны и другие.

Князь. Кто подал поножовщины пример?

Бенволио. Светлейший князь, восстановить велите

Причину этого кровопролитья.

Рукой Ромео умерщвлён и нем

Убивший сам Меркуцио пред тем.

Леди Капулетти. Тибальт! Тибальт! Дитя родного брата!

О муж! О князь! О, страшная утрата!

Кровь родственная наша пролилась!

Взыщи её с Монтекки, добрый князь!

Вот он стоит – убийца и мерзавец!

Князь. Я спрашиваю, кто самоуправец?

Бенволио. Виной Тибальт, который здесь простёрт.

Он оскорбил Ромео. Оскорблённый

Стерпел обиду и, наоборот,

Как мог, старался охладить Тибальта.

Но всё Тибальту было нипочём,

Он продолжал буянить. Тут вмешался

Меркуцио, сцепились, и пошло.

Они сражались долго с равной силой.

Вертясь почти всё время между шпаг,

Ромео их просил остановиться,

Но сам приблизил роковой исход:

Из-под его руки был ранен на смерть

Храбрец Меркуцио. Тибальт бежал

И думал скрыться, но потом вернулся.

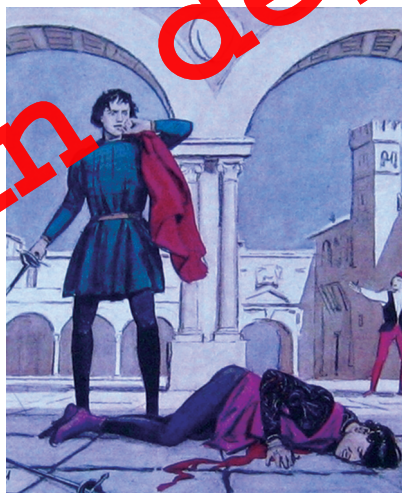
Тогда Ромео вышел из себя,

И, прежде чем успел я разобраться,

Лежал Тибальт без жизни на земле

И он последний убежал Ромео.

Вот поединка достоверный ход.

Я жизнью отвечаю за отчёт.

Леди Капулетти. Он из семьи Монтекки. Для него

Не истина важнее, а родство

Их было двадцать человек, и еле

Всем скопищем Тибальта одолели.

Схвати Ромео, князь! Убийца он

И по закону должен быть казнён.

Князь. Ромео был возмездия орудьем.

Кого мы за Меркуцию осудим?

Монтекки. Ромео меньше всех. Он с ним дружил

И мстил убийце, как и ты б отмстил.

Князь. И за поступок этот самочинный

Немедля будет выслан на чужбину.

А ваш раздор мне надоел вдвойне

С тех пор, как жизни близких стоит мне.

Я наложу на вас такую пеню,

Что вы оцените моё терпенье.

Слезам, мольбам не придаю цены,

Вы ими не искупите вины.

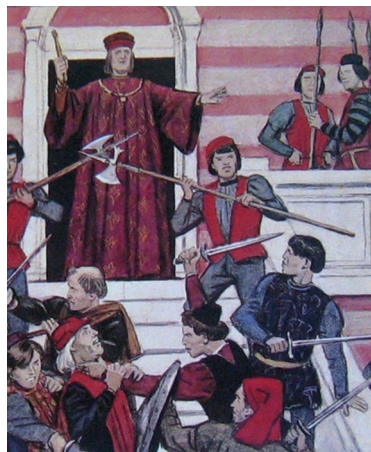
Когда Ромео края не оставит,

Ничто его от смерти не избавит.

Очистить площадь! Мертвеца убрать.

Прощать убийцу – значит убивать.

Уходят.

СЦЕНА II

Сад Капулетти.

Входит Джульетта.

Джульетта. Неситесь шибче, огненные кони,

К вечерней цели! Если б Фазтон¹

Был вам возницей, вы б давно домчались

И на земле настала б темнота.

О ночь любви, раскинь свой тёмный полог,

Чтоб укрывающиеся могли

Тайком переглянуться и Ромео,

Вошёл ко мне неслышным незрим.

Ведь любящие видят всё при свете

Волненьем загорающих лиц.

¹Фазтон – название планеты, которая якобы существовала ранее между Марсом и Юпитером, а затем распалась.

Любовь и ночь живут чутьём слепого.
 Прабабка в чёрном, чопорная ночь,
 Приди и научи меня забаве,
 В которой проигравший в барыше,
 А ставка – непорочность двух созданий.
 Скрой, как горит стыдом и страхом кровь,
 Покамест вдруг она не осмелеет
 И не поймёт, как чисто всё в любви.
 Приди же, ночь! Приди, приди, Ромео,
 Мой день, мой снег, светящийся во тьме,
 Как иней на вороньем оперенье!
 Приди, святая, любящая ночь!
 Приди и приведи ко мне Ромео!
 Дай мне его. Когда же он умрёт,
 Изрежь его на маленькие звёзды,
 И все так влюбятся в ночную твердь,
 Что бросят без вниманья день и солнце.
 Я дом любви купила, но в права
 Не введена, и я сама другому
 Запродана, но в руки не сдана.
 И день тосклив, как накануне празднеств,
 Когда обновка сшита, а надеть
 Не ведено ещё. Но вот и няня
 С вестями от Ромео, а тогда
 Любой язык красноречив, как небо.

Кормилица сообщает Джульетте о смерти Тибальта от руки Ромео. Но Джульетта больше переживает об изгнании Ромео. Кормилица обещает устроить им встречу.

Лоренцо сообщает Ромео о решении князя. Появившаяся кормилица передаёт просьбу о встрече. Лоренцо советует Ромео успокоить Джульетту, отправиться в ссылку и ждать благоприятного случая «открыть ваш брак и примирить дома».

Тем временем в доме Капулетти решено в ближайшее время обвенчать дочь с Парисом. Узнав об этом, Джульетта умоляет отца отсрочить брак, но тот неумолим.

Действие четвёртое

Джульетта приходит к брату Лоренцо в тот момент, когда у него находится Парис, договаривающийся о венчании. Заперев за ним дверь, Лоренцо и Джульетта обдумывают дальнейшие действия.

Джюльетта. Не говори, раз выхода не видишь.
И если ты не можешь мне помочь,
То оправдай меня по крайней мере,
И мне в беде поможет этот нож.

Бог нам сердца связал, ты сплёл нам руки.

Я отдана Ромео. Прежде чем
Я руку с сердцем передам другому,
Я сердца жизнь рукою пресеку.

Итак, перебери свой долгий опыт
И вспомни, нет ли случая, как мой.
А то кинжал защитником мне будет
И честью отстоит мой правый иск.
Будь короток, не говори пространно.
Дай умереть иль залечи мне рану.

Брат Лоренцо. Стой, дочка. Я обдумываю шаг,
Такой же, впрочем, страшный, как опасность,
Которую хотим мы отвратить.

Ты говоришь, что вместо свадьбы с графом
В себе нашла бы силу умереть?

Что ж, если так, есть средство вроде смерти
От этого позора и беды.

Я дам его, но тут нужна решимость.

Джюльетта. Чтоб замуж за Париса не идти,
Я лучше брошусь с башни, присосежусь
К разбойникам, я к змеям заберусь
И дам себя сковать вдвоём с медведем.

Я вместо свадьбы лучше соглашусь
Заночевать в мертвецкой или лягу
В разрытую могилу. Всё, о чём

Я прежде слышать не могла без дрожи,
Теперь я, не колеблясь, совершу,

Чтоб не нарушить верности Ромео.

Брат Лоренцо. Тогда ступай уверенно домой,
Будь весела и дай отцу согласие
На свадьбу с графом, завтра ведь среда.
Ляг завтра спать одна, устрои, чтоб няня
Не оставалась на ночь наверху.

Ляг и пред сном откупорь эту склянку.

Когда ты выпьешь весь раствор до дна,
Тебе сойдёт незапный холод. В жилах
Должно остановиться будет кровь.

Ты обомрёшь. В тебе не выдаст жизни
Ничто: ни слабый вздох, ни след тепла.
Со щёк сойдёт румянец. Точно ставни,
Сомкнутся на ночь наглухо глаза.
Конечности, лишившись управления,
Закоченеют, как у мертвецов.
В таком, на смерть похожем, состоянье
Останешься ты сорок два часа,
И после них очнёшься освежённой.
Когда тебя придёт будить Парис,
Ты будешь мёртвой. Как у нас обычай,
Тебя в гробу без крышки отнесут
В фамильную гробницу Капулетти.
Я вызову Ромео. До того
Как ты проснёшься, мы с ним будем в склепе.
Вы сможете уехать в ту же ночь.
Вот выход, если ты не оробеешь
Или не спутаешь чего-нибудь.
Джульетта. Дай склянку мне! Не говори о страхе.
Брат Лоренцо. Возьми её. Я напишу письмо
И в Мантую отправлю с ним монаха.
Мужайся и решимость прояви!
Джульетта. Решимость эту я найду в любви.
Прощай, отец.

Уходят.

Джульетта возвращается домой и даёт клятву отцу не перечить ему. Оставшись одна, Джульетта выпивает напиток. На следующее утро родные находят её, как им кажется, мёртвой.

Брат Лоренцо. Стыдитесь! Тише! Слёзы не исходят
В несчастьи. Она принадлежала
Семье и небу. Ныне лишь оно
Владеет ею. Там Джульетте лучше.
Вы дочери от смерти не спасли,
А небо ей сияет вечной жизнью.
Вы прилагали силы все, что могли,
Чтобы Джульетту возвести в свете,
Что ж плачете вы, видя вашу дочь
Так высоко за облаками в небе?
Знали, малыши, вы любили дочь свою,
Когда умирали, что она в раю.

Вы счастья молили для желанной?
Счастливейшие умирают рано.
Уймём свой плач и, как заведено,
Осыпем это тело розмарином
И вынесем в венчальном платье в храм.
Природа слабодушна и рыдает,
Но разум твёрд, и разум побеждает.

Действие пятое

Ромео получает известие о смерти Джульетты.

Ромео. Джульетта, мы сегодня будем вместе.

Обдумаю, как это совершить.

Как ты изобретательно, несчастье!

Аптекаря я вспомнил. Он живёт

Поблизости. На днях его я видел.

Он травы разбирал. Худой старик,

Весь отощавший от нужды, в лохмотьях.

В аптеке черепаха, крокодил

И чучела иных морских уродов.

Кругом на полках нищенский набор

Горшечных черепков, пустых коробок,

Верёвочных обрывков, трав, семян

И отсыревших розовых лепёшек.

Плачевный хлам, которому с трудом

Придать старались видимость товара.

Тогда же мысль мне в голову пришла:

Когда б у вас нужда явилась в яде,

Который запрещают продавать

Законы Мантуи под страхом смерти,

Несчастный этот вам его продаст.

Как кстати я тогда о нём подумал!

Сейчас он должен будет мне помочь.

Вот, кажется, как раз его лачуга.

Сегодня праздник, лавка заперта.

Аптекарь! Эй, аптекарь!

Купив у аптекаря яд, Ромео отправляется в Верону. Лоренцо выясняет, что предупреждающее письмо Ромео передано не было, и решает сам освободить из подземелья Джульетту. А тем временем сюда, в подземелье, где лежит гроб, приходит Парис, а затем Ромео. Решив, что Ромео хочет освободить Джульетту, Парис сражается с ним и погибает.

Ромео. Пред смертью на иных находит смех.

Свидетели зовут веселье это
Прощальными зарницами. Теперь
Проверю я, зарницы ль эти вспышки.
Любовь моя! Жена моя! Конец
Хоть высосал, как мёд, твоё дыханье,
Не справился с твоею красотой.
Тебя не победили: зная жизни
Горит в губах твоих и на щеках,
И смерти бледный стяг ещё не поднят.
И ты тут, в красном саване, Тибальт?
Какую радость я тебе доставлю!
Смотри: сразившею тебя рукой
Сейчас сражу я твоего убийцу.
Прости меня! Джульетта, для чего
Ты так прекрасна? Я могу подумать,
Что ангел смерти взял тебя живьём
И взаперти любовницею держит.
Под страхом этой мысли остаюсь
И никогда из этой тьмы не выйду.
Здесь поселюсь я, в обществе червей,
Твоих служанок новых. Здесь останусь,
Здесь отдохну навек, здесь сброшу с плеч
Томительное иго звёзд зловещих.
Любуйтесь ею пред концом, глаза!
В последний раз её обвейте, руки!
И губы, вы, преддверия души,
Запечатлейте долгим поцелуем
Со смертью мой бессрочный договор.
Сюда, сюда, угрюмый перевозчик!
Пора разбить потрёпанный корабль
С разбега о береговые скалы.
Пью за тебя, любовь!

(Выпивает яд.) Ты не солгал,

Аптекарь! С поцелуем умираю.

Умирает.

Входит Лоренцо:

Ромео! Как бледен! А другой? Как, граф Парис?

И весь в крови? Где ключ к загадке этой?

Но спящая прснулась.

(Джульетта пробуждается.)

Джульетта. О монах, где мой супруг?

Я сознаю отлично,
Где быть должна. Я там и нахожусь.
Где ж мой Ромео?

Шум за сценой.

Брат Лоренцо. Слышишь, кто-то ходит.
Уйдём скорей из этого гнезда
Заразы, смерти и оцепененья.
Другая сила, больше, чем моя,
Предупредила нас. Идём отсюда.
У ног твоих лежит твой мёртвый муж,
И с ним Парис. Поторопись. Ты вступишь
Монахиней в обитель. Поспешим.
Не спрашивай меня. Подходит стража.
Джульетта, торопись! Мы на виду.
Джульетта. Ступай один, отец. Я не пойду.

(Брат Лоренцо уходит.)

Что он в руке сжимает? Это склянка.

Он, значит, отравился? Ах, злодей,

Всё выпил сам, а мне и не оставил!

Но, верно, яд есть на его губах.

Тогда его я в губы поцелую

И в этом подкрепление смерть найду.

(Целует Ромео.)

Какие тёплые!

Первый сторож. Где это место?

Веди, любезный.

Джульетта. Чьи-то голоса.

Пора кончать. Но вот кинжал, по счастью.

(Схватывает кинжал Ромео.)

Сиди в чехле. *(Вонзает его в себя.)*

Будь здесь, а я умру.

(Падает на труп Ромео и умирает.)

Пришедшие к могиле родственники нарядные мёртвых, и Лоренцо объясняет им происшедшее. Забыв о расправе, Монтекки и Капулетти протягивают руки друг другу, оплакивая детей.

Князь. Сближение ваше умраком объято.

Сквозь толщу туч не может солнце глаз.

Пойдём, забудим сообща утраты

И обвиняя или оправдаем вас.

Но погубство Ромео и Джульетте

Останется печальнейшей на свете...

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Назовите тему трагедии. Вспомните произведения, в которых раскрывается эта тема.

2. В чём необычность изображённой в пьесе ситуации?

3. Определите в трагедии элементы сюжета.

4. Охарактеризуйте главных героев трагедии. Опишите, как они меняются под влиянием любви.

5. Найдите в монологе Ромео, с которого начинается второе действие, изобразительно-выразительные средства, характеризующие Джульетту. Объясните, как этот монолог характеризует Ромео.

6. Как вы считаете, почему герои погибают? Есть ли смысл в их гибели?

7. Какое впечатление произвёл на вас финал произведения? Придумайте свой вариант финала.

8. Прослушайте следующие фрагменты музыки С. Прокофьева к балету «Ромео и Джульетта»: «Монтекки и Капулетти», «Джульетта-девочка». Какое настроение воплощено в них?

9. Инсценируйте понравившийся вам эпизод.

10. Посмотрите кинофильм режиссёра Ф. Дзефирелли «Ромео и Джульетта». Поделитесь впечатлениями с одноклассниками.

Это интересно!

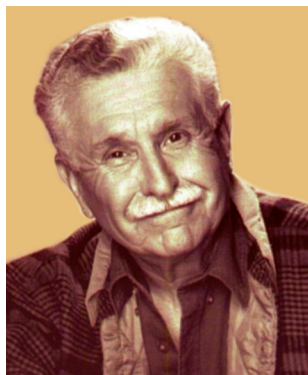
Дом Джульетты, который был построен в XIII веке, находится в Вероне. В наши дни его посещает большое количество туристов.

Особой популярностью пользуется бронзовая статуя Джульетты, прикоснуться к которой считается хорошей приметой.

О. ГЕНРИ (1862-1910)

Ещё в школе любимым занятием Уильяма Сиднея Портера было придумывание неожиданных концовок к начатому рассказу. В эти годы юноша также обнаружил талант художника-карикатуриста. Врождённое чувство юмора помогло ему не сломаться, когда, в силу обстоятельств, он оказался в тюрьме, в которой провёл 4 года. Именно здесь он написал 14 своих лучших рассказов. Именно здесь родился его псевдоним. Он написал один роман и 273 новеллы, которые переведены на многие языки мира. Мастер остросюжетных новелл с неожиданным финалом, он покорила сердца читателей лёгкостью повествования, тонким юмором и неподдельностью чувств. Писатель утверждал, что его всегда привлекали «потерпевшие кораблекрушение». Его герои постоянно подвергаются проверке самой жизнью, требующей мужества, терпения, самодисциплины. В своих рассказах О. Генри проповедует любовь к жизни, великодушие и уважение к человеку. Многие его мудрые мысли стали афоризмами.

ДАРЫ ВОЛХВОВ

Один доллар восемьдесят семь центов. Это было всё. Из них шестьдесят центов монетками по одному центу. За каждую из этих монеток пришлось торговаться с бакалейщиком, зеленщиком, мясником так, что даже уши горели от безмолвного неодобрения, которое вызывала подобная бережливость. Делла пересчитала три раза. Один доллар восемьдесят семь центов. А завтра рождество.

Единственное, что тут можно было сделать, это хлопнуть на старенькую кушетку и зареветь. Именно так Делла и поступила. Откуда напрашивается философский вывод, что жизнь состоит из слёз, вздохов и улыбок, причём вздохи преобладают.

Пока хозяйка дома проходит все эти стадии, оглядим самый дом. Меблированная квартирка за восемь долларов в неделю. В обстановке не то чтобы вопиющая нищета, но скорее красноречиво молчащая бедность. Внизу, на парадной двери, ящик для писем, в щель которого не протиснулось бы ни одно письмо, и кнопка электрического звонка, из которой ни одному смертному не удалось бы выдавить ни звука... Но когда мистер Джеймс Диллингхем Юнг приходил домой и поднимался к себе на верхний этаж, его неизменно встречал возглас: «Джим!» и нежные объятия миссис Джеймс Диллингхем Юнг, уже представленной вам под именем Деллы. А это, право же, очень мило.

Делла кончила плакать и прошлась пуховкой по щекам. Она те-

перь стояла у окна и уныло глядела на серую кошку, прогуливавшуюся по серому забору вдоль серого двора. Завтра рождество, а у неё только один доллар восемьдесят семь центов на подарок Джиму!..

В простенке между окнами стояло трюмо. Вам никогда не приходилось смотреться в трюмо восьмидолларовой мебелированной

квартиры? Очень худой и очень подвижный человек может, наблюдая последовательную смену отражений в его узких створках, составить себе довольно точное представление о собственной внешности. Делле, которая была хрупкого сложения, удалось овладеть этим искусством.

Она вдруг отскочила от окна и бросилась к зеркалу. Глаза её сверкали, но с лица за двадцать секунд сбежали краски. Быстрым движением она вытащила шпильки и распустила волосы.

Надо вам сказать, что у четы Джеймс Диллингхем Юнг было два сокровища, составлявших предмет их гордости. Одно – золотые часы Джима, принадлежавшие его отцу и деду, другое – волосы Деллы. Если бы царица Савская проживала в доме напротив, Делла, помыв голову, непременно просушивала бы у окна распущенные волосы – специально для того, чтобы заставить померкнуть все наряды и украшения её величества. Если бы царь Соломон служил в том же доме швейцаром и хранил в подвале все свои богатства, Джим, проходя мимо, всякий раз доставал бы часы из кармана – специально для того, чтобы увидеть, как он рвёт на себе бороду от зависти.

И вот прекрасные волосы Деллы рассыпались, блестя и переливаясь, точно струи каштанового водопада. Они спускались ниже колен и плащом окутывали почти всю её фигуру. Но она тотчас же, нервничая и торопясь, принялась снова подбирать их. Потом, словно заколебавшись, с минуту стояла неподвижно, и вдруг три сезинки упали на ветхий красный ковер.

Старенький коричневый жакет на плечи, старенькую коричневую шляпку на голову – и, взметнув юбками, сверкнув неважными блестками в глазах, она уже мчалась вниз, на улицу.

Высходя, у которой она остановилась, гласила: «M-me Sophronie. Бесвозможные изделия из волос». Делла взбежала на второй этаж и

остановилась, с трудом переводя дух.

– Не купите ли вы мои волосы? – спросила она у мадам.

– Я покупаю волосы, – ответила мадам. – Снимите шляпу, надо посмотреть товар.

Снова заструился каштановый водопад.

– Двадцать долларов, – сказала мадам, привычно взвешивая на руке густую массу.

– Давайте скорее, – сказала Делла.

Следующие два часа пролетели на розовых крыльях – прошу прощения за избитую метафору. Делла рыскала по магазинам в поисках подарка для Джима.

Наконец, она нашла. Без сомнения, это было создано для Джима, и только для него. Ничего подобного не нашлось в других магазинах, а уж она всё в них перевернула вверх дном. Это была платиновая цепочка для карманных часов, простого и строгого рисунка... Двадцать один доллар пришлось уплатить в кассу, и Делла поспешила домой с восемьюдесятью семью центами в кармане. При такой цепочке Джиму в любом обществе не зазорно будет поинтересоваться, который час. Как ни великолепны были его часы, а смотрел он на них часто украдкой, потому что они висели на дрянном кожаном ремешке.

Дома оживление Деллы поулеглось и уступило место предусмотрительности и расчёту. Она достала щипцы для завивки, зажгла газ и принялась исправлять разрушения...

Не прошло и сорока минут, как её голова покрылась крутыми мелкими локончиками, которые сделали её удивительно похожей на мальчишку, удравшего с уроков...

Джим никогда не запаздывал. Делла зажала платиновую цепочку в руке и уселась на краешек стола поближе к входной двери. Вскоре она услышала его шаги внизу на лестнице и на мгновение последовала. У неё была привычка обращаться к богу с коротенькими молитвами по поводу всяких житейских мелочей, и она торопливо зашептала:

– Господи, сделай так, чтобы я ему не разонравилась.

Дверь отворилась, Джим вошёл и закрыл её за собой. У него было худое, озабоченное лицо. Нелёгкое дело, двадцать два года быть обременённым семьёй! Ему уже давно нужно было новое пальто, и руки мёрзли без перчаток.

Джим неподвижно замер у дверей, точно сеттер, учуявший перепела. Его глаза остановились на Делле с выражением, которого она не могла понять, и ей стало страшно. Это не был ни гнев, ни удивление, ни упрёк, ни ужас – ни одно из тех чувств, которых можно было бы ожидать. Он просто смотрел на неё, не отрывая взгляда, и лицо его не меняло своего странного выражения.

Делла соскочила со стола и бросилась к нему.

– Джим, милый, – закричала она, – не смотри на меня так. Я остригла волосы и продала их, потому что я не пережила бы, если б мне нечего было подарить тебе к рождеству. Они опять отрастут. Ты ведь не сердишься, правда?.. Если б ты знал, какой я тебе подарок приготовила! – Ты остригла волосы? – спросил Джим с напряжением, как будто, не смотря на усиленную работу мозга, он всё ещё не мог осознать этот факт...

– Не ищи, ты их не найдёшь, – сказала Делла. – Я же тебе говорю: я их продала – остригла и продала. Будь со мной поласковее, потому что я это сделала для тебя. Может быть, волосы на моей голове и можно пересчитать, – продолжала она, и её нежный голос вдруг зазвучал серьёзно, – но никто, никто не мог бы измерить мою любовь к тебе!..

Джим достал из кармана пальто свёрток и бросил его на стол.

– Не пойми меня ложно, Делл, – сказал он. – Никакая причёска и стрижка не могут заставить меня разлюбить мою девочку. Но разверни этот свёрток, и тогда ты поймёшь, почему я в первую минуту оторопел.

Белые проворные пальчики рванули бечёвку и бумагу. Последовал крик восторга, тотчас же – увы! – чисто по-женски сменившийся потоком слёз и стонов, так что потребовалось немедленно применить все успокоительные средства, имевшиеся в распоряжении хозяина дома.

Ибо на столе лежали гребни, тот самый набор гребней – один задний и два боковых, – которым Делла давно уже благоговейно любовалась в одной витрине Бродвея. Чудесные гребни, настоящие черепаховые, с вделанными в края блестящими камешками, и как раз под цвет её каштановых волос. Они стоили дорого... Делла знала это – и сердце её долго изнывало и томилось от несбыточного желания обладать ими. И вот теперь они принадлежали ей, но нет уже прекрасных кос, которые украсил бы их вожелённый блеск.

Всё же она прижала гребни к груди и, когда, наконец, нашла в себе силы поднять голову и улыбнуться сквозь слёзы, сказала:

– У меня очень быстро растут волосы, Джим!

Тут она вдруг подскочила, как ошпаренный котёнок, и воскликнула:

– Ах, боже мой!

Ведь Джим ещё не видел её замечательного подарка. Она поспешно протянула ему цепочку на раскрытой ладони.

– Разве не прелесть, Джим! Я весь город обегала, покуда нашла это. Теперь можешь хоть сто раз в день смотреть, который час. Дай-ка мне часы. Я хочу посмотреть, как это будет выглядеть всё вместе.

Но Джим, вместо того чтобы послушаться, лёг на кушетку, подложил обе руки под голову и улыбнулся.

– Делл, – сказал он, – придётся нам пока спрятать наши подарки, пусть покажат немножко. Они для нас сейчас слишком хороши. Часы я

продал, чтобы купить тебе гребни...

Волхвы, те, что принесли дары младенцу в яслях, были, как известно, мудрые, удивительно мудрые люди. Они-то и завели моду делать рождественские подарки. И так как они были мудры, то и дары их были мудры, может быть, даже с оговорённым правом обмена в случае непригодности. А я тут рассказал вам ничем не примечательную историю про двух глупых детей из восьмидолларовой квартирки, которые самым немудрым образом пожертвовали друг для друга

своими величайшими сокровищами. Но да будет сказано в назидание мудрецам наших дней, что из всех дарителей эти двое были мудрейшими. Из всех, кто подносит и принимает дары, истинно мудры лишь подобные им. Везде и всюду. Они и есть волхвы.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Объясните, как вы понимаете выражения «красноречиво молчащая бедность», «вопиющая нищета».

2. Какие эпизоды свидетельствуют о любви героев друг к другу?

3. Кого и почему О. Генри называет «мудрейшими из всех дарителей»?

4. В каком изученном вами произведении упоминались волхвы? Почему писатель называет героев волхвами? О каком празднике идёт речь в новелле?

5. Почему библейские образы занимают в ней большое место?

6. Какой приём использует автор для описания сокровища Джима и Деллы?

7. Вспомните, что такое «новелла». Чем она отличается от рассказа? Можно ли назвать «Дары волхвов» новеллой? Обоснуйте своё мнение.

8. Определите тему и идею новеллы. Назовите элементы ее сюжета.

9. Какие чувства у вас вызвала новелла? Проведите дискуссию по высказыванию автора: «Жизнь состоит из слёз, вздохов и улыбок, причём вздохи преобладают».

10. Посмотрите снятый по новеллам О. Генри фильм «Деловые люди». Поделитесь впечатлениями с одноклассниками.

11. Придумайте так же, как О. Генри, рассказ по данному началу: «Сегодня со мной произошло странное происшествие. Утром я проснулся и ...».

Это интересно!

В Америке создан музей О. Генри, а тюремному двору, по которому когда-то ходил по кругу заключённый №34627, присвоено имя писателя.

ОБОБЩИМ ИЗУЧЕННОЕ

1. Как вы считаете, в каком произведении – «Лейли и Меджнун» или «Ромео и Джульетта» – больше информации для характеристики главных героев? Почему?

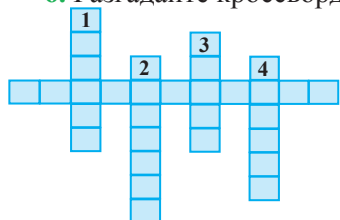
2. Сравните произведения «Лейли и Меджнун» и «Ромео и Джульетта». Составьте диаграмму Венна.

3. Проведите дискуссию на тему «Любовь сильнее смерти».

4. Напишите сочинение или эссе на одну из тем: а) «Любовь – это бесценный дар»; б) «История подлинной любви не имеет конца»; в) «Во имя любви» (по рассказу О. Генри).

5. Прослушайте увертюру П. И. Чайковского «Ромео и Джульетта» и отрывки из оперы У. Гаджибейли «Лейли и Меджнун». Поделитесь впечатлениями с одноклассниками.

6. Разгадайте кроссворд.

По горизонтали: значение слова «волхвы».

По вертикали: 1) главное богатство Деллы; 2) брат Джульетты, убитый Ромео; 3) место, куда отправляется Меджнун для исцеления; 4) город, где происходят события трагедии Шекспира.

IV. «ВЕСЬ МИР – ТЕАТР, И ЛЮДИ В НЁМ АКТЁРЫ» (У. ШЕКСПИР)

ВИДЫ КОМИЧЕСКОГО

Все мы любим посмеяться. А что вызывает наш смех? Какая-нибудь комическая ситуация (от греч. *komikos* – смешной, весёлый), отклонение от нормы, несоответствие общепринятому. Литература учит человека смеяться так же, как учит сочувствовать, потому что именно она располагает наибольшими возможностями для воплощения комического. При этом смех может быть разным.

Юмор – мягкая, добрая, снисходительная критика, сочетающая безобидную насмешку и весёлость. Например, юмором проникнуты многие строки, связанные с образом Василия Тёркина.

Ирония – скрытая насмешка, когда слово или выражение используется в значении, которое прямо противоположно общепринятому. Вспомните отрывок из третьей главы «Ли и Нино»: «По дороге в гимназию я раздавал милостыню всем нищим, которые попадались мне на пути. Просто так, для надёжности». Милостыню обычно дают из добрых побуждений, чтобы, сочувствуя, помочь. Наш же герой употребляет выражение «для надёжности», имея в виду, что добрые поступки обязаны «надёжно» помочь сдать экзамен, к которому он не очень хорошо подготовился. А выражение «просто так» в данном случае означает как раз обратное – «небескорыстно».

Разновидностью иронии является **сарказм** – едкая, язвительная или горькая насмешка с откровенно обличительным смыслом. Сарказмом пронизаны строки 4-ой главы «Али и Нино», рассказывающие о впечатлении, произведённом музыкой на директора гимназии, учителя географии и на Зейнал агу: «Зейнал ага был простым крестьянином, но понимал в искусстве пения больше, чем учителя, выпустившие нас в свет».

Сатира – злая насмешка, которая, в отличие от юмора, обличает и высмеивает серьёзные пороки и недостатки. Она бичует хамство, нечестность, взяточничество, произвол, коррупцию. В изученном вами в прошлом году рассказе «Толстый и тонкий» с помощью сатиры обличается социальное неравенство и чинопочитание.

Гротеск – вид комического, в котором сочетаются ужасное, смешное и фантастическое. Гротеск может быть связан с конкретным образом, а может касаться и всего произведения. Например, в «Ревизоре» весь город N, в котором происходит действие, – это город-гротеск.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Найдите в поэме «Василий Тёркин» строки, проникнутые юмором.
2. Какие сатирические и юмористические рассказы вы читали?
3. Придумайте юмористический рассказ из школьной жизни с элементами гротеска.
4. Составьте диаграмму Венна, сравнив понятия *сатира* и *юмор*.

Это интересно!

Комиксы – рисованные рассказы в картинках, в которых не всегда есть текст. Прямая речь в комиксах передаётся при помощи филактера – «словесного пузыря» в виде облачка, исходящего из уст, или, в случае изображения мыслей, из головы персонажа. Слова автора обычно помещают над или под кадрами комикса.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГОГОЛЬ

(1809-1852)

С творчеством Н. В. Гоголя связана особая страница в русской литературе. В одном из своих первых произведений «Вечера на хуторе близ Диканьки» он описал то, что хорошо знал – украинскую народную жизнь. Эта книга покорила сердца читателей юнким юмором, атмосферой вольности и веселья. Именно здесь впервые проявился юмористический талант писателя, который ещё гимназические годы участвовал в школьных спектаклях, где ему особенно удавались комические роли. Сюжет будущей блистательной комедии «Ревизор» подарил Гоголю А. С. Пушкин. Гоголь писал, что поэт всегда говорил ему, что «ещё ни у одного писателя не было этого дара выставлять так ярко пошлость жизни».

Комедия была создана за несколько месяцев и поставлена в апреле 1836 года. Спектакль произвёл на автора удручающее впечатление из-за игры актёров и равнодушия публики. Поэтому он продолжил работу, и спустя 6 лет в окончательной редакции появился эпиграф: «На зеркало неча пенять, коли рожа крива». Гоголь надеялся на нравственное потрясение всех, кто узнает себя в «зеркале» произведения. На примере придуманного им уездного города N он показал состояние современной ему царской России и заставил задуматься даже царя Николая I, сказавшего: «Всем досталось, а мне более всех!»

РЕВИЗОР

На зеркало неча пенять, коли рожа крива.

Народная пословица

Действующие лица:

Антон Антонович Сквозник-Дмухановский – городничий.

Анна Андреевна – жена его.

Марья Антоновна – дочь его.

Лука Лукич Хлопов – смотритель училищ.

Аммос Фёдорович Ляпкин-Тяпкин – судья.

Артёмий Филиппович Земляника – попечитель богоугодных заведений.

Иван Кузьмич Шпекин – почтмейстер.

Степан Иванович Коробкин – отставной чиновник, почётное лицо в городе.

Петр Иванович Добчинский – городской помещик.

Петр Иванович Бобчинский – городской помещик.

Иван Александрович Хлестаков – чиновник из Петербурга.

Осип – слуга его.

Христиан Иванович Гибнер – уездный лекарь.

Замечания для господ актёров

Городничий, уже постаревший на службе и очень неглупый по-своему человек. Хотя и взяточник, но ведёт себя очень солидно; довольно сурьезен; несколько даже резонёр¹; говорит ни громко, ни тихо, ни много, ни мало. Но каждое слово значительно.

Анна Андреевна, жена его, провинциальная кокетка, ещё не совсем пожилых лет, воспитанная вполнину на романах и альбомах, вполнину на хлопотах в своей кладовой и девичьей. Очень любопытна и при случае выказывает тщеславие. Берёт иногда власть над мужем потому только, что тот не находится, что отвечать ей; но власть она распространяется только на мелочи и состоит только в выговорах и наемешках. Она четыре раза переодевается в разные платья в продолжение пьесы.

Хлестаков, молодой человек лет двадцати трёх, тоненький, худенький; несколько приглуповат и, как говорят, без царя в голове, – один из тех людей, которых в канцеляриях называют пустейшими. Говорит и действует без всякого соображения. Он не в состоянии остановить постоянного внимания на какой-нибудь вещи. Речь его отрывиста, и слова вылетают из уст его совершенно

¹ резонёр – человек, который любит рассуждать длинно и нравоучительно.

неожиданно. Чем более исполняющий эту роль покажет чистосердечия и простоты, тем более он выиграет. Одет по моде.

Осип, слуга, таков, как обыкновенно бывают слуги несколько пожилых лет. Говорит сурьёзно, смотрит несколько вниз, резонёр и любит себе самому читать нравоучения для своего барина. Голос его всегда почти ровен, в разговоре с баринком принимает суровое, отрывистое и несколько даже грубое выражение. Он умнее своего барина, и потому скорее догадывается, но не любит много говорить и молча плут. Костюм его – серый или поношенный сюртук.

Бобчинский и **Добчинский**, оба низенькие, коротенькие, очень любопытные; чрезвычайно похожи друг на друга; оба с небольшими брюшками; оба говорят скороговоркою и чрезвычайно много помогают жестами и руками. Добчинский немножко выше и сурьёзнее Бобчинского, но Бобчинский развязнее и живее Добчинского.

Ляпкин-Тяпкин, судья, человек, прочитавший пять или шесть книг, и потому несколько вольнодумен. Охотник большой на догадки, и потому каждому слову своему даёт вес. Представляющий его должен всегда сохранять в лице своём значительную мину. Говорит басом, с продолговатой растяжкой, хрипом и сапом – как старинные часы, которые прежде шипят, а потом уже бьют.

Земляника, попечитель богоугодных заведений, очень толстый, неповоротливый и неуклюжий человек, но при всём том проныра и плут. Очень услужлив и суетлив.

Почтмейстер, простодушный до наивности человек.

Прочие роли не требуют особых изъяснений. Оригиналы их всегда почти находятся перед глазами.

Господа актёры особенно должны обратить внимание на последнюю сцену. Последнее произнесённое слово должно произвести электрическое потрясение на всех разом, вдруг. Вся группа должна переменить положение в один миг. Звук изумления должен вырваться у всех женщин разом, как будто из одной груди. От несоблюдения сих замечаний может исчезнуть весь эффект.

Действие первое

Комната в доме городничего.

Явление I

Городничий, попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ, судья, частный пристав, лекарь, два квартальных.

Городничий. Я пригласил всех господ, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие к нам едет ревизор.

Аммос Фёдорович. Как ревизор?

Артёмий Филиппович. Как ревизор?

Городничий. Ревизор из Петербурга, инкогнито¹. И ещё с секретным предписанием.

¹ Инкогнито – под вымышленным именем, не открывая своего подлинного имени.

Аммос Фёдорович. Вот те на!

Артёмий Филиппович. Вот не было заботы, так подай!

Лука Лукич. Господи боже! Ещё и с секретным предписанием!

Городничий. Я как будто предчувствовал: сегодня мне всю ночь снились какие-то две необыкновенные крысы. Право, этаких я никогда не видывал: чёрные, неестественной величины! пришли, понюхали – и пошли прочь. Вот я вам прочту письмо, которое получил я от Андрея Ивановича Чмыхова, которого вы, Артёмий Филиппович, знаете. Вот что он пишет: «Любезный друг, кум и благодетель (бормочет вполголоса, пробегая скоро глазами)... и уведомить тебя». А! Вот: «Спешу, между прочим, уведомить тебя, что приехал чиновник с предписанием осмотреть всю губернию и особенно наш уезд (значительно поднимает палец вверх). Я узнал это от самых достоверных людей, хотя он представляет себя частным лицом. Так как я знаю, что за тобою, как за всяким, водятся грешки, потому что ты человек умный и не любишь пропускать того, что плывёт в руки...» (остановясь) ну, здесь свои... «то советую тебе взять предосторожность, ибо он может приехать во всякий час, если только уже не приехал и не живёт где-нибудь инкогнито... Вчерашнего дня я...» Ну, тут уж пошли дела семейные: «...сестра Анна Кирилловна приехала к нам со своим мужем; Иван Кириллович очень потолстел и всё играет на скрипке...» – и прочее, и прочее. Так вот какое обстоятельство!

Аммос Фёдорович. Да, обстоятельство такое... необыкновенно, просто необыкновенно. Что-нибудь недаром.

Лука Лукич. Зачем же, Антон Антонович, отчего это? Зачем к нам ревизор?

Городничий. Зачем! Так уж, видно, судьба! (Вздыхнув) До сих пор, благодарение богу, подбирались к другим городам; теперь пришла очередь к нашему.

Аммос Фёдорович. Я думаю, Антон Антонович, что здесь тонкая и больше политическая причина. Это значит вот что: Россия... да... хочет вести войну, и министерия-то, вот видите, и послала чиновника, чтобы узнать, нет ли где измены.

Городничий. Эх куда хватило! Ещё умный человек! В уездном городе измена! Что он, прекрасный, что ли? Да отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь.

Аммос Фёдорович. Нет, я вам скажу, вы не того... вы не... Начальство имеет тонкие виды: даром что далеко, а оно себе мотает на ус.

Городничий. Мотает или не мотает, а я вас, господа, предупредил. Смотрите по своей части я кое-какие распоряженья сделал, советую и вам. Особенно вам, Артёмий Филиппович! Без сомнения, проезжающий

чиновник захочет прежде всего осмотреть подведомственные вам богоугодные заведения – и потому вы сделайте так, чтобы всё было прилично: колпаки были бы чистые, и больные не походили бы на кузнецов, как обыкновенно они ходят по-домашнему.

Артёмий Филиппович. Ну, это ещё ничего. Колпаки, пожалуй, можно надеть и чистые.

Городничий. Да, и тоже над каждой кроватью надписать по-латыни или на другом языке... Это уже по вашей части, Христиан Иванович, – всякую болезнь: когда кто заболел, которого дня и числа... Нехорошо, что у вас больные такой крепкий табак курят, что всегда расчихаешься, когда войдёшь. Да и лучше, если б их было меньше: тотчас отнесут к дурному смотрению или неискусству врача.

Артёмий Филиппович. О! насчёт врачеванья мы с Христианом Ивановичем взяли свои меры: чем ближе к натуре, тем лучше, – лекарств дорогих мы не употребляем. Человек простой: если умрёт, то и так умрёт; если выздоровеет, то и так выздоровеет. Да и Христиану Ивановичу затруднительно было б с ними изъясняться: он по-русски ни слова не знает.

Христиан Иванович издаёт звук, отчасти похожий на букву и несколько на е.

Городничий. Вам тоже посоветовал бы, Аммос Фёдорович, обратить внимание на присутственные места. У вас там в передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашних гусей с маленькими гусёнками, которые так и шныряют под ногами. Оно конечно, домашним хозяйством заводить всякому похвально, и почему ж сторожу и не завести его? Только, знаете, в таком месте неприлично... Я и прежде хотел вам это заметить, но всё как-то позабывал.

Аммос Фёдорович. А вот я их сегодня же велю всех забрать на кухню. Хотите, приходите обедать.

Городничий. Кроме того, дурно, что у вас высунутся в самом присутствии всякая дрянь и над самым шкапом с бумагами охотничий арапник¹. Я знаю, вы любите охоту, но всё-таки лучше его принять, а там, как проедет ревизор, пожалуй, охотку можете повесить. Также заседатель ваш... он, конечно, человек сводущий, но от него такой запах, как будто бы он сейчас вышел из вонючего завода, – это тоже нехорошо. Я хотел давно об этом сказать вам, но был, не помню, чем-то развлечён. Есть против этого средства, если уже это действительно, как он говорит у него природный запах: можно посоветовать ему есть лук, или чеснок, или что-нибудь другое. В этом случае может помочь разными медикаментами Христиан Иванович.

¹ Арапник – длинная охотничья плеть с короткой рукояткой.

Христиан Иванович издаёт тот же звук.

Аммос Фёдорович. Нет, этого уже невозможно выгнать: он говорит, что в детстве мамка его ушибла, и с тех пор от него отдаёт немного водкою.

Городничий. Да я только так заметил вам. Насчёт же внутреннего распоряжения и того, что называет в письме Андрей Иванович грешками, я ничего не могу сказать. Да и странно говорить: нет человека, который бы за собою не имел каких-нибудь грехов. Это уже так самим богом устроено, и вольтерьянцы¹ напрасно против этого говорят.

Аммос Фёдорович. Что ж вы полагаете, Антон Антонович, грешками? Грешки грешкам – рознь. Я говорю всем открыто, что беру взятки, но чем взятки? Борзыми щенками. Это совсем иное дело.

Городничий. Ну, щенками, или чем другим – всё взятки.

Аммос Фёдорович. Ну нет, Антон Антонович. А вот, например, если у кого-нибудь шуба стоит пятьсот рублей, да супруге шаль...

Городничий. Ну, а что из того, что вы берёте взятки борзыми щенками? Зато вы в бога не веруете; вы в церковь никогда не ходите; а я, по крайней мере, в вере твёрд и каждое воскресенье бываю в церкви. А вы... О, я знаю вас: вы если начнёте говорить о сотворении мира, просто волосы дыбом поднимаются.

Аммос Фёдорович. Да ведь сам собою дошёл, собственным умом.

Городничий. Ну, в ином случае много ума хуже, чем бы его совсем не было. Впрочем, я так только упомянул об уездном суде; а по правде сказать, вряд ли кто когда-нибудь заглянет туда; это уж такое завидное место, сам бог ему покровительствует. А вот вам, Лука Лукич, как смотрителю учебных заведений, нужно позаботиться особенно насчёт учителей. Они люди, конечно, учёные и воспитывались в разных коллегиях, но имеют очень странные поступки, натурально неразлучны с учёным званием. Один из них, например, вот этот, что имеет толстое лицо... Не вспомню его фамилию, никак не может обойтись без того, чтобы взошедши на кафедру, не сделать гримасу, вот этак (делает гримасу), и потом начнёт рукою из-под галстука утюжить свою бороду. Конечно, если ученику сделает такую ролю, то оно ещё ничего: может быть, оно там и нужно так, об этом я не могу судить; но вы посудите сами, если он сделает это посетителю – это может быть очень худо: господин ревизор или другой кто может принять это на свой счёт. Из этого чёрт знает что может произойти.

Лука Лукич. Что ж мне с ним делать? Я уж несколько раз ему говорил. Вот ещё на днях, когда зашёл было в класс наш предводитель, он скроил такую ролю, какой я никогда ещё не видывал. Он-то её сделал от доброго сердца, а мне выговор: зачем вольнодумные мысли внушаются

¹ вольтерьянцы – последователь учения французского философа Вольтера; вольнодумец.

юношеству.

Городничий. То же я должен вам заметить и об учителе по исторической части. Он учёная голова – это видно, и сведений нахватал тьму, но только объясняет с таким жаром, что не помнит себя. Я раз слушал его: ну покамест говорил об ассириянах и вавилонянах – ещё ничего, а как добрался до Александра Македонского, то я не могу вам сказать, что с ним сделалось. Я думал, что пожар, ей-богу! Сбежал с кафедры и что есть силы хватать стулом об пол. Оно, конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать? От этого убыток казне.

Лука Лукич. Да, он горяч! Я ему это несколько раз уже замечал... Говорит: «Как хотите, для науки я жизни не пощажу».

Городничий. Да, таков уже неизъяснимый закон судьбы: умный человек или пьяница, или рожу такую состроит, что хоть святых выноси.

Лука Лукич. Не приведи господь служить по учёной части! Всего боишься: всякий мешается, всякому хочется показать, что он тоже умный человек.

Городничий. Это бы ещё ничего, – инкогнито проклятое! Вдруг заглянет: «А, вы здесь, голубчики! А кто, скажет, здесь судья?» – «Ляпкин-Тяпкин». – «А подать сюда Ляпкина-Тяпкина! А кто попечитель богоугодных заведений?» – «Земляника». «А подать сюда Землянику!» Вот что худо!

Явление II

Те же и почтмейстер.

Почтмейстер. Объясните, господа, какой чиновник едет?

Городничий. А вы разве не слышали?

Почтмейстер. Слышал от Петра Ивановича Бобчинского. Он только что был у меня в почтовой конторе.

Городничий. Ну что? Как вы думаете об этом?

Почтмейстер. А что думаю? Война с турками будет.

Аммос Фёдорович. В одно слово! Я сам то же думал.

Городничий. Да, оба пальцем в небо попали!

Почтмейстер. Право, война с турками! Это всё француз гадит.

Городничий. Какая война с турками! Просто нам плохо будет, а не туркам. Это уже известно: у меня письмо.

Почтмейстер. А если так, то не будет войны с турками.

Городничий. Ну что же вы, как вы, Иван Кузьмич?

Почтмейстер. Да что я? Как вы, Антон Антонович?

Городничий. Да что я? Страху-то нет, а так, немножко... Купечество да гражданство меня смущает. Говорят, что я им солоно пришёлся, а я,

вот ей-богу, если и взял с иного, то, право, без всякой ненависти. Я даже думаю (берёт его под руку и отводит в сторону), я даже думаю, не было ли на меня какого-нибудь доноса. Зачем же в самом деле к нам ревизор? Послушайте, Иван Кузьмич, нельзя ли вам, для общей нашей пользы, всякое письмо, которое прибывает к вам в почтовую контору, входящее и исходящее, знаете, этак немножко распечатать и прочитать: не содержится ли в нём какого-нибудь донесения или просто переписки. Если же нет, то можно опять запечатать; впрочем, можно даже и так отдать письмо, распечатанное.

Почтмейстер. Знаю, знаю... Этому не учите, это я делаю не то чтоб из предосторожности, а больше из любопытства: смерть люблю узнать, что есть нового на свете. Я вам скажу, что это преинтересное чтение. Иное письмо с наслаждением прочтёшь — так описываются разные пассажи... а назидательность какая... лучше, чем в «Московских ведомостях»!

Городничий. Ну что ж, скажите, ничего не начитывали о каком-нибудь чиновнике из Петербурга?

Почтмейстер. Нет, о петербургском ничего нет, а о костромских и саратовских много говорится. Жаль, однако ж, что вы не читаете писем: есть прекрасные места. Вот недавно один поручик пишет к приятелю и описал бал в самом игривом... очень, очень хорошо: «Жизнь моя, милый друг, течёт, говорит в эмпириях: барышень много, музыка играет, штандарт скачет...» — с большим, с большим чувством описал. Я нарочно оставил его у себя. Хотите, прочту?

Городничий. Ну, теперь не до того. Так сделайте милость, Иван Кузьмич: если на случай попадётся жалоба или донесение, то без всяких рассуждений задерживайте.

Почтмейстер. С большим удовольствием.
Аммос Фёдорович. Смотрите, достанется вам когда-нибудь за это.

Почтмейстер. Ах, батюшки!

Городничий. Ничего, ничего. Другое дело, если бы вы из этого публичное что-нибудь сделали, но ведь это дело семейственное.

Аммос Фёдорович. Да, хорошее дело заварилось! А я, признаюсь, шёл было к вам Антон Антонович, с тем чтобы попотчевать вас собачонкою. Родная сестра тому кобелю, которого вы знаете. Ведь вы слышали, что Петрович с Варховинским затеяли тяжбу, и теперь мне роскошно травлю зайцев на землях и у того и другого.

Городничий. Батюшки, не милы мне теперь ваши зайцы: у меня инкогнито проклятое сидит в голове. Так и ждёшь, что вот отворится дверь и – шашть...

Явление III

Те же, Бобчинский и Добчинский, оба входят, запыхавшись.

Бобчинский. Чрезвычайное происшествие!

Добчинский. Неожиданное известие!

Все. Что, что такое?

Добчинский. Непредвиденное дело: приходим в гостиницу...

Бобчинский (перебивая). Приходим с Петром Ивановичем в гостиницу...

Бобчинский (отводя его руки). За бочонком для французской водки. Вот мы пошли с Петром-то Ивановичем к Почечуеву... Уж вы, Пётр Иванович... этого... не перебивайте, пожалуйста, не перебивайте!.. Пошли к Почечуеву, да на дороге Пётр Иванович говорит: «Зайдём, говорит, в трактир. В желудке-то у меня... с утра я ничего не ел, так желудочное трясение...» – да-с, в желудке-то у Петра Ивановича... «А в трактир, говорит, привезли теперь свежей семги, так мы закусим». Только что мы в гостиницу, как вдруг молодой человек...

Добчинский (перебивая). Недурной наружности, в партикулярном платье...

Бобчинский. Недурной наружности, в партикулярном платье, ходит этак по комнате, и в лице этакое рассуждение... физиономия... поступки, и здесь (вертит рукою около лба) много, много всего. Я бы то предчувствовал и говорю Петру Ивановичу: «Здесь что-нибудь неспроста-с». Да. А Пётр-то Иванович уж мигнул пальцем и подозвали трактирщика-с, трактирщика Власа: у него жена три недели назад тому родила, и такой пребойкий мальчик, беде так же, как и отец, содержать трактир. Подозвавши Власа, Пётр Иванович и спроси его потихоньку: «Кто, говорит, этот молодой человек?» – А Влас и отвечает на это: «Это», – говорит. «Э не перебивайте, Пётр Иванович, пожалуйста, не перебивайте: вы не расскажете, ей-богу не расскажете: вы пришепetyваете; у вас, я знаю, один зуб во рту со свистом... «Это, говорит, молодой человек, чиновник, – да-с, – едущий из Петербурга, а по фамилии, говорит, Иван Александрович Хлестаков-с, а едет, говорит, в Саратовскую губернию и, говорит, престранно себя аттестует: другую уж неделю живет, из трактира не едет, забирает всё на счёт и ни копейки

не хочет платить». Как сказал он мне это, а меня так вот свыше и вразумило. «Э!» – говорю я Петру Ивановичу...

Добчинский. Нет, Пётр Иванович, это я сказал: «Э!»

Бобчинский. Сначала вы сказали, а потом и я сказал. «Э! – сказали мы с Петром Ивановичем. – А с какой стати сидеть ему здесь, когда дорога ему лежит в Саратовскую губернию?» Да-с. А вот он-то и есть этот чиновник.

Городничий. Кто, какой чиновник?

Бобчинский. Чиновник-та, о котором изволили получили нотицию¹, – ревизор.

Городничий (в страхе). Что вы, господь с вами! Это не он.

Добчинский. Он! И денег не платит и не едет. Кому же быть, как не ему? И подорожная прописана в Саратов.

Бобчинский. Он, он, ей-богу он... Такой наблюдательный: всё обсмотрел. Увидел, что мы с Петром-то Ивановичем ели семгу, – больше потому, что Пётр Иванович насчёт своего желудка... да, так он и в тарелки к нам заглянул. Меня так и проняло страхом.

Городничий. Господи, помилуй нас, грешных! Где же он там живёт?

Добчинский. В пятом номере, под лестницей.

Бобчинский. В том самом номере, где прошлого года подрались приезжие офицеры.

Городничий. И давно он здесь?

Добчинский. А недели две уж. Приехал на Василья Египтянина.

Городничий. Две недели! (В сторону) Батюшки, сватушки! Выносите, святые угодники! В эти две недели высечена унтер-офицерская жена! Арестантам не выдавали провизии! На улицах кабак, нечистота! Печор! Поношение! (Хватается за голову.)

Городничий отправляется в гостиницу с Добчинским, раздаёт на ходу указания о наведении порядка. Его жена и дочь сгорают от любопытства узнать, что собой представляет приезжий.

Действие второе

В гостинице Осип жалуется, что батюшка проиграл последние деньги, в связи с чем они не могут ни заплатить за гостиницу, ни отправиться дальше в дорогу, ни даже заплатить за еду. Появившийся Хлестаков требует еды и получает её, по словам трактирного слуги, в последний раз.

Явление VII

Хлестаков, потом Осип.

Хлестаков. Право, как будто и не ел; только что разохотился. Если

¹ нотиция – официальное сообщение.

бы мелочь, послать бы на рынок и купить хоть бы сайку.

Осип (входит). Там зачем-то городничий приехал, осведомляется и спрашивает о вас.

Хлестаков (испугавшись). Вот тебе на! Экая бестия трактирщик, успел уже пожаловаться! Что, если он в самом деле потащит меня в тюрьму? Что ж если благородным образом, я, пожалуй... нет, нет, не хочу! Там в городе таскаются офицеры и народ, а я, как нарочно, задал тону и перемигнулся с одной купеческой дочкой... Нет, не хочу... Да что он, как он смеет в самом деле? Что я ему, разве купец или ремесленник? (Бодрится и выпрямливается) Да я ему прямо скажу: «Как вы смеее, как вы...» (У дверей вертится ручка; Хлестаков бледнеет и съёживается.)

Явление VIII

Хлестаков, городничий и Добчинский. Городничий, вошед, останавливается. Оба в испуге смотрят несколько минут один на другого, выпучив глаза.

Городничий (немного оправившись и протянув руки по швам). Желаю здравствовать!

Хлестаков (кланяется). Моё почтение...

Городничий. Извините.

Хлестаков. Ничего...

Городничий. Обязанность моя, как градоначальника здешнего города, заботиться о том, чтобы проезжающим и всем благородным людям никаких притеснений...

Хлестаков (сначала немного заикается, но к концу речи говорит громко). Да что ж делать? Я не виноват... Я, право, заплачу... Мне пришлют из деревни.

Бобчинский выглядывает из дверей.

Он больше виноват: говядину мне подаёт такую твёрдую, как борейно; а суп – он чёрт знает чего плеснул туда, я должен был выбросить его за окно. Он меня морит голодом по целым дням... Чай такой странный: воняет рыбой, а не чаем. За что ж я... Вот новость!

Городничий (робея). Извините, я, право, не виноват. На рынке у меня говядина всегда хорошая. Привозят холмогорские купцы, люди трезвые и поведения хорошего. Я уж не знаю, откуда он берёт такую. А если что не так, то... Позвольте мне предложить вам переехать со мною на другую квартиру.

Хлестаков. Нет, не хочу! Я знаю, что значит на другую квартиру: то есть в тюрьму. Да какое вы имеете право? Да как вы смеее?... Да вот я... Я служу в Петербурге. (Бодрится) Я, я, я...

Городничий (в сторону). О господи ты боже, какой сердитый! Всё

узнал, всё рассказали проклятые купцы!

Хлестаков (храбрясь). Да вот вы хоть тут со всей своей командой – не пойдю! Я прямо к министру! (Стучит кулаком по столу.) Что вы? Что вы?

Городничий (вытянувшись и дрожа всем телом). Помилуйте, не погубите! Жена, дети маленькие... не сделайте несчастным человека.

Хлестаков. Нет, я не хочу! Вот ещё? Мне какое дело? Оттого, что у вас жена и дети, я должен идти в тюрьму, вот прекрасно!

Бобчинский выглядывает в дверь и в испуге прячется.

Нет, благодарю покорно, не хочу.

Городничий (дрожа). По неопытности, ей-богу, по неопытности. Недостаточность состояния... Сами извольте посудить: казённого жалования не хватает даже на чай и сахар. Если ж и были какие взятки, то самая малость: к столу что-нибудь да на пару платьев. Что же до унтер-офицерской вдовы, занимающейся купечеством, которую я будто бы высек, то это клевета, ей-богу клевета. Это выдумали злодеи мои; это такой народ, что на жизнь мою готовы покуситься.

Хлестаков. Да что? Мне нет никакого дела до них. (В размышлении) Я не знаю, однако ж, зачем вы говорите о злодеях или о какой-то унтер-офицерской вдове... Унтер-офицерская жена совсем другое, а меня вы не смеете высечь, до этого вам далеко... Вот ещё! Смотри ты какой!.. Я заплачу, заплачу деньги, но у меня теперь нет. Я потому и сижу здесь, что у меня нет ни копейки.

Городничий (в сторону). О, тонкая штука! Эх куда метнул! Какого туману напустил! Разбери, кто хочет! Не знаешь, с какой стороны и приняться. Ну да уж попробовать не куды пошло! Что будет, то будет, попробовать на авось. (Вслух) Если вы точно имеет нужду в деньгах или в чём другом, то я готов служить свою минуту. Моя обязанность помогать проезжающим.

Хлестаков. Дайте, дайте мне взаймы! Я сейчас же расплачусь с трактирщиком. Мне бы только рублей двести или хоть даже и меньше.

Городничий (поднося бумажки). Говно двести рублей, хоть и не трудись считать.

Хлестаков (принимая деньги). Покорнейше благодарю. Я вам только пришло их из деревни... у меня это вдруг... Я вижу, вы благородный человек. Теперь другое дело.

Городничий (в сторону). Ну, слава богу! Деньги взял. Дело, кажется, пойдет теперь на лад. Я таки ему вместо двухсот четыреста ввернул.

Хлестаков. Эй, Осип!

Осип входит.

Позови сюда трактирного слугу! (К городничему и Добчинскому) А что же вы стоите? Сделайте милость, садитесь. (Добчинскому) Садитесь, прошу покорнейше.

Городничий. Ничего, мы и так постоим.

Хлестаков. Сделайте милость, садитесь. Я теперь вижу совершенно откровенность вашего нрава и радушие, а то, признаюсь, я уж думал, что вы пришли с тем, чтобы меня... (Добчинскому) Садитесь.

Городничий и Добчинский садятся. Бобчинский выглядывает в дверь и прислушивается.

Городничий (в сторону). Нужно быть посмелее. Он хочет, чтобы считали его инкогнитом. Хорошо, подпустим и мы турусы¹; прикинемся, как будто совсем и не знаем, что он за человек. (Вслух) Мы, прохаживаясь по делам должности, вот с Петром Ивановичем Добчинским, здешним помещиком, зашли нарочно в гостиницу, чтобы осведомиться, хорошо ли содержатся проезжающие, потому что я не так, как иной городничий, которому ни до чего дела нет; но я, кроме должности, ещё и по христианскому человеколюбию хочу, чтобы всякому смертному оказывался хороший приём, – и вот, как будто в награду, случай доставил такое приятное знакомство.

Хлестаков. Я тоже сам очень рад. Без вас я, признаюсь, долго бы просидел здесь: совсем не знал, чем заплатить.

Городничий (в сторону). Да, рассказывай, не знал, чем заплатить? (Вслух) Осмелюсь ли спросить: куда и в какие места ехать изволите?

Хлестаков. Я еду в Саратовскую губернию, в собственную деревню.

Городничий (в сторону, с лицом, принимающим ироническое выражение). В Саратовскую губернию! А? И не покраснеет! О, да у нас нужно ухо остро. (Вслух) Благое дело изволили предпринять. Ведь вот относительно дороги: говорят, с одной стороны, неприятности насчёт задержки лошадей, а ведь, с другой стороны, развлечение для ума. Ведь вы, чай, больше для собственного удовольствия едете?

Хлестаков. Нет, батюшка меня требует. Рассердился старик, что до сих пор ничего не выужил в Петербурге. Он думает, что так вот приехал да сейчас тебе Владимира петлицу и дадут. Нет, я бы послал его самого потолкаться в канцелярию.

Городничий (в сторону). Прошу посмотреть, какие пули отливает! И старика от нас приплёл! (Вслух) И на долгое время изволите ехать?

Хлестаков. Право, не знаю. Ведь мой отец упрям и глуп, старый турусы... пустые разговоры, болтовня.

хрен, как бревно. Я ему прямо скажу: как хотите, я не могу жить без Петербурга. За что ж, в самом деле, я должен погубить жизнь с мужиками? Теперь не те потребности, душа моя жаждет просвещения.

Городничий (в сторону). Славно завязал узелок! Врёт, врёт – и нигде не оборвётся! А ведь какой невзрачный, низенький, кажется, ногтем бы придавил его. Ну, да, постой, ты у меня проговоришься. Я тебя уж заставлю побольше рассказать! (Вслух) Справедливо изволили заметить. Что можно сделать в глуши? Ведь вот хоть бы здесь: ночь не спишь, стараешься для отечества, не жалеешь ничего, а награда неизвестно ещё когда будет. (Окидывает глазами комнату.) Кажется, эта комната несколько сыра?

Хлестаков. Скверная комната, и клопы такие, каких я нигде не видывал: как собаки кусают.

Городничий. Скажите! Такой просвещённый гость, и терпит – от кого же? – от каких-нибудь негодных клопов, которым бы и на свет не следовало родиться. Никак, даже темно в этой комнате?

Хлестаков. Да, совсем темно. Хозяин завёл обыкновение не отпускать свечей. Иногда что-нибудь хочется сделать, почитать или придёт фантазия сочинить что-нибудь, – не могу: темно, темно.

Городничий. Осмелюсь ли просить вас... но нет, я недостойн.

Хлестаков. А что?

Городничий. Нет, нет, недостойн, недостойн!

Хлестаков. Да что ж такое?

Городничий. Я бы дерзнул... У меня в доме есть прекрасная для вас комната, светлая, покойная... Но нет, чувствую сам, это уж слишком большая честь... Не рассердитесь – ей-богу, от простоты души предлагаю.

Хлестаков. Напротив, извольте, я с удовольствием. Мне гораздо приятнее в приватном доме, чем в этом кабаке.

Городничий. А уж я так буду рад! А уж как жена обрадуется. У меня уже такой нрав: гостеприимство с самого детства, особенно если гость просвещённый человек. Не подумайте, чтобы я говорил это из лести; нет, не имею этого порока, от полноты души выражаюсь.

Хлестаков. Покорно благодарю. Я сам тоже – я не люблю людей двуличных. Мне очень нравятся ваша откровенность и радушие, и я бы, признаюсь, больше бы ничего и не требовал, как только оказывай мне преданность и уважение, уважение и преданность.

Городничий приглашает Хлестакова ознакомиться с тем, какой «порядок в городе».

Действие третье

Хлестаков приезжает в дом городничего.

Явление V

Квартальные отворяют обе половинки дверей. Входит Хлестаков: за ним городничий, далее попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ, Добчинский и Бобчинский с пластырем на носу. Городничий указывает квартальным на полу бумажку – они бегут и снимают её, толкая друг друга впопыхах.

Хлестаков. Хорошие заведения. Мне нравится, что у вас показывают проезжающим всё в городе. В других городах мне ничего не показывали.

Городничий. В других городах, осмелюсь вам доложить, градоправители и чиновники больше заботятся о своей, то есть, пользе. А здесь, можно сказать, нет другого помышления, кроме того, чтобы благочинием и бдительностью заслужить внимание начальства.

Хлестаков. Завтрак был очень хорош; я совсем объелся. Что, у вас каждый день бывает такой?

Городничий. Нарочно для приятного гостя.

Хлестаков. Я люблю поест. Ведь на то живёшь, чтобы срывать цветы удовольствия. Как называлась эта рыба?

Артёмий Филиппович (подбегая). Лабардан-с.

Хлестаков. Очень вкусная. Где это мы завтракали? В больнице, что ли?

Артёмий Филиппович. Так точно-с, в богоугодном заведении.

Хлестаков. Помню, помню, там стояли кровати. А больные выздоровели? Там их, кажется, немного.

Артёмий Филиппович. Человек десять осталось, не больше; а прочие все выздоровели. Это уж так устроено, такой порядок. С тех пор, как я принял начальство, – может быть, вам покажется даже невероятным, – все как мухи выздоравливают. Больной не успеет войти в лазарет¹, как уже здоров; и не столько медикаментами, сколько честностью и порядком.

Городничий. Уж на что, осмелюсь доложить вам, городничья обязанность градоначальника! Столько лежит всяких дел, относительно одной чистоты, починки, поправки... словом, наиумнейший человек пришёл бы в затруднение, но, благодарение богу, всё идёт благополучно. Иной городничий, конечно, радел бы о своих выгодах; но, верите ли, что, даже когда ложишься спать, всё думаешь: «Господи боже ты мой, как бы так устроить, чтобы начальство увидело мою ревность и было довольным?...» Наградит ли он и за это – конечно, в его воле; по крайней мере, я буду спокоен в сердце. Когда в городе во всём порядок, улицы выметены, арестанты хорошо содержатся, пьяниц мало... то чего ж мне больше? Ей-ей, и почетей никаких не хочу. Оно, конечно, заманчиво, но пред добродетелью всё прах и суета.

¹ Лазарет – большая больница при воинской части.

Артёмий Филиппович (в сторону). Эка, бездельник, как расписывает! Дал же бог такой дар!

Хлестаков. Это правда. Я, признаюсь, сам люблю иногда заумствоваться: иной раз прозой, а в другой раз и стихишки выкинутся.

Бобчинский (Добчинскому). Справедливо, всё справедливо, Пётр Иванович! Замечания такие... видно, что наукам учился.

Хлестаков. Скажите, пожалуйста, нет ли у вас каких-нибудь развлечений, обществ, где бы можно было, например, поиграть в карты?

Городничий (в сторону). Эге, знаем, голубчик, в чей огород камешки бросают! (Вслух) Боже сохрани! Здесь и слуху нет о таких обществах. Я карт и в руки никогда не брал; даже не знаю, как играть в эти карты. Смотреть никогда не мог на них равнодушно; и если случится увидеть этак какого-нибудь бубнового короля или что-нибудь другое, то такое омерзение нападёт, что просто плюнешь.

Раз как-то случилось, забавляя детей, выстроил будку из карт, да после того всю ночь снились, проклятые. Бог с ними! Как можно, чтобы такое драгоценное время убивать на них?

Лука Лукич (в сторону). А у меня, подлец, выпонтировал вчера сто рублей.

Городничий. Лучше ж я употребляю это время на пользу государственную.

Хлестаков. Ну, нет, вы напрасно, однако же... Всё зависит от той стороны, с которой кто смотрит на вещь. Если, например, забастуешь тогда, как нужно гнуть от трёх углов... ну, тогда конечно... Нет, не говорите, иногда очень заманчиво поиграть.

Явление VI

Те же, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Городничий. Осмелюсь представить семейство мое: жена и дочь.

Хлестаков (раскланиваясь). Как я счастлив, сударыня, что имею в своём роде удовольствие вас видеть.

Анна Андреевна. Нам ещё более приятно видеть такую особу.

Хлестаков (рисуюсь). Помилуйте, сударыня, совершенно напротив: мне ещё приятнее.

Анна Андреевна. Как можно-с! Вы это так изволите говорить, для комплимента. Прошу покорно садиться.

Хлестаков. Возле вас стоять уже есть счастье; впрочем, если вы так уже непременно хотите, я сяду. Как я счастлив, что наконец сижу возле вас.

Анна Андреевна. Помилуйте, я никак не смею принять на свой счёт...

Я думаю, после столицы вояжировка вам показалась очень неприятною.

Хлестаков. Чрезвычайно неприятна. Привыкли жить, *comprenez vous*¹, в свете, и вдруг очутиться в дороге: грязные трактиры, мрак невежества... Если б, признаюсь, не такой случай, который меня... (посматривает на Анну Андреевну и рисуется перед ней) так вознаградил за всё...

Анна Андреевна. В самом деле, как вам должно быть неприятно.

Хлестаков. Впрочем, сударыня, в эту минуту мне очень приятно.

Анна Андреевна. Как можно-с! Вы делаете много чести. Я этого не заслуживаю.

Хлестаков. Отчего же не заслуживаете?

Анна Андреевна. Я живу в деревне...

Хлестаков. Да деревня, впрочем, тоже имеет свои пригорки, ручейки... Ну, конечно, кто же сравнит с Петербургом! Эх, Петербург! Что за жизнь, право! Вы, может быть, думаете, что я только переписываю; нет, начальник отделения со мной на дружеской ноге. Этак ударит по плечу: «Приходи, братец, обедать!» Я только на две минуты захожу в департамент, с тем только, чтобы сказать: «Это вот так, это вот так!» А там уж чиновник для письма, такая крыса, пером только – тр, тр... пошёл писать. Хотели было даже меня коллежским ассессором сделать, да, думаю, зачем. И сторож летит ещё на лестнице за мною, чтобы сказать: «Позвольте, Иван Александрович, я вам, говорит, самими полищу». (Городничему) Что вы, господа, стоите? Пожалуйста, садитесь!

Все вместе.

Городничий. Чин такой, что ещё можно постоять.

Артёмий Филиппович. Мы постоим.

Лука Лукич. Не извольте беспокоиться.

Хлестаков. Без чинов, прошу садиться.

Городничий и все садятся.

Хлестаков. Я не люблю церемонии. Напротив, я даже всегда стараюсь проскользнуть незаметно. Но никак нельзя скрыться, никак нельзя! Только выйду куда-нибудь, уж и говорят: «Вон, говорят, Иван Александрович идёт!» А один раз меня даже приняли за глав-

¹ *comprenez vous* – франц.: вы понимаете.

нокомандующего: солдаты выскочили из гауптвахты и сделали ружьём. После уже офицер, который мне очень знаком, говорит мне: «Ну, братец, мы тебя совершенно приняли за главнокомандующего».

Анна Андреевна. Скажите как!

Хлестаков. С хорошенькими актрисами знаком. Я ведь тоже разные водевильчики... Литераторов часто вижу. С Пушкиным на дружеской ноге. Бывало, часто говорю ему: «Ну что, брат Пушкин?» – «Да так, брат, – отвечает, бывало, – так как-то всё...» Большой оригинал.

Анна Андреевна. Так вы и пишете? Как это должно быть приятно сочинителю! Вы, верно, и в журналы помещаете?

Хлестаков. Да, и в журналы помещаю. Моих, впрочем, много есть сочинений: «Женитьба Фигаро», «Роберт-Дьявол», «Норма». Уж и названий даже не помню. И всё случаем: я не хотел писать, но театральная дирекция говорит: «Пожалуйста, братец, напиши что-нибудь». Думаю себе: «Пожалуй, изволь братец!» И тут же в один вечер, кажется, всё написал, всех изумил. У меня легкость необыкновенная в мыслях. Всё это, что было под именем барона Брамбеуса, «Фрегат Надежды» и «Московский телеграф»... всё это я написал.

Анна Андреевна. Скажите, так это вы были Брамбеус?

Хлестаков. Как же, я им всем поправляю статьи. Мне Смирдин даёт за это сорок тысяч.

Анна Андреевна. Так, верно, и «Юрий Милославский»¹ – ваше сочинение?

Хлестаков. Да, это моё сочинение.

Марья Антоновна. Ах, маменька, там написано, что это господина Загоскина сочинение.

Анна Андреевна. Ну вот: я и знала, что даже здесь будешь скучать.

Хлестаков. Ах да, это правда, это точно Загоскина; а вот есть другой «Юрий Милославский», так тот уж мой.

Анна Андреевна. Ну, это, верно, я ваш читала. Как хорошо написано!

Хлестаков. Я, признаюсь, литературой существую. У меня дом первый в Петербурге. Так уж и известен: дом Ивана Александровича. (Обращаясь ко всем) Сделайте милость, господа, если будете в Петербурге, прошу, прошу ко мне. Я ведь тоже балы даю.

Анна Андреевна. Я думаю, с каким там вкусом и великолепием дают балы!

Хлестаков. Просто не говорите. На столе, например, арбуз – в семьсот рублей арбуз. Суп в кастрюльке прямо на пароходе приехал из Парижа; открою крышку – пар, которому подобного нельзя отыскать в

¹«Юрий Милославский» – первый в России исторический роман, опубликованный в 1829 году под названием имени автора – М.Н.Загоскина.

природе. Я всякий день на балах. Там у нас и вист свой составился: министр иностранных дел, французский посланник, английский, немецкий посланник и я. И уж так уморишься, играя, что просто ни на что не похоже. Как взбежишь по лестнице к себе на четвертый этаж – скажешь только кухарке: «На, Маврушка, шинель...» Что ж я вру – я и позабыл, что живу в бельэтаже. У меня одна лестница стоит... А любопытно взглянуть ко мне в переднюю, когда я ещё не проснулся: графы и князья толкуются и жужжат там, как шмели, только и слышно: ж... ж... ж... Иной раз и министр...

Городничий и прочие с робостью встают со своих стульев.

Мне даже на пакетах пишут: «ваше превосходительство». Один раз я даже управлял департаментом. И странно: директор уехал, – куда уехал, неизвестно. Ну, натурально, пошли толки: как, что, кому занять место? Многие из генералов находились охотники и брались, но подойдут, бывало, – нет, мудрено. Кажется, и легко на вид, а рассмотришь – просто чёрт возьми! После видят, нечего делать, – ко мне. И в ту же минуту по улицам курьеры, курьеры, курьеры... можете представить себе, тридцать пять тысяч одних курьеров! Каково положение? – я спрашиваю. «Иван Александрович ступайте департаментом управлять!» Я, признаюсь, немного смутился, вышел в халате: хотел отказаться, но думаю: дойдёт до государя, ну да и послужной список тоже... «Извольте, господа, я принимаю должность, я принимаю, говорю, так и быть, говорю, я принимаю, только уж у меня: ни, ни, ни!.. Уж у меня ухо остро! уж я...» И точно: бывало, как прохожу через департамент, – просто землетрясение, всё дрожит и трясётся как лист.

Городничий и прочие трясутся от страха. Хлестаков горячится ещё сильнее.

О! я шутить не люблю. Я им всем задал острастку. Меня сам государственный совет боится. Да что в самом деле? Я такой! Я не посмотрю ни на кого... я говорю всем: «Я сам себя знаю, сам...» Я везде, везде. Во дворец всякий день езжу. Меня завтра же произведут сейчас в фельдмарш... (Поскальзывается и чуть-чуть не шлёпается на пол, но с почтением поддерживается чиновниками).

Городничий (подходя и трясётся всем телом, силится выговорить).
А ва-ва-ва... ва...

Хлестаков (быстрым, отрывистым голосом). Что такое?

Городничий. А ва-ва-ва... ва...

Хлестаков (таким же голосом). Не разберу ничего, всё вздор.

Городничий. Ва-ва-ва... шество, превосходительство, не прикажете ли идти?.. Вот и комната, и всё что нужно.

Хлестаков. Вздор – отдохнуть. Извольте, я готов отдохнуть. Завтрак у вас, господа, хорош... Я доволен, я доволен. (С декламацией) Лабардан! лабардан! (Входит в боковую комнату, за ним городничий.)

Отправив Хлестакова спать, городничий выставляет квартальных, чтобы не пропускали к ревизору просителей.

Действие четвёртое

Чиновники уездного города собрались в комнате городничего, чтобы дать взятки.

Явление II

Хлестаков один, выходит с заспанными глазами.

Я, кажется, всхрапнул порядком. Откуда они набрали таких тюфяков и перин? Даже вспотел. Кажется, они вчера мне подсунули чего-то за завтраком: в голове до сих пор стучит. Здесь, как я вижу, можно с приятностью проводить время. Я люблю радушие, и мне, признаюсь, больше нравится, если мне угождают от чистого сердца, а не то чтобы из интереса. А дочка городничего очень недурна, да и матушка такая, что ещё можно бы... Нет, я не знаю, а мне, право, нравится, такая жизнь.

Явление III

Хлестаков и Аммос Фёдорович.

Аммос Фёдорович (входя и останавливаясь, про себя). Боже, боже! вынеси благополучно; так вот коленки и ломает. (Вслух, вытянувшись и придерживая рукой шпагу) Имею честь представиться: судья здешнего уездного суда, коллежский ассессор Ляпкин-Тяпкин.

Хлестаков. Прошу садиться. Так вы здесь судья?

Аммос Фёдорович. С восьмьсот шестнадцатого был избран на трёхлетие по воле дворянства и продолжал должность до сего времени.

Хлестаков. А выгодно, однако же, быть судьёю?

Аммос Фёдорович. За три трёхлетия представлен к Владимиру четвёртой степени с одобрения со стороны начальства. (В сторону) А деньги в кулаке, да кулак-то весь в огне.

Хлестаков. А мне нравится Владимир. Вот Анна третьей степени уже не так.

Аммос Фёдорович (высовывая понемногу вперед сжатый кулак). (В сторону) Господи боже! не знаю, где сижу. Точно горячие угли под тобою.

Хлестаков. Что это у вас в руке?

Аммос Фёдорович (потерявшись и роняя на пол ассигнации). Ничего-с.

Хлестаков. Как ничего? Я вижу, деньги упали.

Аммос Фёдорович (дрожа всем телом). Никак нет-с. (В сторону) О боже, вот я уже и под судом! И тележку подвезли схватить меня!

Хлестаков (подымая). Да, это деньги.

Аммос Фёдорович (в сторону). Ну, всё кончено – пропал! пропал!

Хлестаков. Знаете ли что? Дайте их мне взаймы.

Аммос Фёдорович (поспешно). Как же-с, как же-с... с большим удовольствием. (В сторону) Ну, смелее, смелее! Вывози, пресвятая мать!

Хлестаков. Я, знаете, в дороге издержался: то да се... Впрочем, я вам из деревни сейчас их пришлю.

Аммос Фёдорович. Помилуйте, как можно! И без этого такая честь... Конечно, слабыми моими силами, рвением и усердием к начальству... постараюсь заслужить... (Приподымается со стула, вытянувшись и руки по швам.) Не смею более беспокоить своим присутствием. Не будет ли какого приказанья?

Хлестаков. Какого приказанья?

Аммос Фёдорович. Я разумею, не дадите ли какого приказанья здешнему уездному суду?

Хлестаков. Зачем же? Ведь мне никакой нет теперь в нём надобности.

Аммос Фёдорович (раскланиваясь и уходя, в сторону). Ну, город наш!

Хлестаков (по уходе его). Судья – хороший человек.

Явление IV

Хлестаков и почтмейстер, входит вытянувшись, в мундире, приподымая шапку.

Почтмейстер. Имею честь представиться: почтмейстер и надворный советник Шпекин.

Хлестаков. А, милости просим. Я очень люблю приятное общество. Садитесь. Вы ведь здесь всегда живёте?

Почтмейстер. Так точно-с.

Хлестаков. А мне нравится здешний городок. Конечно, не так многолюдно – ну что ж? Ведь это не столица. Не правда ли, ведь это не столица?

Почтмейстер. Совершенно правда.

Хлестаков. Ведь это только в столице бонтон¹ и нет провинциальных гусей. Как ваше мнение, не так ли?

Почтмейстер. Так точно-с. (В сторону) А он, однако ж, ничуть не

¹ Бонтон – французская учтивость, изысканность в обращении, манерах.

горд; обо всём расспрашивает.

Хлестаков. А ведь, однако ж, признайтесь, ведь и в маленьком городке можно прожить счастливо?

Почтмейстер. Так точно-с.

Хлестаков. По моему мнению, что нужно? Нужно только, чтобы тебя уважали, любили искренне, – не так ли?

Почтмейстер. Совершенно справедливо.

Хлестаков. Я, признаюсь, рад, что вы одного мнения со мною. Меня, конечно, назовут странным, но уж у меня такой характер. (Глядя в глаза ему, говорит про себя.) А попрошу-ка я у этого почтмейстера взаймы! (Вслух) Какой странный со мною случай: в дороге совершенно поиздержался. Не можете ли вы мне дать триста рублей взаймы?

Почтмейстер. Почему же? Почту за величайшее счастье. Вот-с, извольте. От души готов служить.

Хлестаков. Очень благодарен. А я, признаться, смерть не люблю отказывать себе в дороге, да и к чему? Не так ли?

Почтмейстер. Так точно-с. (Встаёт, вытягивается и придерживает шпагу.) Не смея долее беспокоить своим присутствием... Не будет ли какого замечания по части почтового управления?

Хлестаков. Нет, ничего.

Почтмейстер раскланивается и уходит.

(Раскуривая сигарку) Почтмейстер, мне кажется, тоже очень хороший человек. По крайней мере, услужлив. Я люблю таких людей.

Явление V

Хлестаков и Лука Лукич, который почти выталкивается из дверей. Сзади его слышен голос почти вслух: «Чего робеешь?»

Лука Лукич (вытягиваясь не без трепета). Имею честь представиться: смотритель училищ, титулярный советник Хлестаков.

Хлестаков. А, милости просим! Садитесь, садитесь. Не хотите ли сигарку? (Подает ему сигару.)

Лука Лукич (про себя, в нерешимости). Вот тебе раз! Уж этого никак не предполагал. Брать или не брать?

Хлестаков. Возьмите, возьмите; это порядочная сигарка. Конечно, не то, что в Петербурге. Там, баночка, я куривал сигарочки по двадцати пяти рублей сотенка, просто ручки потом себе поцелуешь, как выкуришь. Вот огонь, закурите. (Подает ему свечу.)

Лука Лукич пробует закурить и весь дрожит.

Да не в этом ли дело?

Лука Лукич (от испуга выронил сигару, плюнул и, махнув рукою,

про себя). Чёрт поberi всё! Сгубила проклятая робость!

Хлестаков. Вы, как я вижу, не охотник до сигарок. А я признаюсь: это моя слабость. Вот ещё насчёт женского полу, никак не могу быть равнодушен. Как вы? Какие вам больше нравятся – брюнетки или блондинки?

Лука Лукич находится в совершенном недоумении, что сказать.

Нет, скажите откровенно: брюнетки или блондинки?

Лука Лукич. Не смею знать.

Хлестаков. Нет, нет, не отговаривайтесь! Мне хочется узнать непременно ваш вкус.

Лука Лукич. Осмелюсь доложить... (В сторону) Ну, и сам не знаю, что говорю.

Хлестаков. А! а! не хотите сказать. Верно, уж какая-нибудь брюнетка сделала вам маленькую загвоздочку. Признайтесь, сделала?

Лука Лукич молчит.

А! а! покраснели! Видите! видите! Отчего ж вы не говорите?

Лука Лукич. Оробел, ваше бла... преос... сият... (В сторону) Продал проклятый язык, продал!

Хлестаков. Оробели? А в моих глазах точно есть что-то такое, что внушает робость. По крайней мере, я знаю, что ни одна женщина не может их выдержать, не так ли?

Лука Лукич. Так точно-с.

Хлестаков. Вот со мной престранный случай: в дороге совсем издержался. Не можете ли вы мне дать триста рублей займа?

Лука Лукич (хватаясь за карманы, про себя). Вот те штука, если нет! Есть, есть! (Вынимает и подаёт, дрожа, ассигнации.)

Хлестаков. Покорнейше благодарю.

Лука Лукич (вытягиваясь и придерживая шпагу). Не смею более беспокоить присутствием.

Хлестаков. Прощайте.

Лука Лукич (летит вон почти бегом и говорит в сторону). Ну, слава богу! авось не заглянет в классы!

Явление VI

Хлестаков и Артёмий Филиппович, вытянувшись и придерживая шпагу.

Артёмий Филиппович. Имею честь представиться: попечитель богоугодных заведений, надворный советник Земляника.

Хлестаков. Здравствуйте, прошу покорно садиться.

Артёмий Филиппович. Имел честь сопровождать вас и принимать лично во вверенных моему смотрению богоугодных заведениях.

Хлестаков. А, да! помню. Вы очень хорошо угостили завтраком.

Артёмий Филиппович. Рад стараться на службу отечеству.

Хлестаков. Я – признаюсь, это моя слабость, – люблю хорошую кухню. Скажите, пожалуйста, мне кажется, как будто бы вчера вы были немножко ниже ростом, не правда ли?

Артёмий Филиппович. Очень может быть. (Помолчав) Могу сказать, что не жалею ничего и ревностно исполняю службу. (Придвигается ближе к своему стулу и говорит вполголоса.) Вот здешний почтмейстер совершенно ничего не делает: все дела в большом запущении, посылки задерживаются... извольте сами нарочно разыскать. Судья тоже, который только что был перед моим приходом, ездит только за зайцами, в присутственных местах держит собак и поведения, если признаться пред вами, – конечно, для пользы отечества я должен это сделать, хотя он мне родня и приятель, – поведения самого предосудительного. Здесь есть один помещик, Добчинский, которого вы изволили видеть; и как только этот Добчинский куда-нибудь выйдет из дому, то он там уж и сидит у жены его, я присягнуть готов... И нарочно посмотрите на детей: ни одно из них не похоже на Добчинского, но все, даже девочка маленькая, как вылитый судья.

Хлестаков. Скажите пожалуйста! А я никак этого не думал.

Артёмий Филиппович. Вот и смотритель здешнего училища... Я не знаю, как могло начальство поверить ему такую должность: он хуже, чем якобинец, и такие внушает юношеству неблагонамеренные правила, что даже выразить трудно. Не прикажете ли, я всё это изложу лучше на бумаге?

Хлестаков. Хорошо, хоть на бумаге. Мне очень будет приятно. Я, знаете, этак люблю в скучное время провести что-нибудь забавное... Как ваша фамилия? Я всё позабываю.

Артёмий Филиппович. Земляника.

Хлестаков. А, да! Земляника. И что ж, скажите, пожалуйста, есть ли у вас детки?

Артёмий Филиппович. Как же-с, пятеро; двое уже взрослых.

Хлестаков. Скажите, взрослых! А как они... как они того?..

Артёмий Филиппович. То есть не изволили ли вы спрашивать, как их зовут?

Хлестаков. Да, как их зовут?

Артёмий Филиппович. Николай, Иван, Елизавета, Марья и Перепетуя.

Хлестаков. Это хорошо.

Артёмий Филиппович. Не смея беспокоить своим присутствием, отнимать время, определённого на священные обязанности... (Раскладывается с тем, чтобы уйти.)

Хлестаков (проводя). Нет, ничего. Это всё очень смешно, что вы говорили. Пожалуйста, и в другое тоже время... Я это очень люблю. (Возвращается и, отворивши дверь, кричит вслед ему.) Эй, вы! как вас? Я всё позабываю, как ваше имя и отчество.

Артёмий Филиппович. Артёмий Филиппович.

Хлестаков. Сделайте милость, Артёмий Филиппович, со мной странный случай: в дороге совершенно поиздержался. Нет ли у вас займы денег – рублей четыреста?

Артёмий Филиппович. Есть.

Хлестаков. Скажите, как кстати. Покорнейше вас благодарю.

Явление VIII

Хлестаков один.

Здесь много чиновников. Мне кажется, однако ж, что они меня принимают за государственного человека. Верно, я вчера им подпустил пыли. Экое дурачье! Напишу-ка я обо всём в Петербург к Тряпичкину: он пописывает статейки – пусть-ка он их общёлкает хорошенько. Эй, Осип, подай мне бумагу и чернила!

Осип выглянул из дверей, произнёсши: «Сейчас».

А уж Тряпичкину, точно, если кто попадёт на зубок, – беречь: отца родного не пощадит для словца, и деньгу тоже любит. Впрочем, чиновники эти добрые люди; это с их стороны хорошая черта, что они мне дали займы. Пересмотрю нарочно, сколько у меня денег. Это от судьи триста. Это от почтмейстера триста, шестьсот, семьсот, восемьсот... Какая замасленная бумажка! Восемьсот, девятьсот... Ого! За тысячу перевалило... Ну-ка, теперь, как кстати, ну-ка, попадись-ка ты мне теперь! Посмотрим, кто кого!

Явление IX

Хлестаков и Осип с чернилами и бумагою.

Хлестаков. Ну что, видишь, дурак, как меня угощают и принимают? (Начинает писать.)

Осип. Да слава богу! Только знаете что, Иван Александрович?

Хлестаков (лишет). А что?

Осип. Уходите отсюда. Ей-богу, уже пора.

Хлестаков (пишет). Вот вздор! Зачем?

Осип. Да так. Бог с ними со всеми! Погуляли здесь два денька – ну и довольно. Что с ними долго связываться? Плуньте на них! не ровен час, какой-нибудь другой наедет... ей-богу, Иван Александрович! А лошади тут славные; так бы закатали!..

Хлестаков (пишет). Нет, мне ещё хочется пожить здесь. Пусть завтра.

Осип. Да что завтра! Ей-богу, поедem, Иван Александрович! Оно хоть и большая честь вам, да всё, знаете, лучше уехать скорее: ведь вас, право, за кого-то другого приняли... И батюшка будет гневаться, что так замешкались. Так бы, право, закатали славно! А лошадей бы важных здесь дали.

Хлестаков (пишет). Ну, хорошо. Отнеси только наперёд это письмо; пожалуй, вместе и подорожную возьми. Да зато, смотри, чтоб лошади хорошие были! Ямщикам скажи, что я буду давать по целковому; чтобы так, как фельдъегеря¹, катили и песни бы пели!.. (Продолжает писать.) Воображаю, Тряпичкин умрёт со смеху...

Осип. Я, сударь, отправлю его с человеком здешним, а сам лучше буду укладываться, чтоб не прошло понапрасну время.

Хлестаков (пишет). Хорошо. Принеси только свечу.

Осип (выходит и говорит за сценой.) Эй, послушай, брат! Отнесёшь письмо на почту, и скажи почтмейстеру, чтоб он принял без денег; да скажи, чтоб сейчас привели к барину самую лучшую тройку, курьерскую; а прогону, скажи, барин не плотит: прогон, мол, скажи, казённый. Да чтоб всё живее, а не то, мол, барин сердится. Стой, ещё письмо не готово.

Хлестаков (продолжает писать). Любопытно знать, где он теперь живёт – в Почтамтской или Гороховой? Он ведь тоже любит часто переезжать с квартиры на квартиру и недоплачивать. Напишу наконец в Почтамтскую. (Свёртывает и надписывает.)

Осип приносит свечу. Хлестаков печатает. В это время слышен голос Держиморды: «Куда лезешь, борода? Говорят тебе, никого не велено трогать».

(Даёт Осипу письмо.) На, отнеси.

Голос купцов. Допустите, батюшка! Вы не можете не допустить: мы за делом пришли.

Голос Держиморды. Пошёл, пошёл. Не принимает, спит.

Шум увеличивается.

Что там такое, Осип? Посмотри, что за шум.

Осип (глядя в окно). Купцы какие-то хотят войти, да не допускает квартальный. Машут бумагами: верно, вас хотят видеть.

Хлестаков (подходя к окну). А что вы, любезные?

Голоса купцов. К твоей милости, прибегаем. Прикажи, государь, просьбу принять.

¹ Фельдъегерь – военный или правительственный курьер для важных поручений.

Хлестаков. Впустите их, впустите! Пусть идут. Осип, скажи им: пусть идут.

Осип уходит.

(Принимает из окна просьбы, развёртывает одну из них и читает:) «Его высокоблагородному светлости господину финансову от купца Абдулина...» Чёрт знает что: и чина такого нет!

Хлестаков заигрывает то с дочерью, то с женой городничего и в результате делает предложение. Городничий не смеет верить своему счастью. Хлестаков, уезжая, обещает вернуться на следующий день.

Действие пятое

В доме городничего собирается всё местное общество.

Явление VIII

Те же и почтмейстер впопыхах, с распечатанным письмом в руке.

Почтмейстер. Удивительное дело, господа! Чиновник, которого мы приняли за ревизора, был не ревизор.

Все. Как не ревизор?

Почтмейстер. Совсем не ревизор, – я узнал это из письма...

Городничий. Что вы? Что вы? Из какого письма?

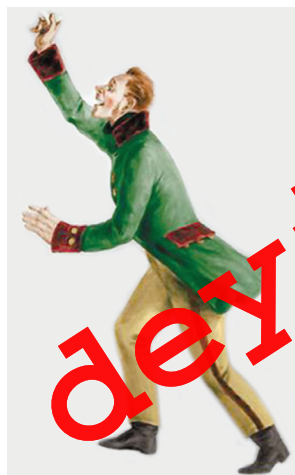
Почтмейстер. Да из собственного его письма. Приносят ко мне на почту письмо. Взглянул на адрес – вижу: «в Почтамтскую улицу». Я так и обомлел. «Ну, – думаю себе, – верно, нашёл беспорядки по почтовой части и уведомляет начальство». Взял да и распечатал.

Городничий. Как же вы?..

Почтмейстер. Сам не знаю, неестественная сила побудила. Призвал было уже курьера, с тем чтобы отправить его с эштафетой¹ – но любопытство такое одолело, какого ещё никогда не чувствовал. Не могу, не могу! Слышу, что не могу! Тянет, так вот и тянет! В одном ухе так вот и слышу: «Эй, не распечатывай! Пропадёшь, как курица»; а в другом словно бес какой шепчет: «Распечатай, распечатай, распечатай!» И как прижавшись к бумаге – по жилам огонь, а распечатал – мороз, ей-богу мороз. И руки прожарил, и всё помутилось.

Городничий. Да как же вы осмелились распечатать письмо такой уполномоченной особы?

Почтмейстер. В том-то и штука, что он не уполномоченный и не особа!

¹ Эштафет (устар.) почта, доставляемая конным нарочным – служащим почты.

Городничий. Что ж он, по-вашему, такое?

Почтмейстер. Ни сё ни то; чёрт знает что такое!

Городничий (запальчиво). Как ни сё ни то? Как вы смеее называть его ни тем ни сем, да ещё и чёрт знает чем? Я вас под арест...

Почтмейстер. Кто? Вы?

Городничий. Да, я!

Почтмейстер. Коротки руки!

Городничий. Знаете ли, что он женится на моей дочери, что я сам буду вельможа¹, что я в самую Сибирь законопачу?

Почтмейстер. Эх, Антон Антонович! Что Сибирь? Далеко Сибирь. Вот лучше я вам прочту. Господа! позвольте прочитать письмо!

Все. Читайте, читайте!

Почтмейстер (читает). «Спешу уведомить тебя, душа моя Тряпичкин, какие со мной чудеса. На дороге обчистил меня кругом пехотный капитан, так что трактирщик хотел уже было посадить в тюрьму; как вдруг, по моей петербургской физиономии и по костюму, весь город принял меня за генерал-губернатора. И я теперь живу у городничего, жуирую², волочусь напропалую за его женой и дочкой; не решился только, с которой начать, – думаю, прежде с матушки, потому что, кажется, готова сейчас на все услуги. Помнишь, как мы с тобой бедствовали, обедали нашерамыжку³ и как один раз было кондитер схватил меня за воротник по поводу съеденных пирожков на счёт доходов аглицкого короля? Теперь совсем другой оборот. Все мне дают займы сколько угодно. Оригиналы страшные. От смеху ты бы умер. Ты, я знаю, пишешь статейки: помести их в свою литературу. Во-первых, городничий – глуп, как сивый мерин...»

Городничий. Не может быть этого! Там нет этого.

Почтмейстер (показывает письмо). Читайте сами.

Городничий (читает). «Как сивый мерин». Не может быть! Вы это сами написали.

Почтмейстер. Как же бы я стал писать!

Артёмий Филиппович. Читайте!

Лука Лукич. Читайте!

Почтмейстер (продолжает читать). «Городничий – глуп, как сивый мерин...»

Городничий. О, чёрт возьми! Можно ещё повторять! Как будто оно там и без того не стоит.

¹Вельможа – в старое время: знатный и богатый сановник – чиновник, занимающий высокое положение.

²Жуировать – развлекаясь, ища удовольствий, вести праздную жизнь.

³Нашерамыжку – (прост.) обманом, плутовски.

Почтмейстер (продолжая читать). Хм... хм... хм... хм... «сивый мерин. Почтмейстер тоже добрый человек...» (Оставляя читать.) Ну, тут обо мне тоже он неприлично выразился.

Городничий. Нет, читайте!

Почтмейстер. Да к чему ж?..

Городничий. Нет, чёрт возьми, когда уж читать, так читать! Читайте всё!

Артёмий Филиппович. Позвольте, я прочитаю. (Надевает очки и читает.) «Почтмейстер точь-в-точь наш департаментский сторож Михеев; должно быть, также, подлец пьёт горькую».

Почтмейстер (к зрителям). Ну, скверный мальчишка, которого надо высечь; больше ничего!

Артёмий Филиппович (продолжая читать). «Надзиратель над богоугодным заведе...и...и...и... (Заикается.)

Коробкин. А что ж вы остановились?

Артёмий Филиппович. Да нечёткое перо... впрочем, видно, что негодяй.

Коробкин. Дайте мне! Вот у меня, я думаю, получше глаза. (Берёт письмо.)

Артёмий Филиппович (не давая письмо). Нет, это место можно пропустить, а там дальше разборчиво.

Коробкин. Да позвольте, уж я знаю.

Артёмий Филиппович. Прочитать я и сам прочитаю; далее, право, всё разборчиво.

Почтмейстер. Нет, всё читайте! Ведь прежде всё читано.

Все. Отдайте, Артёмий Филиппович, отдайте письмо! (Коробкин.) Читайте!

Артёмий Филиппович. Сейчас. (Отдаёт письмо.) Вот, позвольте... (Закрывает пальцем.) Вот отсюда читайте.

Все приступают к нему.

Почтмейстер. Читайте, читайте! Вздор, всё читайте!

Коробкин (читая). «Надзиратель над богоугодным заведением Земляника – совершенная свинья в ермолке».

Артёмий Филиппович (к зрителям). И неостроумно! Свинья в ермолке! Где ж свинья бывает ермолке?

Коробкин (продолжая читать). «Смотритель училищ протухнул насквозь луком».

Лука Лукин (к зрителям). Ей-богу, и в рот никогда не брал луку.

Аммос Федотович (в сторону). Слава богу, хоть, по крайней мере, обо мне не!

Коробкин (читает). «Судья...»

Аммос Фёдорович. Вот тебе на! (Вслух) Господа, я думаю, что письмо длинно. Да и чёрт ли в нём: дрянь этакую читать.

Лука Лукич. Нет!

Почтмейстер. Нет, читайте!

Артёмий Филиппович. Нет уж, читайте!

Коробкин (продолжает). «Судья Ляпкин-Тяпкин в сильнейшей степени моветон¹...» (Останавливается.) Должно быть, французское слово.

Аммос Фёдорович. А чёрт его знает, что оно значит! Ещё хорошо, если только мошенник, а может быть, и того ещё хуже.

Коробкин (продолжая читать). «А впрочем, народ гостеприимный и добродушный. Прощай, душа Тряпичкин. Я сам, по примеру твоему, хочу заняться литературой. Скучно, брат, так жить; хочешь, наконец, пищи для души. Вижу: точно нужно чем-нибудь высоким заняться. Пиши ко мне в Саратовскую губернию, а оттуда в деревню Подкатиловку. (Переворачивает письмо и читает адрес.) Его благородию, милостивому государю, Ивану Васильевичу Тряпичкину, в Почтамтскую улицу, в доме под номером девяносто седьмым, поворота на двор, в третьем этаже направо».

Одна из дам. Какой репримант² неожиданный!

Городничий. Вот когда зарезал, так зарезал! Убит, убит, совсем убит! Ничего не вижу. Вижу какие-то свиные рыла вместо лиц, а больше ничего... Воротить, воротить его! (Машет рукою.) Куды воротить! Я, как нарочно, приказал смотрителю дать самую лучшую тройку; чёрт угодил дать и вперёд предписание.

Жена Коробкина. Вот уж точно, беспримерная конфузия!

Аммос Фёдорович. Однако ж, чёрт возьми, господа! Он у меня взял триста рублей взаймы.

Артёмий Филиппович. У меня тоже триста рублей.

Почтмейстер (вздыхает). Ох! И у меня триста рублей.

Бобчинский. У нас с Петром Ивановичем шестьдесят пять-с на асигнации-с, да-с.

Аммос Фёдорович (в недоумении расставляет руки). Как же это, господа? Как это, в самом деле, мы так плещаем?

Городничий (бьёт себя по лбу). Как — нет, как я, старый дурак? Выжил, глупый баран, из ума! Тридцать лет живу на службе; ни один купец, ни подрядчик не мог провести; мошенников над мошенниками обманывал, пройдох и плутов таких, что весь свет готовы обворовать, поддевал на уду! Трёх губернаторов обманул!.. Что губернаторов! (махнул рукою) нечего и говорить про губернаторов...

¹Моветон — несомнённость, манеры, поступки, не принятые в хорошем обществе.

²репримант (франц., устар.) упрёк, выговор.

Анна Андреевна. Но этого не может быть, Антоша: он обручился с Машенькой...

Городничий (в сердцах). Обручился! Ку-киш с маслом – вот тебе обручился! Лезет мне в глаза с обручением!.. (В исступлении.) Вот смотрите, смотрите, весь мир, всё христианство, все смотрите, как одурачен городничий! Дурака ему, дурака, старому подлецу! (Грозит самому себе кулаком.) Эх ты, толстоносый! Сосульку, тряпку принял за важного человека! Вон он теперь по всей дороге заливаешь колокольчиком! Разнесёт по всему свету историю. Мало того что пойдёшь в посмешище – найдётся шелкопёр¹, бумагомарак, в комедию тебя вставит. Вот что обидно! Чина, звания не пощадит, и будут все скалить зубы и бить в ладоши. Чему смеётесь? – Над собою смеётесь!.. Эх вы!.. (Стучит со злости ногами об пол.) Я бы всех этих бумагомарак! У, шелкопёры, либералы проклятые! чёртово семя! Узлом бы вас всех завязал, в муку бы стёр вас всех да чёрту в подкладку! В шапку туды ему!.. (Суёт кулаком и бьёт каблуком в пол. После некоторого молчания.) До сих пор не могу прийти в себя. Вот, подлинно, если бог хочет наказать, то отнимет прежде разум. Ну что было в этом вертопрахе похожего на ревизора? Ничего не было! Вот просто на полмизинца не было похожего – и вдруг все: ревизор! ревизор! Ну кто первый выпустил, что он ревизор? Отвечайте!

Артёмий Филиппович (расставляя руки). Уж как это случилось, хоть убей, не могу объяснить. Точно туман какой-то ошеломил, чёрт попутал.

Аммос Фёдорович. Да кто выпустил – вот кто выпустил: эти молодцы! (Показывает на Добчинского и Бобчинского.)

Бобчинский. Ей-ей, не я! И не думал...

Добчинский. Я ничего, совсем ничего...

Артёмий Филиппович. Конечно вы...

Лука Лукич. Разумеется. Прибежали как сумасшедшие, из трактира: «Приехал, приехал и денег не платит!» Нашли важную птицу!

Городничий. Натурально, вы! Сметники городские, лгуны проклятые!

Артёмий Филиппович. Что вас чёрт побрал с вашим ревизором и рассказами!

Городничий. Только рыскаете по городу и смущаете всех, трещотки проклятые! Слетели сеете, сороки короткохвостые!

Аммос Фёдорович. Пачкуны проклятые!

¹ Шелкопёр – бездарный и легкомысленный писатель.

Лука Лукич. Колпаки!

Артёмий Филиппович. Сморчки короткобрюхие!

Все обступают их.

Бобчинский. Ей-богу, это не я, это Пётр Иванович.

Добчинский. Э, нет, Пётр Иванович, вы ведь первые того...

Бобчинский. А вот и нет; первые-то были вы.

Явление последнее

Те же и жандарм.

Жандарм. Приехавший по именному повелению из Петербурга чиновник требует вас сей же час к себе. Он остановился в гостинице.

Произнесённые слова поражают, как громом, всех. Звук изумления единодушно взлетает из дамских уст; вся группа, вдруг переменивши положение, остаётся в окаменении.

Немая сцена

Городничий посередине в виде столба, с распростёртыми руками и запрокинутой назад головою. По правую руку его жена и дочь с устремившимся к нему движением всего тела; за ними почтмейстер, превратившийся в просительный знак, обращённый к зрителям; за ним Лука Лукич, потерявшийся самым невинным образом; за ним, у самого края сцены, три дамы, гости, прислонившиеся одна к другой с самым сатирическим выражением лица, относящимся прямо к семейству городничего. По левую сторону городничего: Земляника, наклонивший голову несколько набок, как будто к чему-то прислушивающийся; за ним судья с растопыренными руками, присевший почти до земли и сделавший движение губами, как бы хотел посвистать или произнести: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!» За ним Коробкин, обратившийся ко зрителям с прищуренным глазом и едким намёком на городничего; за ним, у самого края сцены, Бобчинский и Добчинский с устремившимися движениями рук друг к другу, разинутыми ртами и выпученными друг на друга глазами. Прочие гости остаются просто столбами. Почти полторы минуты семейственная группа сохраняет такое положение. Занавес опускается.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Прочитайте комедию полностью. Дайте характеристику Хлестакову, ответив на вопросы: а) Как характеризует Хлестакова его слуга Осип? Что мы узнаём об их жизни в Петербурге? б) Как проявляется характер Хлестакова в его отношении к дамам?

2. Есть ли у Хлестакова положительные черты? Обоснуйте своё мнение.

3. Составьте цитатные планы, раскрывающие образы чиновников (по выбору). Что общего в их поведении? Кто из чиновников, помимо комических, приобретает и трагические черты?

4. Как вы считаете, какое явление называется словом «хлестаковщина»?

5. Выпишите из текста комедии выражения, ставшие «крылатыми».

6. В комедии есть так называемые «внесценические» персонажи. Эти герои

не появляются на сцене, но о них рассказывают действующие лица. Какое значение имеют эти персонажи для понимания идейного смысла комедии?

7. Сколько раз повторяется слово «ревизор» в начале комедии? Почему? Какое чувство испытывают персонажи? Найдите в тексте примеры дальнейшего проявления этого чувства.

8. Комедия заканчивается «немой» сценой. Как вы считаете, накажет ли чиновников вновь прибывший ревизор? Ожидает ли их возмездие, или всё останется по-прежнему? Аргументируйте своё мнение.

9. Оцените утверждения по шкале 0 – 5 баллов. Приведите аргументы в пользу своих доводов. Сопоставьте свои оценки.

- 1) Самый яркий отрицательный герой «Ревизора» – городничий.
- 2) Настоящий ревизор будет вести себя так же, как Хлестаков.
- 3) Точки зрения Бобчинского и Добчинского всегда различаются.
- 4) Хлестаков уехал потому, что испугался последствий своего обмана.

10. Составьте кластер.

11. Заполните таблицу, обозначив эпизоды.

Экспозиция	
Завязка	
Развитие действия	
Кульминация	
Развязка	

12. Напишите сочинение на тему «Смех и страх» — два главных героя комедии «Ревизор».

Это интересно!

Н. В. Гоголь был несординарной и интересной личностью. Он вязал шарфы, кроил платья сёстрам, шил себе шейные платки, неплохо готовил и угощал друзей ватниками. Писатель любил миниатюрные издания книг, поэтому не зная и не любя математику, однажды купил математическую энциклопедию только потому, что её размер был 10,5×7,5 см.

МИРЗА ФАТАЛИ АХУНДЗАДЕ (1812-1878)

Выдающийся сын азербайджанского народа, философ и общественный деятель Мирза Фатали Ахундзаде считается основоположником национальной драматургии и художественной прозы. Воспитанный дядей Гаджи Алескером будущий писатель получил хорошее образование. Он изучил богословие, языки, познакомился с творчеством классиков литературы Востока. Большую роль в судьбе Фатали сыграло общение с его учителем – поэтом-вольнодумцем Мирза Шафи Вазехом, который во время службы в Тифлисе оказался в атмосфере слияния восточной, русской и европейской культур.

Наличие в Тифлисе театра сыграло особую роль в развитии таланта Ахундзаде.

С 1850 по 1856 год М. Ф. Ахундзаде создаёт 6 комедий, которые были переведены на русский язык и опубликованы в газете «Кавказ». Затем они были поставлены на сценах Тифлиса и Петербурга. Знакомство с мировой драматургией (в том числе с комедиями Н. В. Гоголя) и тонкое чувство юмора, критический ум и наблюдательность позволили ему использовать театральные подмостки для выражения таких просветительских идей, как борьба с невежеством и призыв к честному полезному труду. Именно эти идеи были положены в основу его первой комедии «Молла-Ибрагим-Халил, алхимик, обладатель философского камня». Именем писателя названы Азербайджанская национальная библиотека и Азербайджанский театр оперы и балета.

МОЛЛА-ИБРАГИМ-ХАЛИЛ, АЛХИМИК, ОБЛАДАТЕЛЬ ФИЛОСОФСКОГО КАМНЯ

Представление о происшествии, которое излагается и завершается в четырёх действиях.

Действующие лица:

Молла-Ибрагим-Халил – алхимик, из Калдека.

Молла-Хамид – его ученик, из Самуха.

Дервиш Аббас – его служитель, из Ирана.

Хаджи-Керим – золотых дел мастер, из Нухи.

Ага-Заман – лекарь, из Нухи.

Молла-Салман – сын покойного, ученика Молла-Джалила, из Нухи, цветущий мужчина, крепкого сложения.

Мешади-Джаббар – купец, из Нухи.

Сафар-бек – помещик, из Нухи.

Шейх-Салман из Хачмаза.

Хаджи-Мурат – поэт, из Нухи.

Нухиды.

Действие первое

Происходит в городе Нухе, в доме золотых дел мастера Хаджи-Керима в 1248 году во втором месяце весны (по мусульманскому календарю). В связи с приездом в Нуху Шейх-Салаха из Хачмаза, золотых дел мастер Хаджи-Керим пригласил к себе своих друзей: лекаря Ага-Замана, Молла-Салмана, купца Мешади-Джаббара, помещика Сафар-бека и Шейх-Салаха из Хачмаза. Поэт Хаджи-Нури явился случайно, без приглашения...

Хаджи-Керим. Знаете ли вы, господа, для чего я вас пригласил?

Мешади-Джаббар. Нет, не знаем.

Хаджи-Керим. У меня есть интересная новость. Говорят, Молла-Ибрагим-Халил из Калдака ездил в Тифлис, получил там разрешение, приехал в Хачмаз, раскинул в горах шатёр и занялся алхимией. Например, он добыл вещество, которое называется эликсиром¹. Примешивает к целому батману меди золотник эликсира, получается чистое серебро.

Ага-Заман. Я тоже об этом слышал.

Хаджи-Керим. Шейх-Салах собственными глазами видел, как акулиссские армяне привезли к Молла-Ибрагим-Халилу двадцать пять тысяч рублей чеканной монетой, купили у него пятьдесят пудов чистого серебра и увезли. Правда, шейх?

Шейх-Салах. Да, клянусь на Коране, который я изучил досконально², я своими глазами видел, как люди привозили Молла-Ибрагим-Халилу чеканную монету и увозили чистое серебро без чекана ровно вдвое больше по весу.

Сафар-бек. Давайте и мы поедem за серебром.

Молла-Салман. Наличных денег у нас нет, но у меня есть друг Хаджи-Рахим, богач. Если вы не против уплатить десять-двенадцать процентов годовых и дадите залог, я могу у него взять – и для вас и для себя – какую угодно сумму.

Мешади-Джаббар. Молла, у меня деньги есть, но их все отдал взаймы, срочно их получить трудновато. Если можно, возьми для меня у Хаджи-Рахима тысячу рублей. А две мои лавки пусть останутся ему в залог.

Хаджи-Керим. И для меня возьми тысячу рублей под залог моего дома.

Ага-Заман. И мне возьми тысячу, я отдам в залог сад моей жены.

Сафар-бек. Возьми тысячу и для меня, залогом будет моя деревня.

Хаджи-Нури (достаёт из кармана лист бумаги). Я сложил стихи об одном интересном событии: шестьдесят лет назад аварские лезгины под командованием Хан-Бутая напали на Нуху и ограбили её. Послушайте, как я описал это событие.

¹Эликсир – волшебный настой.

²Досконально – очень подробно, основательно.

Ага-Заман. Ах, оставь, Хаджи-Нури, тут не собрание поэтов. Мы говорим о серьёзном, совещаемся, а ты, видишь ли, сложил стихи о том, что было шестьдесят лет назад. Лезгины пришли, лезгины ушли. Какое нам до этого дело и что за польза от чтения стихов?

Хаджи-Нури (обиженно). То есть как, что за польза? Вы узнаете о том, как жестоко обошлись лезгины с вашими дедами, как безжалостны были к ним. Разве не полезно знать о минувших событиях?

Хаджи-Керим (ласково). Хаджи-Нури, сейчас не время читать стихи. Прочитаешь в другой раз, на досуге. А теперь лучше скажи: ты советуешь нам ехать к Молла-Ибрагим-Халилу за серебром? Наверное, и ты одобришь это?

Хаджи-Нури (с горечью). Нет.

Молла-Салман. Почему же?

Хаджи-Нури. Потому что для каждого человека эликсир, источник его благополучия – его ремесло. К чему гоняться за алхимиками? Молла-Ибрагим-Халила я не видел, но догадываюсь, что он ловкий плут. Говорят, он недавно ездил в Тифлис. А кто дал ему разрешение заниматься алхимией и кто это разрешение видел? Подобного эликсира в природе не существует. Но Шейх-Салах из Хачмаза до такой степени сбил вас с толку, что вы, конечно, не поверите мне.

Хаджи-Керим. Что эликсир существует, тому есть много доказательств. Об этом толковать нечего! Ты лучше объясни нам, почему ремесло каждого – его эликсир? Вот я – золотых дел мастер, но не могу заработать даже на пропитание.

Хаджи-Нури. Это потому, что ты потерял доверие народа, и никто тебе ничего не заказывает. Раньше, когда приносили тебе золото и серебро для изготовления разных изделий, ты присваивал добрую половину взамен добавлял медь и бронзу. В конце концов твои аферы открылись, и никто больше у тебя ничего не заказывает. Если бы ты работал честно, то, несомненно, был бы теперь богат.

Ага-Заман. Ну, а почему я не имею состояния?

Хаджи-Нури. Потому что бросил своё ремесло и занялся незнакомым тебе делом. Ведь лечение людей – не твоя профессия. Твой отец, мастер Рахман, цирюльник, заработал бритвой и рожком приличное состояние, а ты промотал его. Немало потрудился покойный, чтобы и тебя обучить ремеслу цирюльника, но ты не удовольствовался этим и решил, подобно тифлисским цирюльникам, стать ещё и лекарем. Ты погубил столько людей, что хватит на целое кладбище; народ раскусил тебя и отвернулся от такого горе-лекаря. Теперь ты и не цирюльник, и не лекарь. Сколько раз я говорил тебе, чтобы сходил ты к русскому

врачу и узнал у него лекарство хотя бы против лихорадки, сколько раз я говорил тебе, чтобы ты перестал лечить больных малярией арбузным соком, но ты не слушал меня.

Ага-Заман (недовольно). Мне сказали, что русский врач применяет против лихорадки «хлеб-соль». Я спросил у знающих русский язык, что такое «соль». Они мне объяснили. Ну, как же лечить лихорадку солью?

Молла-Салман (зажимает рот Ага-Заману). Помолчи, ради бога, не показывай своего невежества. Это совсем другая соль. (Обращаясь к Хаджи-Нури). Хаджи-Нури, если верить тебе, я должен быть Каруном¹, но почему же всё моё богатство состоит из циновки и глиняного кувшина?

Хаджи-Нури. И на это есть причина. Из тебя вышел бы хороший погонщик мулов, но ты вбил себе в голову, что тебе надо стать моллой, и это только потому, что отец твой был моллой. Но ведь отец твой учился, имел знания, потому и был моллой. А ты не умеешь правильно написать даже своё имя... как же ты хочешь стать моллой? Образованность – это ведь не отцовская шуба, чтобы перешла к сыну по наследству. Вот почему ты не имеешь веса в глазах людей... Как же ты можешь быть богатым? При таких плечах и силе будь ты погонщиком мулов, зарабатывал бы в год больше ста пятидесяти рублей.

Сафар-бек. А почему я не богат?

Хаджи-Нури. Ты помещик, тебе надо наблюдать за посевом, косьбой, копить богатство. Ты же затевал всякие пустые дразги, ссорился то с одним, то с другим, ругал всех последними словами. Надоедал начальству жалобами на виновных и невинных. Наконец прослыл клезушным человеком. Три года был под судом, три года провёл в ссылке. Так прошла лучшая пора твоей жизни. А теперь думаешь с помощью прохвоста алхимика сразу разбогатеть, вроде Мешади-Ижабара, который по своей жадности весь свой небольшой капитал роздал в займы разным людям под проценты – рубль за рубль, чтобы стать богатым. А теперь рад был бы получить хоть свои собственные деньги.

Хаджи-Керим. Допустим, господин поэт, что каждому из нас свойствен недостаток, мешающий использовать своё ремесло. Но почему же ты не имеешь всех благ от своего ремесла? Если сыт зимой – голоден весной, а если сыт весной – голоден зимой. Если верить тебе, так твой талант – складывать стихи – должен был стать для тебя самым лучшим эликсиром.

Хаджи-Нури. Верно. И в самом деле мой талант – эликсир. Но как вы сами говорите, когда есть эликсир, нужен ещё какой-нибудь металл,

¹Карун – знаменитый халиф Гарун Аль-Рашид – правитель Багдада из арабских сказок «Тысяча и одна ночь».

чтобы он мог подвергнуться воздействию эликсира. Так и для моего таланта нужны люди со вкусом, с умом и понятием, которые могли бы оценить мои стихи. Но, к несчастью, у моих сограждан, то есть у вас, нет ни ума, ни чутя, ни способностей. Какая же может быть польза от моего таланта, кому нужны мои стихи в такой среде?

Хаджи-Керим. Какая дерзость! Что за глупости он болтает? Кто тебя звал в наше общество? Подумаешь, какой учитель объявился! И когда это он стал таким философом? Ступай отсюда, нам не нужны твои поучения.

Все вместе. Ступай, ступай, обойдёмся без твоих наставлений!

Хаджи-Нури (поспешно суёт стихи за пазуху). Ухожу, видно, горька вам правда! (Уходит.)

Хаджи-Керим (обращаясь к присутствующим). Господа, что решили – то решили. К началу будущей недели деньги должны быть у нас, отправимся к Молла-Ибрагим-Халилу в Хачмазские горы.

Все вместе. Да, да, решено!

Занавес

Действие второе

Происходит в Хачмазских горах. На склоне горы, поросшем пёстрыми, душистыми цветами и травами, разбиты на расстоянии пятидесяти шагов друг от друга два шатра. Пониже их, под дощатым навесом, поставлена большая плавильная печь с мехами... В одном шатре живёт Молла-Ибрагим-Халил, алхимик, в другом – его ученик Молла-Хамид. Под маленьким навесом расположился со своим скарбом дервиш Аббас, слуга алхимика... Из своей палатки выходит Молла-Ибрагим-Халил, алхимик, и, повернувшись к палатке Молла-Хамида, зовёт его. Молла-Хамид показывается из палатки, подходит к алхимику и почтительно останавливается перед ним.

Молла-Ибрагим-Халил. Молла-Хамид, Шейх-Салам пишет, что люди из Нухи приедут сегодня к вечеру.

Молла-Хамид. Да, господин, даже раньше.

Молла-Ибрагим-Халил. Молла-Хамид, когда они приедут, прими их почтительно, усади в палатке, распрости, зачем они приехали. Скажут, что приехали с деньгами – купить серебро, ты им ответь, что, мол, учитель отдал всё серебро прежних выплавок акулиским армянам, и всё наличное серебро тоже им продал. А чтобы изготовить эликсир для следующей выплавки, нужен целый месяц. Напрасно, мол, побеспокоили себя приездом. Учитель ни денег у них не возьмёт, ни серебра им не может отпустить. А если они захотят меня видеть, скажи, что учитель уезжал на три дня, молится. И эти три дня он не может ни видеться, ни разговаривать с кем бы то ни было.

Молла-Хамид. Почему вы так изволите говорить, господин? Если я так скажу, они возьмут да уедут с деньгами обратно!

Молла-Ибрагим-Халил. Ну и глуп же ты! Будешь меня учить! Будто я не знаю, что за народ нухинцы! Хоть убей их – не уедут отсюда, пока меня не повидают и денег не отдадут. Как я сказал, так и делай! (Уходит в свою палатку.)

Молла-Хамид (вслед ему). Слушаю, господин!

После этого разговора за два часа до захода солнца появляются нухинцы. Молла-Хамид выходит из своей палатки им навстречу.

Нухинцы (Молла-Хамиду). Салам-aleyкум!

Молла-Хамид. Алейкум-салам! Добро пожаловать, рад вас видеть! Пожалуйте в палатку, посидите, отдохните!

Нухинцы. Мы жаждали повидаться с вами. Как изволите поживать? Как ваше самочувствие?

Молла-Хамид. Слава аллаху, можно ли чувствовать себя плохо в таком живописном месте, в горах? А особенно на службе у такого достойного человека, как Молла-Ибрагим-Халил!

Нухинцы. Таких живописных мест, конечно, можно найти немало, но где найдёшь такого достойного человека, как Молла-Ибрагим-Халил? Скажите, можем ли мы сегодня удостоиться чести лицезреть его милость?

Молла-Хамид. Мой учитель уединился на три дня, он занят молитвой. В эти дни он не может общаться с людьми, разговаривать с ними, даже выходить куда-нибудь. Его можно будет увидеть только через три дня. Но скажите, пожалуйста, что заставило вас причинить себе беспокойство? Только ли желание лицезреть его милость или у вас какая-нибудь иная цель?

Нухинцы. Первое и главное наше желание – это лицезреть его милость. Во-вторых, каждый из нас принёс для его особы ценный подарок, если только он изволит его принять и пролить на нас свое сияние.

Молла-Хамид. Понимаю. Очевидно, вы привезли деньги и желаете получить серебро. Но дело в том, что его милость, Молла-Ибрагим-Халил, не примет от вас денег, потому что всё серебро прошлых плавок и последней плавки он отдал... А эликсир для следующей плавки будет готов только через месяц. Поэтому его милость не может принять деньги и отпустить вам серебро.

Нухинцы. Наша преданность его милости Молла-Ибрагим-Халилу не идёт ни в какое сравнение с преданностью других людей. Мы очень хотели бы лично повидаться с ним.

Молла-Хамид. В таком случае вам придётся подождать три дня, пока его милость кончит свои молитвы. Эти три дня вы будете моими дорогими гостями.

Нухинцы. Очень хорошо, прекрасно!

В этот момент выходит из своего шалаша дервиш Аббас, смуглый, высокого роста мужчина, лет тридцати, с длинными, до плеч, волосами, подстриженной бородой и густыми усами; на голове у него корона, на плечах тигровая шкура; в руке кривой рог, под мышкой большой красный петух. С пронзительным криком: «Я-ху, я-хагг!» он отходит за палатки, и, выбрав удобное место, вонзает в землю кол, трижды громко трубит в свой рог, так, что звук разносится по горам, и привязывает петуха к колу. Затем приятным голосом произносит, нараспев, три двустопишия Саади:

Пришла весна. Спеши-ка насладиться.
Жизнь коротка. Безвестен час конца.
Вставай, проснись, дыши весенним ветром,
Дыханьем розы, щелканьем скворца.
Для мудреца любой листок древесный –
Страница в книге нашего творца.

Потом дервиш снова трижды трубит в рог, расстилает на траве, в десяти шагах от петуха, тигровую шкуру, опять выкрикивает громко и пронзительно: «Я-ху, я-хагг!» – и садится на шкуру, обняв колени. Нухинцы, потрясённые выкриками дервиша и звуками рога, выскакивают из палатки и с беспокойством, пока не умолкает эхо в горах, следят за этой сценой, которая их поражает и наводит на них ужас. Удивлённые всем виденным, они обращаются к Молла-Хамиду.

Нухинцы (Молла-Хамиду). Молла-Хамид, что это за дервиш и что это за петух?

Молла-Хамид (с хохотом). Ха-ха-ха!.. Да, ваш вопрос вполне естествен; ведь вы, бедняги, не ведаете тайн природы, не разбираетесь в алхимии. Травка, входящая главной составной частью в эликсир, растёт в этих горах и известна лишь его милости Молла-Ибрагим-Халилу; по мнению греческих учёных, она вырастает при крике петуха. На дервиша Аббаса возложена обязанность приносить этого петуха. Совершив обряд, свидетелями которого вы были, он каждый вечер привязывает петуха на новом месте. Всю ночь он будет содроствовать и охранять петуха от шакалов и лисиц. Так будет продолжаться до тех пор, пока ночью петух не прокричит и не вырастет травка для эликсира. Охрана петуха доверяется только дервишам и никому другому. Об этом имеется совершенно точное указание в книге «Диво дивностей».

Нухинцы (с изумлением). Великий Аллах! Премудрый Аллах!

Занавес

Действие третье

Присядим там же, в палатке Молла-Ибрагим-Халила. Утром Молла-Ибрагим-Халил с чалмой на голове и длинными чётками в руках сидит,

поджав под себя ноги, на молитвенном коврике и читает молитвы. Его ученик, Молла-Хамид, стоит перед ним со скрещенными на груди руками.

Молла-Хамид. Прикажете, господин, позвать гостей?

Молла-Ибрагим-Халил. Поди позови.

Молла-Хамид, поклонившись, выходит из палатки и возвращается с нухинцами.

Нухинцы (обращаясь к Молла-Ибрагим-Халилу, все вместе). Салам-aleyкум!

Молла-Ибрагим-Халил улыбается и, не меняя положения, медленно раскачивается то в одну, то в другую сторону; отвечает на приветствие, перебирая четки.

Молла-Ибрагим-Халил. Алейкум-салам! Добро пожаловать. Рад вас видеть... Вы доставили себе беспокойство... (Указывает, куда им сесть.)

Один из нухинцев (после того, как все садятся). Счастье лицезреть вашу милость превращает это беспокойство в подлинное блаженство для нас.

Молла-Ибрагим-Халил (с важной улыбкой). Мой ученик, Молла-Хамид, очень доброжелательно отзывался о вас, и я весьма желал познакомиться с вами; только в одном деле не знаю, как и сказать, мне очень неловко перед вами. Молла-Хамид говорит, что вы, кажется, привезли деньги, чтобы получить серебро.

Нухинцы (подобострастно). Да, господин, если вы будете так милостивы.

Молла-Ибрагим-Халил (довольный). Ей-богу, мне даже совестно перед такими дорогими гостями, как вы. Но просителей у меня столь много, что серебро каждой плавки покупается вперёд за месяц и даже за два месяца. ...Серебро следующей плавки – от эликсира, который будет готов к концу этого месяца, – меня упросили продать варташенские евреи. Недавно они уехали за деньгами... Короче говоря, так много желающих до серебра, что мне просто никак нельзя выдержать сроки изготовления эликсира. А ведь вещества, входящие в его состав, должны пролежать в особой глиняной посуде с серной кислотой двадцать дней, причём каждый день надо добавлять в этот сосуд определённое количество свежей серной кислоты. Затем эти вещества ещё десять дней должны пролежать в особой жидкости, называемой в химии красным спиртом. Её ежедневно надо выливать и заменять новой. По окончании этого химического круговорота вещества, входящие в эликсир, развиваются уже под воздействием огня. Так образуется жидкость, которая постепенно застывает и превращается в эластичное тело. Это и есть эликсир, тот самый эликсир, который превращает в чистое серебро энное количество расплавленного простого металла, как, например, меди. В этом и заключается мой секрет... Для его приготовления необходимо тщательно

соблюдать множество условий и правил, которые обыкновенным людям с первого взгляда могут показаться весьма странными и загадочными...

Молла-Хамид (поднимает голову, смотрит на потолок палатки, подпирая подбородок большим пальцем правой руки, с полминуты думает, затем отвечает). Эликсир этот рассчитан на тридцать два пуда; через тридцать дней он будет готов и, будучи примешан к тридцати двум пудам меди, превратит её в чистопробное серебро. Два пуда уйдут на отходы. Таким образом, если принять во внимание количество эликсира и простого металла, к началу будущего месяца мы будем иметь тридцать пудов серебра.

Молла-Ибрагим-Халил. Сколько денег привезли эти господа?

Один из нухинцев. Пять тысяч рублей, господин.

Молла-Ибрагим-Халил. Хорошо. Вот что я думаю сделать, Молла-Хамид. Оказывается, у этих господ небольшая сумма. Им требуется всего десять пудов серебра. У нас остаётся двадцать пудов. Пусть их и заберут евреи, чтобы моё слово не было нарушено. Как ты думаешь, правильно ли я решил? И твоё заступничество за единомышленников уважил, и своё обещание выполняю.

Нухинцы (кланяются с довольным видом). Да приумножит Аллах ваши богатства! Как прикажете? Вручить деньги вашей милости?

Молла-Ибрагим-Халил (слегка мотнув головой, пренебрежительно). Зачем отдавать деньги мне? Где у меня столько свободного времени, чтобы заниматься подобными мелочами? Деньги пересчитайте и отдайте Молла-Хамиду, а через тридцать дней снова приезжайте сюда и забирайте свои десять пудов серебра. Прощайте! Близится час полуденной молитвы.

Нухинцы (удовлетворённые, кланяются). Да продлит Аллах вашу жизнь и умножит ваши богатства! (Выходят из палатки.)

Действие четвёртое

Происходит там же в назначенный тридцатый день. Раннее утро. Вдали показываются нухинцы.

Молла-Ибрагим-Халил. Молла-Хамид, скорее носи из палатки ручной горн, глиняный котёлок и маленький мех. Поставь горн на землю, приделай к нему мех, разведи огонь, поставь котелок на огонь...

После того, как все распоряжения исполнены, Молла-Ибрагим-Халил железными щипцами укрепляет котелок на огне. В этот момент из-за палатки показываются нухинцы, спешившиеся в отдалении. Молла-Ибрагим-Халил, занятый своим делом, «не замечает» нухинцев. Но те, застав Молла-Ибрагим-Халила за работой, приходят в возбуждение и громкими радостными голосами приветствуют его.

Нухинцы. Салам-aleyкум!..

Молла-Ибрагим-Халил (подняв голову). Алейкум-салам! Ах, зачем вы явились сюда сегодня? Что вы наделали со мной? В какую беду вы ввергли меня! Я хотел сделать вам добро, а вы свели на нет все мои труды! Вай, вай! Ах, ах, ах...

Нухинцы (удивлённо). Что случилось, господин? В чём мы провинились? Что мы сделали?

Молла-Ибрагим-Халил (в отчаянии). Что вы могли сделать хуже? Вы появились здесь в тот самый момент, когда окончательно образуется эликсир и вещество вскипает в котелке. Одна из особенностей эликсира – чтобы во время его кипения в котелке на целую милю вокруг не было ни одного постороннего человека. В противном случае он потеряет свои свойства, взлетит в воздух и пропадёт. Об этом имеется совершенно точное указание Саккаки – покровителя джиннов. Разве по доброй воле я удалился в такое безлюдное место, вдали от благоустроенных селений?

Нухинцы (с удивлением). Мы прибыли сюда, господин, по личному вашему повелению. Сегодня кончается тридцатый день.

Молла-Ибрагим-Халил. Но я ведь вам сказал – через тридцать дней. Это значит, что вы должны были оставаться дома тридцать дней и приехать сюда на тридцать первый день, когда эликсир был бы уже готов и серебро извлечено из горна. А вы приехали на тридцатый день, в тот самый момент, когда эликсир варится в котелке. Ах, ах, ах!..

Нухинцы. Так уж случилось. Мы не знали этого. Как же теперь быть? Чем можно помочь?

Молла-Ибрагим-Халил. Теперь ничем не поможешь. И эликсир не образуется, и серебро не получится, разве только вы... Имеется единственное средство...

Нухинцы. Что мы должны сделать, господин? Какое это средство?

Молла-Ибрагим-Халил. Теперь, раз уж вы приехали, надо, чтобы вы не удалялись отсюда, пока варится в котелке эликсир. Этого требуют законы алхимии. Но только вот что: если вы желаете себе добра и не хотите, чтобы пропали мои труды, потраченные для вашей же пользы, вы не должны думать об обезьяне и ожидать, пасти обезьяний облик до той минуты, пока не образуется эликсир и не будет извлечён из котелка; он варится уже час и будет вариться еще два часа. Вот единственное средство. Иначе эликсир, над приотвешением которого я неустанно тружусь целый месяц, в мгновение испарится. Такова его особенность, подробно описанная в трактате по алхимии учёного Чуллу-хакима, неоднократно убеждавшегося в этом на собственном опыте.

Нухинцы (ободованные – средство показалось им очень простым, – все вместе). Прекрасно, господин! Это очень легко исполнимо. Как хорошо, что образование эликсира зависит только от этого.

Ага-Заман. Нет ли другого средства, господин, кроме этого?

Молла-Ибрагим-Халил. Кроме чего?

Ага-Заман. Кроме обезьяны?

Молла-Ибрагим-Халил. О чём ты? Что ты говоришь? Ужас!..

Ага-Заман. Но что мне делать, господин? Я никак не могу не думать об обезьяне!

Молла-Ибрагим-Халил (в гневе). Молчи же!.. Забуди!

Ага-Заман. Слушаюсь, господин!

Молла-Салман. Все звери в горах превратились в обезьян с длинными хвостами, пляшут у меня перед глазами, наступают на меня. Не знаю, как быть, куда бежать. Уф, проклятые обезьяны! Проклятые уроды!..

Другие нухинцы (подняв головы). Уф, проклятые обезьяны! Проклятые уроды! Вот несчастье!..

Молла-Ибрагим-Халил быстро бросает в котелок какое-то вещество. Нухинцы, поднявшие головы вверх, ничего не видели. Внезапно из котелка во все стороны вылетают, как пули, искры, котелок взрывается. Мнимый эликсир вспыхивает, словно порох, ярким пламенем. Дым окутывает всё вокруг. Молла-Хамид в ужасе отскакивает от горна. Молла-Ибрагим-Халил обеими руками рвёт бороду, бьёт себя по коленям и вопит.

Молла-Ибрагим-Халил (кричит на нухинцев). Да разрушит Аллах ваши дома! Что вы наделали? Пусть ваши двери будут всегда закрыты! (Рвёт на голове волосы, бьёт себя по коленям.)

Нухинцы. Успокойтесь, господин! Успокойтесь! Того, что предопределено, не избежать! Скажите лучше, что теперь нам делать?

Молла-Ибрагим-Халил (в сильной досаде). Что нам делать? Вот что: сейчас же, пока не село солнце, отправляйтесь в ближайшее село — до окончания образования новой порции эликсира, то есть тридцать один день прождите там и снова вернитесь сюда, получите серебро, причитающееся вам за ваши небольшие деньги в пять тысяч рублей, которые уже полностью потрачены на необходимые материалы. Одно условие: не являться до тех пор, пока я заблаговременно не дам вам знать. Как бы вы не ошиблись опять в счёте дней, а то я, как всегда, раньше, чем образуется эликсир, и пропадёт он так же, как этот. И причитающемуся вам серебру я добавлю и проценты за ваши деньги — мне ничего не стоит дать вам лишний кусок серебра, а для вашего брата и копейка — деньги! Прощайте и ждите моего оповещения! (Уходит в свою палатку, тихо говорит про себя.) Тешьте себя надеждой, что я пошлю вам оповещение... Аллах даст, до того времени я найду средство, чтобы больше не встречаться с вами.

Нухинцы в недоумении застыли на месте.

Занавес

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Кто, по-вашему, является положительным героем комедии и выразителем просветительских идей? Почему он присутствует только в первом действии?
2. Каким показан в комедии поэт Хаджи-Нури?
3. Представители каких сословий мечтают о лёгком обогащении и как это их характеризует?
4. Начало какого произведения напоминает пьеса М. Ф. Ахундзаде? Есть ли ещё что-либо общее между этими произведениями?
5. Какие человеческие пороки резко критикует М. Ф. Ахундзаде?
6. Можно ли утверждать, что «зло» в финале комедии наказано? Как, по-вашему, можно закончить комедию? Придумайте свой вариант развития событий.
7. Инсценируйте понравившийся вам эпизод.

Памятник
М.Ф. Ахундзаде в Баку

Памятник
М.Ф. Ахундзаде в Тбилиси

Это интересно!

В 1873 году Мирза Фатали Ахундзаде на основе латинской графики составил приспособленный к звуковым особенностям азербайджанского языка алфавит, полностью заменявший старый арабский.

ОБОБЩИМ ИЗУЧЕННОЕ

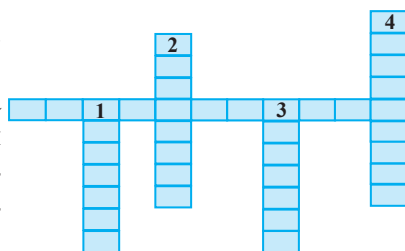
1. Как вы считаете, комедии Н. В. Гоголя и М. Ф. Ахундзаде относятся к сатирическим или юмористическим произведениям? Обоснуйте своё мнение.
2. Сравните произведения «Ревизор» и «Молла-Ибрагим-Халил, алхимик, обладатель философского камня». Составьте диаграмму Венна.
3. Посоревнуйтесь, кто лучше изобразит «немую сцену» и прокомментирует позы персонажей.
4. Викторина для самых внимательных: 1) Сколько детей было у Земляники? Назовите их имена. 2) Как называлась деревня Саратовской губернии, куда направлялся Хлестаков? 3) Что приснилось городничему накануне знакомства с Хлестаковым? 4) Как фамилия приятеля Хлестакова, которому он послал

письмо? 5) Какой отрезок времени охватывает действие комедии?

5. Разгадайте кроссворд.

По горизонтали: драматическое искусство, совокупность драматических произведений.

По вертикали: 1) род деятельности Молла Ибрагим-Халила; 2) название рыбы, которая понравилась Хлестакову; 3) источник благополучия, по мнению Хаджи-Нури; 4) попечитель богоугодных заведений.

V. «СМЕЯТЬСЯ, ПРАВО, НЕ ГРЕШНО НАД ТЕМ, ЧТО КАЖЕТСЯ СМЕШНО» (Н. М. КАРАМЗИН)

АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ (1860-1904)

«Он был гостеприимен, как магнат¹. Хлебо- сольство у него доходило до страсти, – писал о Чехове русский писатель К. И. Чуковский. – Стоило ему поселиться в деревне, и он тотчас приглашал к себе кучу гостей. Многим это могло показаться безумием: человек только что выбился из многолетней нужды, ему приходится таким тяжким трудом содержать всю семью: и мать, и брата, и сестру, и отца, у него нет ни гроша на завтрашний день, а он весь свой дом сверху донизу набивает гостями, и кормит их, и развлекает, и лечит! Чувство юмора никогда не подводило его. Какой-то недоброжелатель написал стишки, в которых называл писателя «ветеринарным врачом», хотя, как иронично утверждал Чехов, он никогда его не лечил. Вокруг него всегда была атмосфера веселья, домашних театральных импровизаций, придумывания смешных прозвищ. «Из меня ... шкет прут, как нефть из бакинских недр!» – писал Чехов.

В своих юмористических рассказах, в которых смешное сопровождалось лёгкой грустью, писатель высмеивал всё дурное: лицемерие, грубость, трусость, наглость сильных и унижение слабых, глупость и равнодушие. Многие рассказы писателя занимают не больше нескольких страниц. Нужно было обладать огромным талантом, чтобы кратко и просто, изображая мелочи, передать глубокое содержание и характеры людей своего времени.

¹ Магнат – здесь: богатч.

ЗЛОУМЫШЛЕННИК

Перед судебным следователем стоит маленький, чрезвычайно тощий мужичонко в пестрядинной¹ рубаше и латаных портах². Его обросшее волосами и изъеденное рябинами лицо и глаза, едва видимые из-за густых, нависших бровей, имеют выражение угрюмой суровости. На голове целая шапка давно уже нечёсанных, путаных волос, что придаёт ему ещё большую, паучью суровость. Он бос.

– Денис Григорьев! – начинает следователь. – Подойди поближе и отвечай на мои вопросы. Седьмого числа сего июля железнодорожный сторож Иван Семёнов Акинфов, проходя утром по линии, на 141-й версте, застал тебя за отвинчиванием гайки, коей рельсы прикрепляются к шпалам. Вот она, эта гайка!.. С каковою гайкой он и задержал тебя. Так ли это было?

– Чаво?

– Так ли всё это было, как объясняет Акинфов?

– Знамо, было.

– Хорошо; ну, а для чего ты отвинчивал гайку?

– Чаво?

– Ты это своё «чаво» брось, а отвечай на вопрос: для чего ты отвинтил эту гайку?

– Коли б не нужна была, не отвинчивал бы, – хрипит Денис, косясь на потолок.

– Для чего же тебе понадобилась эта гайка?

– Гайка-то? Мы из гаек грузила делаем...

– Кто это – мы?

– Мы, народ... Климовские мужики, то есть.

– Послушай, братец, не прикидывайся ты мне идиотом, я говорию толком. Нечего тут про грузила врать!

– Отродясь не врал, а тут вру... – бормочет Денис, мигая глазами. – Да нешто, ваше благородие, можно без грузил³? Ежели ты живца⁴ или выполозка⁵ на крючок сажаешь, то нешто он пойдёт ко дну без грузила?

¹**Пестрядинный** – сшитый из грубой льняной или хлопчатобумажной ткани из разноцветных ниток.

²**Порты** – то же, что штаны.

³**Грузило** – небольшой груз, подвешиваемый к чему-либо, погружаемому в воду (к концу удочки, к сети и т.д.).

⁴**Живцы** – мелкая живая рыба, используемая для насадки на рыболовные крючки в качестве наживки при ловли хищной рыбы.

⁵**Выползок** – наружный покров насекомого, гусеницы или наружный слой кожи змеи, сброшенный во время линьки.

Вру... – усмехается Денис. – Чёрт ли в нём, в живце-то, ежели поверху плавать будет! Окунь, щука, налим завсегда на донную¹ идёт, а которая ежели поверху плавает, то ту разве только шилишпер² схватит, да и то редко... В нашей реке не живёт шилишпер... Эта рыба простор любит.

– Для чего ты мне про шилишпера рассказываешь?

– Чаво? Да ведь вы сами спрашиваете! У нас и господа так ловят. Самый последний мальчишка не станет тебе без грузила ловить. Конечно, который непонимающий, ну, тот и без грузила пойдёт ловить. Дураку закон не писан...

– Так ты говоришь, что ты отвинтил эту гайку для того, чтобы сделать из неё грузило?

– А то что же? Не в бабки ж играть!

– Но для грузила ты мог взять свинец, пулю... гвоздик какой-нибудь...

– Свинец на дороге не найдёшь, купить надо, а гвоздик не годится. Лучше гайки и не находить... И тяжёлая, и дыра есть.

– Дураком каким прикидывается! Точно вчера родился или с неба упал. Разве ты не понимаешь, глупая голова, к чему ведёт это отвинчивание? Не догляди сторож, так ведь поезд мог бы сойти с рельсов, людей бы убило! Ты людей убил бы!

Денис усмехается и недоверчиво щурит на следователя глаза.

– Ну! Уж сколько лет всей деревней гайки отвинчиваем и хранил господь, а тут крушение... людей убил... Ежели б я рельсу унёс или, положим, бревно поперёд ейного пути положил, ну, тогда, пожалуй, своротило бы поезд, а то... тьфу! гайка!

– Да пойми же, гайками прикрепляется рельса к шпалам!

– Это мы понимаем... Мы ведь не все отвинчиваем... оставляем... Не без ума делаем... понимаем...

Денис зевает и крестит рот.

– В прошлом году здесь сошёл поезд с рельсов, – говорит следователь. – Теперь понятно, почему...

– Чего изволите?

– Теперь, говорю, понятно, отчего в прошлом году сошёл поезд с рельсов... Я понимаю!

– На то вы и образованные, чтобы понимать, милостивцы наши... Господь знал, кому понятие павал. Вы вот и рассудили, как и что, а сторож тот же мужик, без всякого понятия, хватает за шиворот и тащит... Ты рассуди, а потом и тащи! Сказано – мужик, мужицкий и ум... Запишите

¹Донный – находящийся на дне водоёма.

²Шилишпер – речная рыба, которая хлопает хвостом по воде.

также, ваше благородие, что он меня два раза по зубам ударил и в груди.

– Когда у тебя делали обыск, то нашли ещё одну гайку... Эту в каком месте ты отвинтил и когда?

– Это вы про ту гайку, что под красным сундучком лежала?

– Не знаю, где она у тебя лежала, но только нашли её. Когда ты её отвинтил?

– Я её не отвинчивал, её мне Игнашка, Семёна кривого сын, дал. Это я про ту, что под сундучком, а ту, что на дворе в санях, мы вместе с Митрофаном вывинтили.

– С каким Митрофаном?

– С Митрофаном Петровым... Нешто не слыхали? Невода у нас делает и господам продаёт. Ему много этих самых гаек требуется. На каждый невод, почитай, штук десять...

– Послушай... 1081 статья уложения о наказаниях говорит, что за всякое с умыслом учинённое повреждение железной дороги, когда оно может подвергнуть опасности следующий по сей дороге транспорт и виновный знал, что последствием сего должно быть несчастие... понимаешь? Знал! А ты не мог не знать, к чему ведёт это отвинчивание... он приговаривается к ссылке в каторжные работы.

– Конечно, вы лучше знаете... Мы люди тёмные... нешто мы понимаем?

– Всё ты понимаешь! Это ты врёшь, прикидываешься!

– Зачем врать? Спросите на деревне, коли не верите... Без грузила только уклею ловят, а на что хуже пескаря, да и тот не пойдёт тебе без грузила.

– Ты ещё про шилишпера расскажи! – улыбается следователь.

– Шилишпер у нас не водится... Пушаем леску без грузила, поведем воды на бабочку, идёт голавль, да и то редко.

– Ну, молчи...

Наступает молчание. Денис переминается с ноги на ногу, глядит на стол с зелёным сукном и усиленно мигает глазами, словно видит перед собой не сукно, а солнце. Следователь бистро пишет.

– Мне идтить? – спрашивает Денис после некоторого молчания.

– Нет. Я должен взять тебя под стражу и отослать в тюрьму.

Денис перестаёт мигать и, приподняв свои густые брови, вопросительно глядит на чиновника.

– То есть, как же в тюрьму? Ваше благородие! Мне некогда, мне надо на ярмарку; Егора три рубля за сало получить...

– Молчи, не мешай.

– В тюрьму... Было б за что, пошёл бы, а то так... здорово живёшь...

За что? И не крал, кажись, и не дрался... А ежели вы насчёт недоимки сомневаетесь, ваше благородие, то не верьте старосте... Вы господина непрямого члена спросите... Креста на нём нет, на старосте-то...

– Молчи!

– Я и так молчу... – бормочет Денис. – А что староста набрехал в учёте, это я хоть под присягой... Нас три брата: Кузьма Григорьев, стало быть, Егор Григорьев и я, Денис Григорьев...

– Ты мне мешаешь... Эй, Семён! – кричит следователь. – Увести его!

– Нас три брата, – бормочет Денис, когда два дюжих солдата берут и ведут его из камеры. – Брат за брата не ответчик... Кузьма не платит, а ты, Денис, отвечай... Судьи! Помер покойник барин-генерал, царство небесное, а то показал бы он вам, судьям... Надо судить умеючи, не зря... Хоть и высеки, но чтоб за дело, по совести...

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Уточните значение незнакомых слов по словарю.
2. Составьте план рассказа.
3. Найдите в рассказе слова с ошибками. Как образ Дениса раскрывается благодаря этим словам? Проанализируйте его речь и портрет. Составьте характеристику Дениса.
4. Считаете ли вы Дениса Григорьева виновным и заслуживающим тюремного наказания? Понимает ли он, в чём его обвиняют?
5. Как по-вашему, на чьей стороне писатель – следователя, олицетворяющего закон, или тёмного мужика? Кто виновен в «дремучести» Дениса Григорьева?
6. Опровергните или докажите правильность утверждения «Денис Григорьев – единственный «злоумышленник» в рассказе Чехова».
7. Определите тему и идею рассказа. Является ли он юмористическим?
8. Актуален ли рассказ сегодня? Обоснуйте своё мнение.
9. Проведите по данной ссылке <http://chekhov-yalta.org/rus/index.html> виртуальную экскурсию в дом-музей А. П. Чехова. Подготовьте презентацию.

Это интересно!

А. П. Чехов писал в письме брату Александру: «Краткость – сестра таланта». В этой связи интересен факт из истории французской литературы. Когда А. Дюма писал роман «Три мушкетёра», издатель оплачивал каждую строчку рукописи. Чтобы увеличить гонорар, писатель придумал слугу Атоса по имени Гримо, который отвечал на все вопросы «да» или «нет». Продолжение романа «Двадцать лет спустя» оплачивалось пословно, и Гримо стал более разговорчивым.

ДЖАЛИЛ МАМЕДГУЛУЗАДЕ (1866-1932)

Джалил Гусейнгулу оглу Мамедгулузаде – азербайджанский писатель-сатирик, просветитель и журналист. Первоначальное образование он получил в медресе. Значительным событием в жизни Мамедгулузаде стало обучение в Закавказской учительской семинарии в Гори, мусульманским отделением которой руководил педагог и выдающийся общественный деятель А. О. Черняевский. В 1906 году писатель основал сатирический журнал «Молла Насреддин», редактором которого являлся на протяжении 25 лет. Этот журнал стал большим вкладом писателя в азербайджанскую культуру.

Художественное творчество Дж. Мамедгулузаде включает в себя рассказы, повести, новеллы, драмы и публицистику. Наиболее значительное его произведение – цикл повестей «События в селении Данабаш». Писатель написал также такие произведения, как «Мертвецы», «Кяманча», «Школа селения Данабаш». Дж. Мамедгулузаде обращался к жизни народа, выступая против всего, что оскорбляло человеческое достоинство. Оружие писателя – смех, его различные формы и проявления. Нередко это смех сквозь слёзы, так как писатель рассказывает об угнетённых суевериями и предрассудками простых, добрых людях, которые честно трудятся, чтобы прокормить свои семьи. Именем писателя названы город Джалилабад, драматический театр в Нахчыване, улицы в различных городах Азербайджана.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Было двенадцатое ноября. Холода уже наступили, но снег ещё не выпал.

Последний раз осмотрев больную жену Велихана врач заявил, что здоровье её окрепло и через неделю можно ехать.

Хан, у которого были срочные дела в Эривани, очень спешил. Кроме того, он боялся, как бы наступившие холода не задержали переезда больной.

Хан взял перо и написал в Эривань своему другу Джафар-аге коротенькое письмо:

«Милый мой! Я собираюсь через неделю выехать с семьёй в Эривань. Везу больную жену, поэтому очень-очень прошу тебя – загляни в мою квартиру, прикажи проветрить комнаты, разостлать ковры и протопить печи. Ответ сообщи по телеграфу. Все твои поручения я выполнил. До скорого свидания!

Твой друг Велихан». Хан вложил письмо в конверт, наклеил марку, написал адрес и хотел было позвать слугу, чтобы тот отнёс письмо

на почту, но вспомнил, что отправил слугу по другому делу. В этот момент постучали в ворота; хан вышел во двор и увидел крестьянина Новрузали из селения Иткапан. Новрузали частенько навещал хана, и не было случая, чтобы не привозил с собой каких-нибудь продуктов: муку, домашнюю лапшу, мёд, масло. И на этот раз он явился не с пустыми руками.

Увидев хана, он приставил палку к стене и стал открывать вторую половину ворот. Затем, покрикивая: «Чош, чош!» – ввёл во двор нагруженного ослика и стал снимать с него мешки и пищавших цыплят. Поставив мешки у стены, он поднял глаза на хана и низким поклоном приветствовал его.

– Послушай, Новрузали, ну зачем ты беспокоился? – сказал хан, отвечая на приветствие.

– Что ты, хан! Какое же это беспокойство? Я твой слуга до самой смерти, ответил тот, стряхивая с себя пыль.

«Не поручить ли Новрузали отнести письмо на почту?» – подумал хан.

Был уже полдень, и почту должны были скоро отправить.

– Новрузали, ты знаешь, где почта? – спросил хан.

– Откуда мне, мужику, знать про пошт, хан? – ответил Новрузали.

– Ну тогда, может, знаешь, где помещается управление начальника?

– Знаю, хан, как не знать. Ещё на прошлой неделе я принес жалобу начальнику с жалобой на старшину. Клянусь твоей головой, хан, сильно притесняет нас старшина... И то сказать, человек он старый, недолюбливает нас. На прошлой неделе пропало у меня двое телят, я и пошёл...

– погоди, об этом после расскажешь. Сейчас слушай, что я тебе скажу. Как раз напротив управления начальника стоит большой дом, у дверей этого дома, на стене, висит ящик. Это – почтовый ящик; у него маленькая, длинная крышка... Так вот, беги туда с этим письмом, подними крышку, опусти письмо в ящик и быстренько возвращайся.

Новрузали робко взяв обеими руками письмо, оглядел его, поднял глаза на хана, затем, отойдя к стене, наклонился, собираясь положить письмо на землю.

– Ну куда же туда, – крикнул хан, – запачкаешь! Беги скорей, опусти в ящик и возвращайся.

– Дорогой хан, позволь только повесить на голову осла мешок с овсом. Ведь какой путь он прошёл, устал, проголодался.

– Нет, нет! Ничего с твоим ослом не случится! Письмо запоздает... После успеешь покормить.

– Тогда позволь хоть привязать его за ногу, а то он обгрызёт кору на деревьях.

– Нет, нет, после. Сейчас беги! Скорее опусти письмо!.. Новрузали бережно положил письмо за пазуху.

– Хан, – сказал он, – цыплята связаны. Позволь развязать их и накормить. Корм я прихватил с собой.

И он полез в карман за кормом, но хан остановил его:

– Брось, брось всё это, скорее беги с письмом... Новрузали взял палку и вприпрыжку, как ребёнок, побежал к воротам. Вдруг, вспомнив что-то, он остановился и обернулся к хану.

– Ой, хан, милый! Там в платке яйца, следи за ослом, а то ляжет и раздавит их.

Хан начал терять терпение.

– Будет тебе болтать!.. Беги, не то опоздаешь!

Новрузали побежал.

– Новрузали! – крикнул хан ему вслед. – Смотри, никому не отдавай и не показывай письма, опусти в ящик и живо возвращайся.

– Что я, ребёнок, что ли, – ответил на ходу Новрузали, – за кого ты меня принимаешь? Сам начальник не отнимет у меня письма! – и скрылся за углом.

Хан вернулся в комнату.

– Ну, свет моих очей, готовься к отъезду, – ласково сказал он жене. – Я написал в Эривань, чтобы квартиру привели в порядок. Благодарение Аллаху, здоровье у тебя улучшилось... Наконец-то можем ехать. И врач находит, что перемена климата поможет тебе.

Пока хан беседовал с женой о поездке, вернулся слуга и доложил:

– Хан, там чей-то осёл и мешки.

– Убери мешки. Это привёз нам Новрузали из Иткапана, – ответил хан.

Слуга отнёс цыплят и яйца на кухню. Осла отвёл в конюшню. Затем развязал мешок, взял щепотку муки и принёс показать хану.

– Хорошая, хан, мука, белая...

Тот посмотрел на муку и велел подавать обед. Только после обеда, который длился два часа, Велихан вспомнил о Новрузали. Он позвал слугу. Оказалось, что Новрузали ещё не возвращался. Хан удивился, но решил, что Новрузали, очевидно, опустил письмо и отправился на базар купить хлеба и поесть, или сделать покупки для дома. Прошёл ещё час.

Новрузали всё не было. Тогда хан послал слугу на почту узнать, куда пропастился Новрузали. Не прошло и получаса, как тот возвратился и сообщил, что Новрузали нигде не видно.

Хан вышел на террасу и закурил папиросу.

«Должно быть, беда с Новрузали приключилась, иначе он бы не задержался так долго», – думал хан, прохаживаясь.

В это время во двор вошёл полицейский.

– Пристав просит вас пожаловать к нему и поручиться за вашего крестьянина, не то его отправят в тюрьму, – сказал он хану.

Это сообщение ошеломило хана. Минуту он молча смотрел на полицейского, не зная, что сказать.

– Этот крестьянин – безобиднейший человек, – проговорил наконец хан. – За что его арестовали?

– Я ничего не знаю, – ответил полицейский. – Пожалуйте в управление, там вам объяснят.

Быстро одевшись и ничего не сказав жене, чтобы зря её не волновать, хан отправился в полицейское управление. Проходя мимо помещения с арестованными, он заглянул в окно и среди других арестантов увидел беднягу Новрузали, который забился в угол и плакал, как ребёнок, вытирая слёзы полою чохи¹.

Узнав от пристава подробности дела и поручившись за Новрузали, хан повёл его к себе домой.

Войдя во двор, Новрузали первым делом нацепил на голову осла мешок с овсом, затем присел у стены и принялся плакать. Хан прошёл в комнату, закурил папиросу и, выйдя на террасу, позвал крестьянина.

– Ну, Новрузали! Расскажи теперь, что с тобой приключилось. Это очень забавная история! О ней можно в книге написать. Рассказывай подробно, от начала до конца!.. Ничего не пропускай. Начиная с того, как ты ушёл отсюда с письмом и как потом попал в полицию.

Новрузали встал, подошёл к хану и, вытирая слёзы полою² чохи, начал рассказывать:

– Умоляю тебя, хан, прости меня, ради детей твоих! Я ни в чём не виноват. Я – бедный крестьянин. Отпусти мне знать, что такое письмо, или ящик, или пошт? Молю тебя, пожалей, не губи. Если останусь жив, отблагодарю тебя за всё. Сомнешил, правда, но что же делать! Видно, уж такова воля Аллаха! Досудной смерти буду твоим рабом...

С этими словами он подошёл к хану ещё ближе и нагнулся, чтобы

¹Чоха – (турец.) важная одежда с широкими откидывающимися рукавами.

²Поло – одна из половинок, нижний край каждой из половинок распахивающейся спереди одежды (например, пиджака и др.).

поцеловать его ногу.

– Не огорчайся, Новрузали! Я ни в чём не упрекаю тебя. Да и что ты сделал мне дурного, чтобы я сердился на тебя?

– Хан, умоляю тебя! Что я мог сделать ещё хуже? Этот гяур, сын гяура, взял твоё письмо, положил в карман и унёс.

– Какой гяур?

– Да тот русский, сын гяура.

– Куда же он унёс письмо?

– А в тот самый большой дом, что с ящиком на стене. Прямо в этот дом и вошёл. Хан задумался.

– А разве ты не опустил письмо в ящик?

– Как не опустил! Только я опустил письмо, как появился вдруг этот гяур, каким-то образом открыл ящик, взял письмо и ушёл.

– А в ящике разве не было других писем?

– Как не было! Было много писем, он всё и забрал...

Хан расхохотался.

– Нет, Новрузали! Расскажи-ка всё подробно, от начала до конца, как ты отнёс письмо, как опустил его в ящик и как подрался с этим русским.

– Дорогой хан! – начал Новрузали. – Взял я твоё письмо и прямехонько отправился к канцелярии начальника. Нашёл тот самый дом, о котором ты рассказывал. Подошёл и поднял крышку ящика на стене. Хотел опустить письмо, но не решился. Взглянул на письмо, на ящик, задумался: прогневить тебя страшно. Стою и не знаю: бросить письмо в ящик или нет. Запомнил, как быть после того, как опущу письмо в ящик, вернуться обратно или стоять там. Подумал, если опустить письмо и дожидаться, то до каких же пор? Ведь сам ты видел, хан, что я оставил во дворе голодного осла, связанных на плетнях мешки с мукой. Они до сих пор ещё там; позволь, хан, позвать слуг и перенести мешки в дом, а то пойдёт дождь, намочит муку.

– Оставь, Новрузали, без тебя всё сделают. Рассказывай, что было дальше.

– Не решился я опустить письмо. Закрыв крышку ящика, отошёл, стою в стороне. Хотел было вернуться и переспросить тебя. Но, говоря по правде, испугался твоего гнева. Боялся, что ты подумаешь обо мне: «Экое животное этот Новрузали, какой ишак!» Ну, присел я на корточки у стены отдохнул немного. Вдруг смотрю какой-то мальчик лет двенадцати-тринадцати идёт прямо к ящику, поднимает крышку и бросает туда письмо, похожее на твоё. Закрыв крышку и ушёл. Сколько я ни звал этого бессовестного мальчишку, сколько ни спрашивал, как же он оставляет письмо и уходит, он ничего не ответил... Не понял

меня, что ли, даже не оглянулся. Не успел отойти мальчик, как быстро подбежала русская женщина, тоже опустила письмо и ушла. Тогда я осмелел, думаю: видно, письма и должны остаться в ящике. И так расхрабрился, что, прочитав молитву, смело подошёл к ящику, поднял крышку и опустил письмо. Повернулся, чтобы идти назад. Но в это время к ящику подошёл какой-то русский. Сначала я подумал, что он тоже хочет опустить письмо, но смотрю, не-ет! У плута совсем другие намерения: он запустил правую руку в ящик. Тут я смекнул, что каналья¹ хочет утащить письма... Прости меня, хан, я надоедаю тебе болтовней... Прикажи слуге отпустить меня, уже поздно, не успею к вечеру домой.

– Да куда я отпущу тебя? Рассказывай дальше!

– Хан, пусть мои сироты будут принесены в жертву ради твоего блага! Чтоб мне ни одного дня не прожить без тебя! Да... вижу, этот плут, не стесняясь, выгребает письма из ящика. Потом закрывает ящик и хочет улизнуть. Тут я подскочил к нему, схватил за руку и говорю: «Ты куда это, голубчик, тащишь письма? Люди оставили их здесь не для того, чтобы ты уносил: сейчас же без всяких разговоров положи их на место, не то!.. Новрузали ещё не умер, не позволит, чтобы ты украл письмо его господина. Нехорошо поступаешь. Зачем тянуться к чужому добру? Разве в вашем шариате воровство не считается грехом?..» Хан, прошу тебя! Отпусти меня, а то уже поздно, темнеет.

– Да не спеши, успеешь. Рассказывай, что было дальше...

– Да... на чём же я остановился? Да... Эй, эй! Держи, держи! Осёл переломает виноградники...

Новрузали кинулся было к ослу, но хан удержал его.

– Так на чём я остановился? Да... Как ни уговаривал я его, как ни просил, ни умолял, как ни уверял, что хан убьёт меня, как ни требовал, чтобы он вернул хоть письмо хана, упёрся, проклялся, но что не хочет отдавать... Вижу: решил он убежать с письмами. И тут ударил мне в голову. Схватил я гура за плечи и так грохнул о землю, что у него кровь изо рта пошла. Бросились на меня люди из канцелярии начальника, стали избивать, потом потащили в тюрьму. Что мне погибнуть у твоих ног! Не миновать бы мне Сибири, если бы ты не наступился. В тюрьме ещё несколько арестованных сидело, они мне сказали, что я избил русского чиновника. Ну, а что мне было делать?! Суди сам, виноват ли я...

Хан долго смеялся, долго и раскатисто хохотал.

Было уже темно.

Новрузали голодный, кинул пустые мешки на голодного осла и, погоняя его изогнутой палкой, поплёлся обратно домой. На третий

¹ каналья – плут, мошенник.

день хан получил из Эривани телеграмму: «Письмо получил. Квартира готова». Хан собрался и уехал в Эривань. Через полтора месяца Новрузали вызвали в суд и за оскорбление государственного чиновника при исполнении служебных обязанностей присудили к трём месяцам тюремного заключения. Своей вины Новрузали не признал. Прошёл ещё месяц, и это известие дошло до Эривани. Узнав о происшедшем, хан немного призадумался...

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Определите значение незнакомых слов по словарю.
2. Как отреагировал Велихан, когда Новрузали пожаловался на старосту?
3. Почему Новрузали не сразу спешит выполнить распоряжение хана?
4. Как вы считаете, Велихан – бессердечный или равнодушный человек? Объясните разницу между этими понятиями. Обоснуйте своё мнение.
5. Узнав о том, что случилось с Новрузали, хан считает, что «это очень забавная история». Согласны ли вы с ним? Объясните, почему.
6. Какие чувства вызывает у вас поступок Новрузали? Осуждаете ли вы его за жестокость по отношению к чиновнику?
7. Существует выражение «смех сквозь слёзы». Как вы считаете, отражает ли оно чувства, которые вызывает рассказ?
8. Что общего между рассказами «Почтовый ящик» и «Злоумышленник»?
9. Найдите в Интернете или в библиотеке информацию о журнале «Молла Насреддин». Подготовьте презентацию.

Кабинет Дж. Мамедгулузаде.

Это интересно!

Книга «Родные дали» («Родная речь») А. О. Черняевского около 40 лет, с 1882 по 1920 год, была основным учебником азербайджанских детей. Имя А. О. Черняевского названа школа № 1 посёлка Мараза Гобустанского района.

ДЖЕРОМ КЛАПКА ДЖЕРОМ (1859-1927)

Совет писать о том, что хорошо знаешь, юный Джером получил от знаменитого американского поэта Г. У. Лонгфелло, которому в минуту отчаяния написал письмо о том, что двери редакций остаются для него закрытыми. Маститый поэт успокоил молодого человека и вселил в него надежду. Что сын предпринимателя-неудачника, получивший плохое образование и рано оставшийся сиротой, знал лучшего всего? Джером работал в театре и поэтому написал серию рассказов о жизни актёров.

Следующую и лучшую свою книгу «Трое в лодке, не считая собаки» он также написал по собственным впечатлениям от поездки по Темзе, которую совершил с двумя друзьями: фотографом Карлом Хенчелом (в книге Гаррис) и банковским служащим Джорджем Вингреем. Сам он выступал в книге под именем Джет (по первой букве своего имени). А вот собаки никакой не было. Собаку, по кличке Монморанси, ему подарили в России, куда он приехал, будучи уже прославленным писателем.

«Трое в лодке, не считая собаки» — изумительная книга с замечательным юмором. Её замысел заключался в том, что это должна была быть историческая книга с юмористическими вставками. Однако в итоге получилась юмористическая книга с историческими вставками, тоже, впрочем, достаточно ироничными. Композиция этого произведения весьма необычна, потому что в нём много вставных эпизодов, ставших самостоятельными рассказами.

ТРОЕ В ЛОДКЕ, НЕ СЧИТАЯ СОБАКИ

(Отрывок)

Как дядюшка Поджер вешал картину

В этом — весь Гаррис; он охотно берёт самое тяжёлое время и безропотно взваливает его на чужие плечи. Он всегда приводит мне на память моего бедного дядюшку Поджера. Говорю, что вы в жизни не видавали такой кутерьмы, какая поднималась в доме, когда дядя Поджер брался сделать что-нибудь по хозяйству. Привозят, например, от столяра картину в новой раме и пока её не повесили, прислоняют к стене в столовой; тётушка Поджер спрашивает, что с ней делать, и дядюшка Поджер говорит: «Ну, это уж предоставьте мне! Пусть никто, слышите — никто, об этом не беспокоится. Я всё сделаю сам!»

Тут он снимает пиджак и принимается за работу. Он посылает горничную купить на шесть пенсов гвоздей, а за нею следом — одного из мальчиков, чтобы передать ей, какого размера должны быть гвозди. С

этого момента он берётся за дело всерьёз и не успокаивается, пока не ставит на ноги весь дом.

«Ну-ка, Уилл, разыщи молоток! – кричит он. – Том, тащи линейку. Дайте-ка сюда стремянку, а лучше всего заодно и стул. Эй, Джим! Сбегай к мистеру Гоглзу и скажи ему: папа, мол, вам кланяется и спрашивает, как ваша нога, и просит вас одолжить ему ватерпас¹. А ты, Мария, никуда не уходи: надо, чтобы кто-нибудь мне посветил. Когда вернётся горничная, пусть она снова сбегает и купит моток шнура. А Том – где же Том? – иди-ка сюда, Том, ты подашь мне картину».

Тут он поднимает картину и роняет её, и она вылетает из рамы, и он пытается спасти стекло, порезав при этом руку, и начинает метаться по комнате в поисках своего носового платка. Носового платка найти он не может, потому что носовой платок – в кармане пиджака, который он снял, а куда девался пиджак, он не помнит, и все домашние должны оставить поиски инструментов и приняться за поиски пиджака, в то время как сам герой пляшет по комнате и путается у всех под ногами.

«Неужели никто во всём доме не знает, где мой пиджак? Честное слово, в жизни не встречал такого сборища ротозеев! Вас тут шестеро – и вы не можете найти пиджак, который я снял всего пять минут назад! Ну и ну!»

Тут он встает со стула, замечает, что сидел на пиджаке и хрюкает, плашает:

«Ладно, хватит вам суетиться! Я сам его нашёл. Нечего было и связываться с вами, я с тем же успехом мог бы поручить поиски нашему коту».

Но вот через каких-нибудь полчаса переломан палец, добыто новое стекло, принесены инструменты, и стремянка, и стул, и свечи, – и дядюшка снова принимается за дело. Между тем как всё семейство, включая горничную и поденщицу², выстраивается полукругом, готовое броситься на помощь. Дядюшка поручается держать стул, третий помогает дяде влезть и поддерживает его, а четвёртый подаёт ему гвозди, а пятый протягивает ему молоток, и дядя берёт гвоздь и роняет его. «Ну вот!» – говорит он оскорблённым тоном, – теперь потерялся

¹ Ватерпас – прибор, употребляемый в строительных, плотничных работах.

² Поденщица – (устар.) работница с поденной оплатой.

гвоздь». И всем нам не остаётся ничего другого, как опуститься на колени и ползать в поисках гвоздя, в то время как дядя Поджер стоит на стуле и ворчит и язвительно осведомляется, не собираемся ли мы продержаться его так до поздней ночи.

Наконец гвоздь найден, но тут оказывается, что исчез молоток.

«Где молоток? Куда я подевал молоток? Господи боже мой! Семеро олухов глаза по сторонам, и никто не видел, куда я дел молоток!»

Мы находим молоток, но тут оказывается, что дядя потерял отметку, сделанную на стене в том месте, куда надо вбить гвоздь, и мы по очереди взбираемся на стул рядом с ним, чтобы помочь ему найти отметку. Каждый находит её в другом месте, и дядюшка Поджер обзывает нас всех по очереди болванами и сгоняет со стула. Он берёт линейку и начинает всё измерять заново, и оказывается, что ему нужно разделить расстояние в тридцать один и три восьмых дюйма пополам, и он пытается делить в уме, и у него заходит ум за разум.

И каждый из нас пытается делить в уме, и у всех получаются разные ответы, и мы издеваемся друг над другом. И в перебранке мы забываем делимое, и дядюшке Поджеру приходится мерить снова.

Теперь он пытается это сделать с помощью шнура, и в самый ответственный момент, когда этот старый дурень наклоняется под углом в сорок пять градусов к плоскости стула, пытаясь дотянуться до точки, расположенной ровно на три дюйма дальше, чем та, до которой он может дотянуться, шнур соскальзывает – и он обрушивается на фортепиано, причём внезапно, с которой его голова и всё тело в одно и то же мгновение соприкасаются с клавиатурой, производит неповторимый музыкальный эффект. И тетушка Мария говорит, что она не может опустить, чтобы дети оставались тут и слушали такие выражения.

Но вот дядюшка Поджер делает наконец нужную отметку, и левой рукой наставляет на неё гвоздь, и берёт молоток в правую руку. И первым ударом он расшибает себе большой палец и с воплем роняет молоток кому-то на ногу. Тетушка Мария криком выражает надежду, что в следующий раз, когда дядя Поджер надуется, вбивать гвоздь в стену, он предупредит её заблаговременно, чтобы она могла улечься и съездить на недельку, пока это происходит, в гости к своей матери.

«Уж эти женщины! Они вечно поднимают шум из-за ерунды! – отвечает дядюшка Поджер, трудом поднимаясь на ноги. – А мне вот по душе такие дела. Приятно изредка поработать руками».

И тут он делает новую попытку, и при втором ударе весь гвоздь и половина молотка в придачу уходят в штукатурку, и дядю Поджера по инерции бросает к стене с такой силой, что его нос чуть не превращается

в лепёшку. А нам приходится снова искать линейку и веревку, и на стене появляется новая дыра; и к полуночи картина водружена на место (правда, очень криво и ненадёжно), и стена на несколько ярдов вокруг выглядит так, будто по ней палили картечью, и все в доме издерганы и валяются с ног... все, кроме дядюшки Поджера.

«Ну вот и всё! – говорит он, грузно спрыгивая со стула прямо на моль поденщицы и с гордостью взирая на произведённый им разгром. – Ну вот! А другой на моём месте ещё вздумал бы кого-нибудь нанимать для такого пустяка».

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

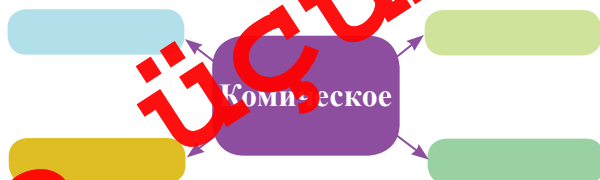
1. Определите значение слов *ярд*, *дюйм*, *пенс* по словарю.
2. С какой целью уже в начале рассказа писатель называет дядюшку Поджера «бедным»? В прямом или переносном значении употреблено это слово? Есть ли иронический подтекст в этом слове?
3. Кто, по-вашему, на самом деле «бедный» в рассказе? Обоснуйте своё мнение.
4. Найдите в первом абзаце слова, в которых раскрывается тема рассказа.
5. Как писатель достигает комического эффекта?
6. Как вы считаете, это юмористический или сатирический рассказ? Аргументируйте свой ответ.
7. Попадали ли вы в комические ситуации? Расскажите о них.
8. Придумайте комические ситуации. Выберите наиболее удачные варианты выхода из этих ситуаций.

Это интересно!

В 1914 году, когда началась Первая мировая война, 55-летний Джером К. Джером отправился добровольцем на фронт во Францию. В Великобритании его не взяли на службу из-за возраста. Писатель составлял раненых с поля боя на санитарной машине.

ОБОБЩИМ ИЗУЧЕННОЕ

1. Составьте кластер. Как вы считаете, нужно ли его дополнить?

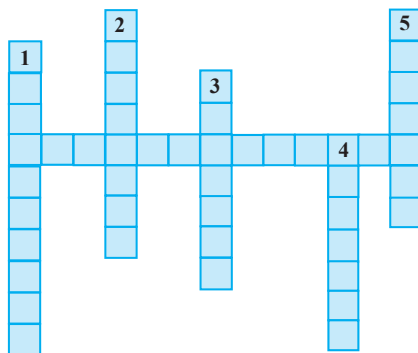

2. Сравните образы Новрузали и Дениса Григорьева. Составьте диаграмму Венна.

3. Разгадайте кроссворд.

По горизонтали: азербайджанский писатель-сатирик, редактор журнала «Молла Насреддин».

По вертикали: 1) кличка собаки из книги Дж. Джерома; 2) любимый жанр Чехова и Мамедгулузаде; 3) для чего предназначалась гайка из рассказа «Злоумышленник»? 4) фамилия сторожа, задержавшего Дениса Григорьева; 5) вид комического.

4. Проведите конкурс на лучшую инсценировку отрывка из изученных рассказов.

VI. «ВООБРАЖЕНИЕ ВАЖНЕЕ, ЧЕМ ЗНАНИЕ» (А. ЭЙНШТЕЙН)

АНТУАН ДЕ СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ (1900-1944)

Замечательный французский писатель Антуан де Сент-Экзюпери уже в детстве на полях своей тетради со стихами рисовал схемы моторов аэропланов. Когда он вырастет, на вопрос: «Откуда вы?» ответит: «Я из моего детства. Я пришёл из детства, как из страны». Фантазёр и задира, Антуан вырос в замке в атмосфере сказок, которые рассказывала мать, и придуманных им игр. Но так как писатель был ровесником XX века – века техники, он увлекался механикой. В 12 лет ему довелось полетать на самолёте, тогда он и получил «воздушное крещение».

Став в 22 года лётчиком, через год он попадает в авиакатастрофу, но через несколько лет возвращается в авиацию. Одновременно с карьерой лётчика Антуан де Сент-Экзюпери пробует себя на писательском поприще. В 35 лет, вылетев на собственном самолёте, терпит аварию в пустыне, едва избежав смерти. В июле 1944 года, во время Второй мировой войны, отправляется в разведывательный полёт, ставший для него последним. Он ушёл навстречу звёздам, как и его Маленький принц.

Одной из лучших книг писателя стала повесть-сказка «Маленький принц», изданная в США за год до его смерти. Эта сказка – это галерея образов, как бы рождённых из дымки сна или мечтаний: Принц,

Роза, Лис... Много споров возникает о том, кто или что подразумевается под ними: Роза – любовь, Лис – дружба, баобабы – зло вообще или фашизм? Эта аллегорическая сказка позволяет каждому наполнить любое слово наиболее близким ему содержанием. Однако очевидно: Маленький принц – это сам автор. В простых словах этой сказки очень много душевной боли человека, оставившего нам духовное завещание: «Глаза слепы. Надо искать сердцем!»

МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ

Леону Верту

Прошу детей простить меня за то, что я посвятил эту книжку взрослому. Скажу в оправдание: этот взрослый – мой самый лучший друг. И ещё: он понимает всё на свете, даже детские книжки. И, наконец, он живёт во Франции, а там сейчас голодно и холодно. И он очень нуждается в утешении. Если же всё это меня не оправдывает, я посвящаю эту книжку тому мальчику, каким был когда-то мой взрослый друг. Ведь все взрослые сначала были детьми, только мало кто из них об этом помнит. Итак, я исправляю посвящение:

Леону Верту, когда он был маленьким.

I

Когда мне было шесть лет, в книге под названием «Правдивые истории», где рассказывалось про девственные леса, я увидел однажды удивительную картинку. На картинке огромная змея – удав – глотала хищного зверя. Вот как это было нарисовано:

В книге говорилось: «Удав заглатывает свою жертву целиком, не жуя. После этого он уже не может шевельнуться и спит полгода подряд, пока не переварит пищу». Я много раздумывал о полной приключений жизни джунглей и тоже нарисовал цветным карандашом свою первую картинку. Это был мой рисунок №1. Вот что я нарисовал:

Я показал моё творение взрослым и спросил, не страшно ли им.

– Разве шляпа страшная? – возразили мне.

А это был совсем не шляпа. Это был удав, который проглотил слона. Тогда я нарисовал удава изнутри, чтобы взрослым было понятнее. Им ведь всё-таки нужно всё объяснять. Это мой рисунок №2:

Взрослые посоветовали мне не рисовать змей ни снаружи, ни изнутри, а побольше интересоваться географией, историей, арифметикой и правописанием. Вот как случилось, что с шести лет я отказался от блестящей карьеры художника. Потерпев неудачу с рисунками №1 и №2, я утратил веру в себя. Взрослые никогда ничего не понимают сами, а для детей очень утомительно без конца им всё объяснять и растолковывать.

Итак, мне пришлось выбирать другую профессию, и я выучился на лётчика. Облетел я чуть ли не весь свет. И география, по правде сказать, мне очень пригодилась. Я умел с первого взгляда отличить Китай от Аризоны. Это очень полезно, если ночью собьёшься с пути...

II

И вот шесть лет тому назад пришлось мне сделать вынужденную посадку в Сахаре. Что-то сломалось в моторе моего самолёта. Со мной не было ни механика, ни пассажиров, и я решил, что попробую сам всё починить, хоть это и очень трудно. Я должен был исправить мотор или погибнуть. Воды у меня едва хватило бы на неделю.

Итак, в первый вечер я уснул на песке в пустыне, где на тысячи миль вокруг не было никакого жилья. Человек, потерпевший кораблекрушение и затерянный на плоту посреди океана, и тот был бы не так одинок. Вообразите же моё удивление, когда на рассвете меня разбудил чей-то тоненький голосок. Он сказал:

– Пожалуйста... нарисуй мне барашка!

– А?..

– Нарисуй мне барашка...

Я вскочил, точно надо мною грянул гром. Протёр глаза. Смотрю осматриваться. И увидел забавного маленького человечка, который серьёзно меня разглядывал. Вот самый лучший его портрет, какой мне после удалось нарисовать. Но на моём рисунке он, конечно, далеко не так хорош, как был на самом деле. Это не моя вина. Когда мне было шесть лет, взрослые убедили меня, что художник из меня не выйдет, и я ничего не научился рисовать, кроме удавов – снаружи и изнутри...

– Но... что ты здесь делаешь?

И он опять попросил тихо и очень серьёзно:

– Пожалуйста... нарисуй барашка...

Всё это было так таинственно и непостижимо, что я не посмел отказаться... И я нарисовал.

Он внимательно посмотрел на мой рисунок и сказал:

– Нет, этот барашек уже совсем хилый. Нарисуй другого.

Я нарисовал.

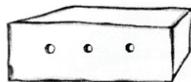
Мой новый друг мягко, снисходительно улыбнулся.

– Ты же сам видишь, – сказал он, – это не барашек. Это большой баран. У него рога...

Я опять нарисовал по-другому. Но он и от этого рисунка отказался.

– Этот слишком старый. Мне нужен такой барашек, чтобы жил долго.

Тут я потерял терпение – ведь мне надо было поскорей разобрать мотор – и нацарапал ящик.

И сказал малышу:

– Вот тебе ящик. А в нём сидит такой барашек, какого тебе хочется.

Но как же я удивился, когда мой строгий судья вдруг просиял:

– Вот это хорошо! Как ты думаешь, много этому барашку надо травы?

– А что?

– Ведь у меня дома всего очень мало...

– Ему хватит. Я тебе даю совсем маленького барашка.

– Не такой уж он маленький... – сказал он, наклонив голову и разглядывая рисунок. – Смотри-ка! Он уснул...

Так я познакомился с Маленьким принцем.

III

Не знаю, я понял, откуда он явился. Маленький принц засыпал

меня вопросами, но, когда я спрашивал о чём-нибудь, он словно и не слышал. Лишь понемногу, из случайных, мимоходом оброненных слов мне всё открылось. Так, когда он впервые увидел мой самолёт (самолёт я рисовать не стану, мне всё равно не справиться), он спросил:

– Что это за штука?

– Это не штука. Это самолёт. Мой самолёт. Он летает.

И я с гордостью объяснил ему, что умею летать. Тогда он воскликнул:

– Как! Ты упал с неба?

– Да, – скромно ответил я.

– Вот забавно!..

И Маленький принц звонко засмеялся, так что меня взяла досада: я люблю, чтобы к моим злоключениям относились серьёзно. Потом он прибавил:

– Значит, ты тоже явился с неба. А с какой планеты?

«Так вот разгадка его таинственного появления здесь, в пустыне!» – подумал я и спросил напрямик:

– Стало быть, ты попал сюда с другой планеты?

Но он не ответил. Он тихо покачал головой, разглядывая мой самолёт:

– Ну, на этом ты не мог прилететь издалека...

И надолго задумался о чём-то. Потом вынул из кармана моего барашка и погрузился в созерцание этого сокровища.

Можете себе представить, как разгорелось моё любопытство от этого полупризнания о «других планетах». И я попытался разузнать побольше:

– Откуда же ты прилетел, малыш? Где твой дом? Куда ты хочешь унести моего барашка?

Он помолчал в раздумье, потом сказал:

– Очень хорошо, что ты дал мне ящик: барашек будет там спать по ночам.

– Ну конечно. И если ты будешь умницей, я дам тебе верёвку, чтобы днём его привязывать. И колышек.

Маленький принц нахмурился:

– Привязывать? Для чего это?

– Но ведь если ты его не привяжешь, он забредёт неведомо куда и потеряется.

Тут мой друг опять весело рассмеялся:

– Да куда же он пойдёт?

– Мало ли куда! Всё прямо, прямо, куда глаза глядят.

Тогда Маленький принц сказал серьёзно:

– Это не страшно, ведь у меня там очень мало места.

И прибавил не без грусти:

– Если идти всё прямо да прямо, далеко не уйдёшь...

V

Каждый день я узнавал что-нибудь новое о его планете, о том, как он её покинул и как странствовал. Он рассказывал об этом понемножку, когда приходилось к слову. Так, на третий день я узнал о трагедии с баобабами.

Это тоже вышло из-за барашка. Казалось, Маленьким принцем вдруг овладели тяжкие сомнения, и он спросил:

– Скажи, ведь правда, барашки едят кусты?

– Да, правда.

– Вот хорошо!

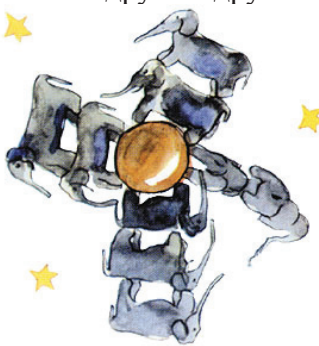
Я не понял, почему это так важно, что барашки едят кусты. Но Маленький принц прибавил:

– Значит, они и баобабы тоже едят?

Я возразил, что баобабы – не кусты, а огромные деревья, вышиной с колокольню, и, если даже он приведёт целое стадо слонов, им не съесть и одного баобаба.

Услыхав про слонов, Маленький принц засмеялся:

– Их пришлось бы поставить друг на друга...

А потом сказал рассудительно:

– Баобабы сперва, пока не вырастут, бывают совсем маленькие.

– Это верно. Но зачем твоему барашку есть маленькие баобабы?

– А как же! – воскликнул он, потому что речь шла о самых простых, азбучных истинах.

И пришлось мне поджать голову, пока я додумался, в чём тут дело.

На планете Маленького принца, как на любой другой планете, растут травы полезные и вредные. А значит, есть там хорошие семена хороших, полезных трав и вредные семена дурной, сорной травы. Но ведь семена не спят. Они спят глубоко под землёй, пока одно из них не вздумает проснуться. Тогда оно пускает росток; он расправляется и

тянется к солнцу, сперва такой милый и безобидный. Если это будущий редис или розовый куст, пусть его растёт на здоровье. Но если это какая-нибудь дурная трава, надо вырвать её с корнем, как только её узнаешь. И вот на планете Маленького принца есть ужасные, зловердные семена... это семена баобабов. Почва планеты вся заражена ими. А если баобаб не распознать вовремя, потом от него уже не избавишься. Он завладеет всей планетой. Он пронизет её насквозь своими корнями. И если планета очень маленькая, а баобабов много, они разорвут её на клочки.

– Есть такое твёрдое правило, – сказал мне позднее Маленький принц. – Встал поутру, умылся, привёл себя в порядок – и сразу же приведи в порядок свою планету. Непременно надо каждый день выпалывать баобабы, как только их уже можно отличить от розовых кустов: молодые ростки у них почти одинаковые. Это очень скучная работа, но совсем не трудная.

Однажды он посоветовал мне постараться и нарисовать такую картинку, чтобы и у нас дети это хорошо поняли.

– Если им когда-нибудь придётся путешествовать, – сказал он, – это им пригодится. Иная работа может и подождать немного, вреда не будет. Но если дашь волю баобабам, беды не миновать. Я знал одну планету, на ней жил лентяй. Он не выполол вовремя три кустика...

Маленький принц подробно мне все описал, и я нарисовал эту планету. Я терпеть не могу читать людям нравоучения. Но мало кто знает, чем грозят баобабы, а опасность, которой подвергается всякий, кто попадёт на астероид, очень велика – вот почему на сей раз я решаюсь изменить своей обычной дерзкости. «Дети! – говорю я. – Берегитесь баобабов!» Я хочу предупредить моих друзей об опасности, которая давно уже их подстерегает, а они даже не подозревают о ней, как не подозревал прежде и я. Вот почему я так трудился над этим рисунком, и мне не жалко потраченного труда. Быть может, вы спросите: отчего

в этой книжке нет больше таких внушительных рисунков, как этот, с баобабами? Ответ очень прост: я старался, но у меня ничего не вышло. А когда я рисовал баобабы, меня вдохновляло сознание, что это страшно важно и неотложно.

Маленький принц рассказал, как на его планете появился необыкновенно красивый цветок, которого принц полюбил, но бежал от него, решив странствовать с перелётными птицами.

(Почему? Вы узнаете об этом, если прочитаете повесть целиком.)

Он побывал на астероиде с полновластным монархом, на планетах у честолобца, пьяницы, делового человека, фонарщика и географа, по совету которого отправился на планету Земля.

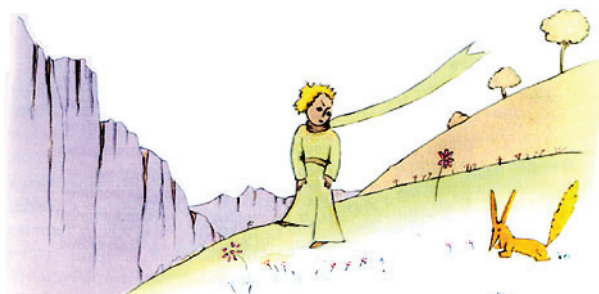
XXI

Вот тут-то и появился Лис.

– Здравствуй, – сказал он.

– Здравствуй, – вежливо ответил Маленький принц и оглянулся, но никого не увидел.

– Я здесь, – послышался голос. – Под яблоней...

– Кто ты? – спросил Маленький принц. – Какой ты красивый!

– Я – Лис, – сказал Лис.

– Поиграй со мной, – попросил Маленький принц. – Мне так грустно...

– Не могу я с тобой играть, – сказал Лис. – Я не приручен.

– Ах, извини, – сказал Маленький принц.

Но, подумав, спросил:

– А как это – приручить?

– Ты не здешний, – заметил Лис. – Что ты здесь ищешь?

– Людей ищу, – сказал Маленький принц. – А как это – приручить?

– У людей есть ружья, и они ходят на охоту. Это очень неудобно! И ещё они разводят кур. Толпы этим они и хороши. Ты ищешь кур?

– Нет, – сказал Маленький принц. – Я ищу друзей. А как это – приручить?

– Это давно забытое понятие, – объяснил Лис. – Оно означает: создать связь.

– Узы?

– Вот именно, – сказал Лис. – Ты для меня пока всего лишь маленький мальчик, точно такой же, как сто тысяч других мальчиков. И ты мне не нужен. И я тебе тоже не нужен. Я для тебя всего только лисица, точно такая же, как сто тысяч других лисиц. Но если ты меня приручишь, мы станем нужны друг другу. Ты будешь для меня единственным в целом свете. И я буду для тебя один в целом свете...

– Я начинаю понимать, – сказал Маленький принц. – Была одна роза... наверно, она меня приручила...

– Очень возможно, – согласился Лис. – На Земле чего только не бывает.

– Это было не на Земле, – сказал Маленький принц.

Лис очень удивился:

– На другой планете?

– Да.

– А на той планете есть охотники?

– Нет.

– Как интересно! А куры есть?

– Нет.

– Нет в мире совершенства! – вздохнул Лис...

Назавтра Маленький принц вновь пришёл на то же место.

– Лучше приходи всегда в один и тот же час, – попросил Лис. – Вот, например, если ты будешь приходить в четыре часа, я уже с трёх часов почувствую себя счастливым. И чем ближе к назначенному часу, тем счастливее. В четыре часа я уже начну волноваться и тревожиться. Я узнаю цену счастью! А если ты приходишь всякий раз в другое время, я не знаю, к какому часу готовить своё сердце... Нужно соблюдать обряды.

– А что такое обряды? – спросил Маленький принц.

– Это тоже нечто давно забытое, – объяснил Лис. – Нечто такое, отчего один какой-то день становится не похож на все другие дни, один час – на все другие часы. Вот, например, у моих охотников есть такой обряд: по четвергам они танцуют с деревенскими девушками. И какой же это чудесный день – четверг! Я отправляюсь на прогулку и дохожу до самого большого радника. А если бы охотники танцевали когда придётся,

все дни были бы одинаковы и я никогда не знал бы отдыха.

Так Маленький принц приручил Лиса. И вот настал час прощанья.

– Я буду плакать о тебе, – вздохнул Лис.

– Ты сам виноват, – сказал Маленький принц. – Я ведь не хотел, чтобы тебе было больно, ты сам пожелал, чтобы я тебя приручил...

– Да, конечно, – сказал Лис.

– Но ты будешь плакать!

– Да, конечно.

– Значит, тебе от этого плохо.

– Нет, – возразил Лис, – мне хорошо. Вспомни, что я говорил про золотые колосья.

Он умолк. Потом прибавил:

– Поди взгляни ещё раз на розы. Ты поймёшь, что твоя роза – единственная в мире. А когда вернёшься, чтобы проститься со мной, я открою тебе один секрет. Это будет мой тебе подарок.

Маленький принц пошёл взглянуть на розы.

– Вы ничуть не похожи на мою розу, – сказал он им. – Вы ещё ничто. Никто вас не приручил, и вы никого не приручили. Таким был прежде мой Лис. Он ничем не отличался от ста тысяч других лисиц. Но я с ним подружился, и теперь он – единственный в целом свете.

Розы очень смутились.

– Вы красивые, но пустые, – продолжал Маленький принц. – Ради вас не захочется умереть. Конечно, случайный прохожий, поглядев на мою розу, скажет, что она точно такая же, как вы. Но мне она одна дороже всех вас. Ведь это её, а не вас я поливал каждый день. Её, а не вас накрывал стеклянным колпаком. Её загораживал ширмой, оберегая от ветра. Для неё убивал гусениц, только двух или трёх, оставляя, чтобы вывелись бабочки. Я слушал, как она жаловалась и как хныкала, я прислушивался к ней, даже когда она умолкала. Она – моя.

И Маленький принц возвратился к Лису.

– Прощай... – сказал он.

– Прощай, – сказал Лис. – Вот мой секрет, он очень прост: зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь.

– Самого главного глазами не увидишь, – повторил Маленький принц, чтобы лучше запомнить.

– Твоя роза так дорога тебе потому, что ты отдавал ей всю душу.

– Потому что я отдавал ей всю душу... – повторил Маленький принц, чтобы лучше запомнить.

– Лис, забудь эту истину, – сказал Лис, – но ты не забывай: ты навсегда в ответе за всех, кого приручил. Ты в ответе за твою розу.

– Я в ответе за мою розу... – повторил Маленький принц, чтобы лучше запомнить.

XXVII

И вот прошло уже шесть лет... Я ещё ни разу никому об этом не рассказывал. Когда я вернулся, товарищи рады были вновь увидеть меня живым и невредимым. Грустно мне было, но я говорил им:

– Это я просто устал...

И всё же понемногу я утешился. То есть... Не совсем. Но я знаю, он возвратился на свою планетку, ведь, когда рассвело, я не нашёл на песке его тела. Не такое уж оно было тяжёлое. А по ночам я люблю слушать звёзды. Словно пятьсот миллионов бубенцов...

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Что вам показалось необычным в этой повести?
2. Почему повесть начинается с рассказа автора о его детстве?
3. Всегда ли взрослые понимают вас? Как вы считаете, какая разница между взрослым и ребёнком?
4. Почему подружились лётчик и Маленький принц?
5. При каких обстоятельствах мы знакомимся с Маленьким принцем? Как он описывает свою планету?
6. Что стало причиной того, что Маленький принц покинул свою планету и отправился в странствие?
7. Побывав на различных планетах, Маленький принц встретил взрослых, с которыми ему было одиноко. Какие чувства он испытывает, оказавшись на Земле?
8. Кто на Земле пришёл на помощь Маленькому принцу и открыл ему два важных секрета? Заполните схему.

9. Почему Маленький Принц решил вернуться на свою планету? Что он понял? Благодаря кому? А что понял автор?

10. Рассмотрите памятник. Почему скульптор выбрал такой проект памятника? Обоснуйте свой ответ, опираясь на информацию из Интернета о жизни Антуана де Сент-Экзюпери.

11. Проведите конкурс на лучшее изображение планеты Маленького принца.

12. Какой из рисунков, на ваш взгляд, больше соответствует образу Маленького принца? Какие штрихи к его портрету вам хотелось бы добавить?

Это интересно!

Лисичка фенек, которую Антуан де Сент-Экзюпери встретил и приручил во время службы в Марокко в африканской пустыне, стала прообразом Лиса из «Маленького принца». Фенек упоминается в произведениях таких писателей, как Ф. Герберт («Дюна»), Майн Рид («Юные охотники»), А. Труайя («Голод львят») и др.

ДЖОАН РОУЛИНГ (1965)

Свою первую сказку о приключениях Кролика Дж. Роулинг написала в 6 лет. Почти через 20 лет она начала писать «детскую книгу тысячелетия», как называют серию романов о Гарри Поттере. А между этими событиями – годы учёбы, степень бакалавра¹ искусств, работа учителем в школе.

В 1997 году вышел первый роман о Гарри Поттере, который сразу стал сенсацией. Затем Дж. Роулинг написала продолжение – ещё шесть книг. Неистовым на выдумки, она соединила в этих романах, написанных в жанре фэнтези, традиции фантастического и детективного романа.

Фэнтези – жанр фантастической литературы, основанный на использовании мифологических и сказочных мотивов. Действие в произведениях фэнтези происходит в вымышленном мире, близком к реальному. Огромное влияние на формирование жанра фэнтези оказал Джон Рональд Руэл Толкин – автор романов «Хоббит, или Туда и обратно», «Властелин колец» и др.

¹Бакалавр – академическая степень или квалификация, присуждаемая лицам, освоившим соответствующие образовательные программы высшего образования.

Книги о Гарри Поттере были переведены на 65 языков и принесли автору мировую славу. Эти книги заставляют читателя задуматься о жизни и смерти, добре и зле, любви и ненависти, вере и предательстве. В них царит дух приключений и тайн, рождающих догадки и предположения. Мир, придуманный

писательницей, самобытен и оригинален, он существует рядом с нами и в то же время не зависит от нас. Несмотря на недостижимость, он настолько притягателен, что каждый, соприкоснувшийся с ним, мечтает получить письмо с совой из Хогвартса. Единственное место, которое существует и в фильме, и в реальной жизни, – станция Кингс-Кросс в Лондоне. С неё Гарри и другие юные волшебники отправлялись на поезде с платформы с дробным номером – 9 3/4 в Хогвартс. Сейчас на этой платформе небольшой памятник – табличка с номером и тележка, которая проходит сквозь стену.

ГАРРИ ПОТТЕР И КУБОК ОГНЯ

(Отрывок)

Глава 31

Гарри Поттеру предстоит четвёртый год обучения в Школе чародейства и волшебства «Хогвартс». Новые заклинания, новые предметы, новые учителя... Но вдруг на всех обрушивается потрясающая новость – в Хогвартсе будет проходить Турнир Трёх Волшебников, который был отменён много лет назад из-за смертных случаев.

Неожиданно Гарри предстоит стать четвёртым участником, и его крёстный Сириус Блэк полагает, что кто-то собирается похитить мальчика. Успешно пройдя два испытания, Гарри с соперниками оказываются в Лабиринте – третьем испытании, на первый взгляд, не слишком опасном. Возле кубка они оказываются вместе со студентом Хогвартса Седриком...

– Бери Кубок, – тяжело выдохнул Гарри. – Скорее бери. Ты рядом.

Но Седрик не двигался. Он просто стоял и смотрел на Гарри, потом обернулся и взглянул на Кубок. Гарри видел, как ему хочется шагнуть вперёд, взять в руки главный приз Турнира. Но Седрик снова повернулся к Гарри и, собравшись с духом, отчеканил:

– Нет, иди ты бери. Ты выиграл. Сегодня ты дважды спас мне жизнь.

– Это к турниру не относится, – ответил Гарри. В душе у него бушевали противоречивые чувства: нога болела, все кости ныли после борьбы с драконом...

Седрик смотрел, как Гарри, держась за изгородь, пытается устоять на ногах.

– Ты рассказал мне про драконов, – возразил Седрик. – Если бы не это, я провалился бы ещё на первом задании.

– Мне тоже помогли, – Гарри пытался стереть кровь с ноги подолом мантии. – А ты мне помог с яйцом, так что мы квиты...

– Иди, – твёрдо сказал Седрик. Судя по лицу, решение далось ему не легко, но оно было принято бесповоротно: он стоял с каменным лицом, скрестив руки на груди, и, не отрываясь, смотрел на Гарри.

Гарри перевёл взгляд с Седрика на Кубок. На одно сияющее мгновение он представил себе, как выходит из лабиринта с Кубком в руках. Поднимает Кубок над головой, слышит рёв толпы, видит сияющее от восторга лицо Чжоу – так ясно, так близко... Картина растаяла, на её месте возникло хмурое, упрямое лицо Седрика.

– Давай пойдём оба, – сказал Гарри.

– Что?

– Вместе его возьмём. Это не только наша с тобой победа. Это победа Хогwartса. Мы её завоевали вдвоём.

Седрик изумлённо смотрел на Гарри.

– Ты... ты уверен?

– Да, – ответил Гарри. – Да... мы ведь всё время помогали друг другу. И добрались сюда оба одновременно. Так что и возьмём его вместе.

Седрик, казалось, не верит своим ушам, но ещё миг – и лицо его просияло счастливой улыбкой.

– Отлично, – сказал он. – Идём.

Он взял Гарри под локоть и помог ему доковылять до тумбы, где стоял желанный трофей. Оба протянули руки к сияющим ручкам Кубка.

– На счёт три, ладно? – предложил Гарри. – Один... два... три!

И они вместе коснулись Кубка.

В то же мгновение Гарри почувствовал знакомый толчок где-то под лопаткой. Ноги оторвались от земли. Рука, крепко держащая Кубок, не разжималась. Кубок куда-то понёс его сквозь завывание ветра и пестрый вихрь красок, и вместе с ним бок о бок летел Седрик.

Глава 32

Неожиданно для себя Гарри и Седрик оказываются не в Хогwartсе, а на кладбище, так как Кубок оказался порталом¹. Появляется слуга Волан-де-Морта, по прозвищу Хвост, неся в руках своего повелителя в слабом маленьком

¹Портал – особым образом заколдованный предмет, переносящий магов из одного места в другое.

теле. Для возрождения Волан-де-Морту требуется кровь врага. По приказу повелителя Хвост убивает Седрика самым страшным заклятием «Авада Кедавра», производит обряд – и Волан-де-Морт возрождается. Он вызывает к себе Пожирателей смерти – своих верных помощников – и по их просьбе отвечает на вопрос, как ему удалось возродиться.

Глава 33

... – Это удивительная история, Люциус, – произнёс Волан-де-Морт. – И она начинается... и заканчивается... моим юным присутствующим здесь другом.

Он неспешно подошёл к Гарри и встал рядом с ним. Теперь взгляды всех были направлены на них обоих. Змея продолжала описывать круги в траве.

– Вы, конечно, знаете, что этого мальчика называли причиной моего падения? – тихо произнёс Волан-де-Морт. Он перевёл свои красные глаза на Гарри, и шрам пронзила такая боль, что Гарри едва не вскрикнул. – Вам известно, что в ночь, когда я потерял свою силу и своё тело, я хотел убить его. Его мать погибла, пытаясь спасти его... и невольно дала ему защиту, которую, признаюсь, я не предусмотрел... Я не мог дотронуться до него.

Волан-де-Морт поднял длинный белый палец и поднёс его к щеке Гарри.

– Его мать оставила на нём след своей жертвы... Это очень древняя магия, и я должен был вспомнить... глупо было не подумать об этом... но это неважно, теперь я могу прикоснуться к нему.

Гарри почувствовал прикосновение холодного пальца, и голова его едва не разлетелась на куски от вспыхнувшей боли.

Волан-де-Морт тихо рассмеялся ему прямо в ухо, а потом убрал палец и продолжил свой рассказ.

– Должен признаться, друзья мои, я просчитался. Моё заклятие было отражено глупой жертвой этой женщины и обратилось против меня самого. О-о... это запредельная боль, друзья мои, и я к ней был совершенно не готов. Я был вырван из тела, я стал меньше, чем дух, чем самое захудалое привидение..., но всё-таки я был жив. Чем я был, не знаю даже я...

Я обосновался в далёкой глуши, в лесу, и я ждал... я был уверен, что кто-нибудь из моих верных Пожирателей смерти попытается разыскать меня... кто-нибудь придёт и осуществит волшебство, которое я сам не могу осуществить, и поможет мне вернуться в моё тело..., но я ждал напрасно...

– И вдруг, меньше года назад, когда я уже оставил всякую надежду, это, наконец, случилось... ко мне вернулся мой слуга, Хвост. Он симитировал тринадцать лет назад свою смерть, но те, кого он раньше считал друзьями, разоблачили его, и он решил вернуться к хозяину...

Но как добраться до Гарри Поттера? Ведь он сам не подозревал, насколько сильно он защищён. Дамблдор всё продумал ещё тринадцать лет назад, когда устраивал его будущее. Дамблдор использовал древнее заклятие, которое делало Поттера неприкосновенным до тех пор, пока он находился под опекой своих родственников. Даже я не мог добраться до него... ну, конечно, был ещё Чемпионат мира по квиддичу¹... Я подумал, что там, вдали от родных и от Дамблдора, его защита сойдёт на нет, но я тогда был ещё слишком слаб, чтобы пытаться похитить мальчишку, окружённого целой толпой волшебников из Министерства... Так как же захватить его?...

Естественно, пользуясь информацией, предоставленной Бертой Джоркинс! С помощью моего верного Пожирателя смерти, внедрённого в Хогвартс, добиться, чтобы имя Гарри Поттера попало в Кубок огня.

¹Квиддич – древняя спортивная командная игра, в которую играют персонажи романов Дж. К. Роулинг о Гарри Поттере.

С помощью моего верного Пожирателя смерти добиться, чтобы Гарри Поттер выиграл этот Турнир и первым коснулся Кубка, который мой слуга превратил в портал. Кубок должен перенести его сюда, подальше от защиты и помощи Дамблдора, прямо ко мне в руки. И вот он здесь... Мальчишка, которого вы все считали моим победителем...

— Сами видите, глупо было считать, что этот мальчишка мог когда-либо быть сильнее меня, — произнёс Волан-де-Морт. — Но я хочу, чтобы никто больше не заблуждался по этому поводу. Гарри Поттер избежал смерти по счастливой случайности. И сейчас я докажу это, убив его прямо здесь, у вас на глазах, здесь, где нет ни Дамблдора, который помог бы ему, ни матери, чтобы снова умереть за него. Я дам ему шанс. Он сможет сражаться, и у вас не останется ни малейшего сомнения, кто из нас двоих сильнее. Чуть-чуть сильнее, Нагайна, — шепнул он змее, и та заскользила по траве туда, где стояли Пожиратели смерти и смотрели на них во все глаза.

— Отвяжи его, Хвост, и верни ему палочку.

Глава 34

... Волан-де-Морт снова поднял палочку, но на этот раз Гарри был готов; долгие тренировки по квиддичу дали о себе знать — он тут же упал на землю, быстро перекатился и оказался за мраморным памятником на могиле отца Волан-де-Морта. Заклятие угодило в памятник, и плита треснула.

— Мы тут не в прятки играем, Гарри, — тихий, холодный голос Волан-де-Морта звучал совсем рядом. Раздался очередной взрыв смеха Пожирателей смерти. — От меня не спрячешься. Может, ты устал от нашей дуэли? Может, ты хочешь, чтобы я закончил её сейчас, Гарри? Тогда выходи, Гарри... выходи и поиграй... это будет быстро... и может быть даже не больно... я не знаю... я никогда не умирал...

Гарри скорчился за могильным камнем и думал о том, что ему конец. Надежды не было... помощи ждать неоткуда. Шаги Волан-де-Морта раздавались всё ближе, и Гарри почувствовал, что страха больше нет. Он не умрёт, сжавшись в комочек как ребёнок, играющий в прятки; он не умрёт на коленях у ног Волан-де-Морта... он умрёт, гордо выпрямившись, как его отец, и попытается закрикаться, даже если это невозможно...

Не дожидаясь, пока Волан-де-Морт высунет своё змеиное лицо из-за памятника, Гарри поднялся, крепко схватил волшебную палочку и, держа её перед собой, бросился навстречу Волан-де-Морту.

Тот был к этому готов, и в тот же самый миг, когда Гарри крикнул:

«Экспеллиармус!», раздался крик Волан-де-Морта: «Авада Кедавра!»

Из палочки Волан-де-Морта вырвался зелёный луч, а из палочки Гарри – красный. Они встретились в воздухе, на полпути, и Гарри почувствовал, как палочка в его руках завибрировала, будто через неё пропускали электрический ток. Руки его приросли к палочке, и он не смог бы выпустить её, даже если бы захотел. Сейчас соединяющий обе палочки узкий луч, был не красным и не зелёным, но пронзительно-золотым. Гарри, изумлённо проследив взглядом за этим лучом, увидел, что палочка Волан-де-Морта тоже вибрирует и трясется в его длинных бледных пальцах.

А потом случилось то, чего Гарри совершенно не ожидал – его ноги оторвались от земли. Они с Волан-де-Мортом оба поднялись в воздух, а концы их палочек по-прежнему соединяла сверкающая золотая нить...

Дымчатая тень молодой женщины с длинными волосами упала на землю, встала, посмотрела на него... Гарри, руки которого немилосердно тряслись, смотрел в призрачное лицо своей матери.

– Отец сейчас будет... – тихо сказала она. – Он хочет увидеть тебя... всё будет хорошо... держись...

И он появился... сначала его голова, потом тело... из палочки Волан-де-Морта возникла высокая, с растрёпанными, как у Гарри, волосами тень Джеймса Поттера. Волан-де-Морт смертельно побледнел от страха перед своими жертвами, которые кружили вокруг него. Отец подошёл к Гарри, посмотрел на него и заговорил тем же, доносящимся как бы издали голосом, что и все остальные, только тихо, чтобы Волан-де-Морт не услышал:

– Когда связь будет разорвана, мы задержимся на мгновение... мы дадим тебе немного времени... ты должен добраться до родителей, и они вернут тебя в Хогвартс... Понял, Гарри?

– Да, – выдохнул Гарри, сражаясь с палочкой, которая скользила в руках и в любой момент могла вырваться.

– Гарри... – прошептал призрак Седрика, – возьми моё тело с собой, ладно? Отнеси моё тело родителям.

– Хорошо, – ответил Гарри. Лицо его исказилось от напряжения – теперь он с трудом удерживал палочку в руках.

– Сделай это сейчас, – прошептал отец. – Приготовься бежать. Давай, вперёд...

– Вперёд! – крикнул Гарри.

В любом случае, дольше удерживать палочку он уже не мог. Он сильно двинулся вверх, и золотая нить порвалась... А Гарри бежал, как никогда в жизни. Он сбил с ног двух ошолобевших Пожирателей смерти

и принялся петлять, как заяц, между памятников. Вслед ему неслись заклятия, но Гарри уворачивался и только слышал треск могильных плит. Он бежал к телу Седрика, не вспоминая о вывихнутой ноге. Всё его существо было сосредоточено на том, что ему предстояло сделать...

– Оглушить его! – раздался вопль Волан-де-Морта. Гарри нырнул за мраморного ангела, футах в десяти от Седрика, и увидел только стрелы красного света. Крыло ангела с треском отвалилось. Схватив покрепче палочку, он выскочил из своего укрытия и проревел:

– Импедимента!¹ – Гарри взмахнул палочкой в сторону преследующих его Пожирателей смерти.

Послышался сдавленный крик, и Гарри понял, что задержал, как минимум, одного. Времени оглядываться не было. Он перепрыгнул через Кубок и снова бросился на землю, чтобы увернуться от направленных на него заклятий. Гарри протянул руку и ухватился за тело Седрика...

– Отойдите! Я убью его! Он мой! – крикнул Волан-де-Морт.

Гарри держал Седрика за запястье. Его и Волан-де-Морта разделял теперь всего один памятник, но тело Седрика слишком тяжело, а до Кубка не дотянуться... В темноте вспыхнули красные глаза Волан-де-Морта. Гарри увидел, как его рот изгибается в улыбке, а рука поднимает палочку.

– Акцио! – крикнул Гарри, указав палочкой на Кубок.

Кубок взлетел и тут же очутился рядом. Гарри поймал его за ручку...

Он услышал яростный вопль Волан-де-Морта в тот самый момент, когда почувствовал уже знакомый рывок под ложечкой. Портал сработал, и теперь в вихре красок и ветра они с Седриком уносились отсюда... возвращались домой...

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Как вы оцениваете поступок Гарри, описанный в 31-й главе? Как бы вы поступили на его месте? Была ли в вашей жизни подобная ситуация, когда вам нужно было сделать выбор?

2. Многие годы Волан-де-Морт охотился за Гарри, но ему так и не удалось убить его. Как вы думаете, почему?

3. Дополните кластер.

¹ Импедимента – волшебное заклинание в романах о Гарри Поттере.

4. Найдите и назовите ключевые слова, характеризующие Волан-де-Морта.
5. Что спасло Гарри Поттера? Найдите ответ на этот вопрос в прочитанном отрывке и прокомментируйте его.
6. Определите тему и идею прочитанного отрывка из романа.
7. Какой элемент композиции лежит в основе 33-ей главы?
8. Какие книги о Гарри Поттере вы читали? Какие фильмы смотрели? Что произвело на вас наибольшее впечатление? Почему?
9. Чем, на ваш взгляд, объясняется успех романов о Гарри Поттере?

Это интересно!

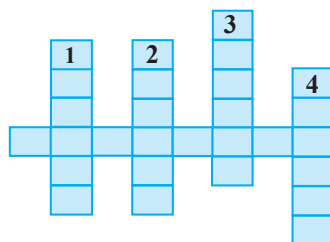
Писатель-фантаст Герберт Уэллс написал книгу, посвящённую предсказаниям развития техники в XX веке и тому, как это развитие повлияет на человечество. Почти 80% прогнозов писателя сбылось, причём 60% сбылось с большой точностью. По данной ссылке http://cripo.com.ua/print.php?sect_id=9&aid=64886 найдите информацию о сбывшихся предсказаниях писателя.

ОБОБЩИМ ИЗУЧЕННОЕ

1. Что общего между жанром фэнтези и литературной сказкой? Сравните прочитанные вами литературные сказки с романами о Гарри Поттере. В чём различия и есть ли сходство? Сделайте вывод.
2. Из данных слов выберите ключевые слова, называющие темы, общие для изученных в данном разделе произведений: природа, любовь, родина, добро, зло, дружба, война.
3. Викторина для самых внимательных, прочитавших все книги или посмотревших все фильмы о Гарри Поттере: а) Сколько всего книг о Гарри Поттере? А фильмов? б) В Министерстве Магии установлен памятник из четырёх скульптур. Назовите их; в) Победителем в какой игре, благодаря Гарри Поттеру, стал Гриффиндор? г) Кто из персонажей оказался Принцем-полукровкой?
4. Проведите дебаты на темы: а) Если бы у меня была волшебная палочка!
- б) Как хорошо, что на свете нет волшебных палочек!
5. Разгадайте кроссворд.

По горизонтали: директор школы Хогвартс.

По вертикали: 1) Где Лёлик встретился с Маленьким принцем? 2) Дерево, которое росло на планете Маленького принца; 3) Что Лис считал нужным соблюдать? 4) Крёстный Гарри Поттера.

VII. «СТИХОТВОРНЫЕ РЕЧИ – ВОЗВЫШЕННОЙ ТАЙНЫ ЗАВЕСА – ТЕНЬ РЕЧЕНИЙ ПРОРОЧЕСКИХ. ВНИКНИ. ПОЛНЫ ОНИ ВЕСА» (НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ)

МАЦУО БАСЁ
(1644-1694)

Мацуо Басё – Мунэфуса – японский поэт, сыгравший большую роль в создании поэтического жанра хайку (средневековое название – хокку). Он родился в семье самурая, получил хорошее образование, изучал поэзию, был на государственной службе, работал учителем поэзии. Долгое время Басё жил в хижине, подаренной ему одним из его учеников. Рядом с хижинкой был посажен банан (басё), поэтому хижина получила название Банановой (басё-ан), отсюда и псевдоним поэта. Поэтическое наследие Басё представлено написанными совместно с его учениками 7 антологиями¹: «Зимние дни», «Весенние дни», «Заглохшее поле», «Тыква-горлянка», «Соломенный плащ обезьяны» и т.д. Басё получил большое признание как мастер трёхстиший хокку. В классическом хокку центральное место занимает природный образ, явно или неявно соотносённый с жизнью человека. При этом в тексте должно быть указание на время года. Для этого в качестве обязательного элемента используется киго – «сезонное слово». Хокку пишут только в настоящем времени: автор записывает свои впечатления от только что увиденного или услышанного. Традиционное хокку не имеет названия, в нём не используется рифма, привычная для западной поэзии.

Искусство написания хокку – это умение в трёх строках описать момент. В маленьком стихотворении каждое слово, каждый образ приобретает особую весомость, значимость. Сказать много, используя мало слов, – главный принцип хокку. В сборниках хокку каждое стихотворение часто печатается на отдельной странице. Это делается для того, чтобы читатель мог вдумчиво, не торопясь, проникнуться атмосферой стихотворения.

1. «Осень уже пришла!» –
Шепнул мне на ухо ветер,
Подкравшись к подушке моей.

3. В гостях у вишнёвых цвётков
Я пробыл ни много ни мало –
Двадцать счастливых дней!

2. Какою свежестью веет
От этой дыни в каплях росы,
С налипшей влажной землёю!

4. Из сердцевины бутона
Медленно выползает пчела.
О, с какой неохотой!

¹ Антология – книга, в которой собраны литературные тексты сравнительно небольшого объёма: стихи, отрывки, рассказы, афоризмы, очерки, созданные разными авторами.

Иллюстрации к хокку Басё.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Чего, свойственного поэтическому тексту, нет в хайку? Почему, несмотря на это, хокку – стихотворение?
2. Вспомните стихотворение в прозе «Русский язык» И. С. Тургенева, изученное в 6-ом классе. Есть ли у него что-либо общее с хокку?
3. Назовите вид тропа, использованный в первом хокку.
4. Каким чувством проникнуто второе хокку?
5. Ветка сакуры – вишни – символ Японии. Какая идея воплощена в третьем хокку?
6. Определите тему четвёртого хокку.
7. Найдите в Интернете хокку современных авторов, подберите к ним иллюстрации. Подготовьте презентацию.

Это интересно!

У японцев есть ритуал «чайная церемония». Они также считают, что каждый человек должен владеть мастерством стихосложения. Любители поэзии во время чаепития произносят мудрые речи, читают стихи, устраивают состязания, кто лучше сочинит стихотворение.

МИКАИЛ МУШФИГ (1908-1939)

Исмаилзаде Микаил Мирза Абдулгадир оглу – азербайджанский поэт, автор лирических стихов, поэм и сказок. Ещё в раннем детстве он потерял родителей. Осиротевшего мальчика взяли под опеку его родные. Окончив в 1931 году Высший педагогический институт (ныне – Азербайджанский педагогический университет), преподавал литературу в школах.

Мушфиг начал писать с 1926 года и за короткое время стал одним из признанных азербайджанских поэтов. Поэт любил жизнь и людей, восхищался трудовыми буднями страны.

О чём бы он ни писал, какой бы темы ни касался, он стремился воспеть новое, раскрыть духовный мир человека. В творческом наследии Мушфига большое место занимают поэмы «Среди буровых», «Гая», «Мой друг», «Дядя Джаби», «Пастух». Мушфиг также активно пропагандировал традиционные азербайджанские музыкальные инструменты, которые были запрещены тогдашним режимом.

Выступая перед делегатами III пленума Союза писателей Азербайджана со стихами «Листики раздумий», созданными в форме рубаи¹, поэт стремился передать свои ощущения времени, свои настроения и мечты. 18 апреля 1937 года стихи были опубликованы в «Литературной газете», а уже в следующих номерах газеты появились статьи с обвинениями поэта в измене.

Таким образом, судьба Мушфига была практически предрешена. 8 января 1938 года после непродолжительного судебного заседания «врагу народа» был вынесен смертный приговор, который был приведён в исполнение.

Один из посёлков Гарадагского района Баку назван в честь поэта Мушвигабадом. Именем Микаила Мушфига названы также улица в Баку, школа в Гяндже. В настоящее время идёт строительство станции Бакинского метрополитена «Микаил Мушфиг».

Я позвал тебя – и душа моя тас... Мама! Как я о маме в стихах
– Мама, – прошептал, чуть не плача, – Расскажу? Не смогу я, не смею...
– Мама, мама, твой облик от нас... Все признанья заветные – прах,
Уплывает, в тумане маяча... И тускнеют слова рядом с нею.

¹Рубаи – лирический жанр восточной поэзии, четверостишие.

Нет на свете красивой такой,
Прелесть матери неповторима.
Слово – сердце. За каждой строкой
Только память, как облачко дыма.

Может, надо их вырвать и сжечь?
Давит память на сердце живое,
Но коснусь – и звучит её речь,
И большее становится вдвое.

Голос мамы звучит, как свирель,
Даже стих – только эхо той песни,
Что певала она, мою колыбель
Тихо трогая в спальне тесной.

О Мушфиг, ты уже не помнишь её.
Ты на мать не успел наглядеться,
Шло без матери детство твоё,
Сиротливое, бедное детство...

Далеко улетели года,
И сиротская грусть отлетела.
Жизнь полна, и походка тверда,
Есть и цель, и любимое дело.

Ты – святыня, которой живу!
Стала мне и стезёй¹, и мечтою,
И раскрыла ты мне наяву
Небо счастья – всегда золотое.

(Перевод М. Кондински)

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Выразительно прочитайте стихотворение. Соблюдайте интонацию и темп речи, правильно расставляя логические ударения. Уделите особое внимание паузам.

2. Определите, в каких строках выражена идея стихотворения. Какой теме оно посвящено? Почему?

3. Как вы считаете, почему лирический герой стихотворения хочет «вырвать и сжечь» строки своих стихов?

4. Какой вид тропа чаще других употребляется в стихотворении?

5. Как вы понимаете высказывание Мушфига: «Трудности учат жизни. И в них, как правило, всегда есть смысл – главное суметь его увидеть?»

6. Прочитайте предсказание поэта: «Я верю в будущее своей страны. Я верю, что придёт день, когда земля наша будет цвести в реальности, как в наших мечтах». Как вы считаете, сбылось ли оно? Подготовьте презентацию, иллюстрирующую ваше мнение.

Это интересно!

Отец М. Мушфига Мирза Абдуллах-бей открыл в Баку школу. Плату за обучение у бедных учащихся он не брал.

Днём в этой школе учились молодёжь, а по вечерам он обучал грамоте пожилых людей. Одним из учеников этой школы стал азербайджанский писатель, драматург Джафар Джаббарлы.

¹ Стеза – путь, дорога.

БОРИС ЛЕОНИДОВИЧ ПАСТЕРНАК (1890-1960)

Хотя Борис Леонидович Пастернак получил мировое признание и Нобелевскую премию за роман «Доктор Живаго», в историю русской литературы он вошёл в первую очередь как поэт. Выросший в обстановке музыки и живописи, он изучает философию в Московском и Марбургском (Германия) университетах. Охладев к философии, Пастернак посвящает себя поэзии. В 1922 году выходит книга «Сестра моя – жизнь», в которой он проявляет себя уже зрелым, самобытным поэтом. Революционные потрясения не могли пройти мимо него, но Пастернак сумел сохранить свою независимость от политической ситуации. Поселившись в дачном посёлке литераторов Переделкино, поэт пишет стихи, по мнению официальных властей, «не соответствующие эпохе». Его перестают публиковать, и тогда он начинает заниматься переводами, спасая свою семью от безденежья. Пастернак создаёт ставшие классическими переводы трагедий Шекспира. В послевоенные годы он пишет роман «Доктор Живаго», опубликованный в Италии, в котором по сути осуждает революцию, что вызывает травлю писателя. Стихи, оставленные им, свидетельствуют о его любви к жизни. О неповторимости каждого дня, о памяти счастливых мгновений, запечатлённых в описании внешнего мира, говорится в стихотворении «Единственные дни», написанном за год до смерти.

ЕДИНСТВЕННЫЕ ДНИ

На протяжении многих зим
Я помню дни солнцеворота,
И каждый был неповторим
И повторялся вновь без счёта.

Я помню их наперечёт:
Зима подходит к середине,
Дороги мокнут, с крыш течёт,
И солнце греется на льдине.

И целая их череда
Составилась мало-помалу
Тех дней единственных, когда
Нам кажется, что время стало

И люлящая, как во сне,
Друг к другу тянутся поспешней,
И на деревьях в вышине
Потеют от тепла скворешни.

И полусонным стрелкам лень
Ворочаться на циферблате,
И дольше века длится день,
И не кончается объятье.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Выразительно прочитайте стихотворение, соблюдая интонацию и темп речи, правильно расставляя логические ударения. Уделите особое внимание паузам.
2. Определите значение незнакомых слов по контексту.
3. Какие чувства вызывает у вас стихотворение? Почему его можно отнести к философской теме?
4. Что означает выражение «дни солнцеворота»? Почему именно эти дни поэт назвал «единственными»?
5. Какая строчка выражает идею стихотворения? Как называется такой троп?
6. Каким размером написано стихотворение?
7. Подготовьте музыкально-литературную композицию по лирике Б. Пастернака.

Это интересно!

Строчка из стихотворения «Единственные дни» Б. Л. Пастернака: «И дольше века длится день...» стала названием романа киргизского писателя Чингиза Айтматова.

НАЗЫМ ХИКМЕТ (1902-1963)

Замечательный турецкий поэт Назым Хикмет родился в аристократической семье, однако революционный дух, доставшийся от деда, и ненависть к деспотизму, внушённая матерью, художницей Айше Джемиле, пробудили в нём бунтарство. Уже детские стихи были проникнуты сочувствием к простому народу. В 14 лет юноша поступает в военно-морское училище, где выступает против грубости офицеров, участвует в освободительной борьбе против интервенции, пишет стихи, призывающие к борьбе за независимость. Побывав в Советской России, он знакомится с поэзией В. Маяковского, покоровшей его. После возвращения на родину Назым Хикмет был арестован. 17 долгих лет он провёл в тюрьмах. Здесь он не прекращает заниматься творчеством. В 1950 году мировая общественность добилась освобождения поэта, но ему пришлось покинуть родину. Последние годы жизни он провёл в Москве.

Самое лучшее море
то, где ещё не плавал.
Самый лучший ребёнок
тот, кто ещё не вырос.
Самые лучшие дни нашей жизни

те, что ещё не прожиты.
И – прекраснейшее из слов,
Что сказать я тебе хотел,
То, что ещё не сказал я...
(Перевод М. Павловой)

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. К какой теме можно отнести это стихотворение? О чём Назым Хикмет размышляет в нём?
2. Что поэт считает «самым лучшим»? Каким словом можно назвать это мироощущение?
3. Выскажите предположение, о каких несказанных словах говорит автор в последних строках. Попробуйте сами написать стихотворение, начав его со слов «Самый (-ая, -ое, -ые) лучший (-ая, -ее, -ие) ...».
4. Проведите дискуссию по высказыванию Назыма Хикмета, которое стало девизом его жизни: «Если я гореть не буду, если ты гореть не будешь, если мы гореть не будем, – кто ж тогда рассеет тьму?» Как называется троп, использованный в этих строках?
5. Найдите в стихах любимых поэтов строки, которые могли бы стать девизом вашей жизни.
6. Прослушайте музыку азербайджанского композитора А. Меликова к балету «Легенда о любви», либретто¹ к которому написал Назым Хикмет. Поделитесь своими впечатлениями с одноклассниками.

ПОЭТИЧЕСКИЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ

Цифровые стихи отличаются от традиционных тем, что в них вместо слов зарифмованы различные цифры. Однако по форме это настоящие стихи. В цифровых стихотворениях есть и рифма, и ритм, и размер. Единственное, что в них отсутствует, – это смысл.

Читать цифровые стихи надо вслух и с выражением. Попробуйте, это очень просто. Достаточно произносить написанные числа в определённом ритме.

Когда появился этот вид поэзии, сказать трудно. Одни утверждают, что цифровые стихи появились благодаря программистам, которые стремятся всё оцифровать. Другие утверждают, что мода на стихи в числах пришла к нам с Запада в 90-е годы XX века. Цифровые стихи выглядят так:

А.С. Пушкин

17 30 48
140 10 01
126 138
140 3 501

Басё

127 148 230
14 12 20?
...

С.А. Есенин

14 126 14
132 17 43...
16 42 511
704 83

Фигурные стихи, представляющие собой изображения различных предметов, появились в древней Александрии около IV века до нашей эры. Это искусство привлекало таких знаменитых писателей и поэтов, как Ф. Рабле,

¹Либретто – текст драматизированного музыкально-вокального произведения (оперы, оперетты, кантаты и оратории)

Г. Державин, Л. Кэрролл, Г. Аполлинер, И. Бродский и др.

Фигурные стихи имеют множество форм – треугольника, пирамиды, звезды, сердца, лестницы, дождя, птицы, дерева.

Льюис Кэрролл включил в свою книгу о приключениях Алисы в стране чудес стихотворение в виде мышиного хвоста.

К концу XX века эта интеллектуальная игра внезапно обрела новое, современное звучание, удивительное для своего древнего возраста.

В тёмной комнате,
с мышью оставшись
вдвоём, хитрый пёс
объявил: «Мы судиться
пойдём! Я скучаю
сегодня: чем время
занять? Так пойдём
же: я буду тебя
обвинять!» –
«Без присяжных, –
воскликнула мышь, –
без судьи! Кто
же взвесит тогда
оправдания мои?» –
«И судью, и
присяжных
я сам заменю, –
хитрый пёс
объявил, –
И тебя
я казню!»

(Л. Кэрролл)

Я
еле
качая
верёвки,
в синели
не различая
синих тонов
и милой головки,
летаю в просторе
крылатый, как птица,
меж лиловых кустов!
Но в заманчивом взоре,
знаю, блещет, алая, зарница!
Я и счастлив ею без слов!

(В. Брюсов)

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Выразительно прочитайте цифровые стихи, соблюдая соответствующие темп, ритм и интонацию. Сравните их со строками из произведений А. С. Пушкина, С. А. Есенина, Басё.

2. Составьте синквейн в виде фигурного стихотворения, придав ему форму ёлочки.

3. Составьте вопросы для викторины по содержанию VII раздела.

Это интересно!

Самый плодовитый писатель в мире – М. Паркер. Он создал компьютерную программу «Long Tail», которая собирает информацию из баз данных Интернета и с помощью специального шаблона за 15 минут создаёт из неё книги. Себестоимость такой продукции – 25 центов.

ƏDƏBİYYAT 8

Ümumtəhsil məktəblərinin 8-ci sinfi üçün
Ədəbiyyat fənni üzrə

DƏRSLİK

(Rus dilində)

Tərtibçi heyət:

Müəlliflər:	Çingiz Bədəlov Nailə Bədəlova Olqa Yevtuşenko Səkinə Məlikova
Naşir	Xəlil Həsənoğlu
Redaktor	Hafiz Rüstəm
Texniki redaktor	Jalə Kərimli
Bədii redaktor	Ləsfət Talıbova
Korrektor	Billurə Ələkbərova
Dizayner	Tural Səfiyev

Azərbaycan Respublikası Təhsil Nazirliyinin
08.06.2015-ci il tarixli 645 nömrəli
əmrinə əsasən təsdiq edilmişdir.

© Azərbaycan Respublikası Təhsil Nazirliyi – 2015.

Müəlliflik hüquqları qorunur. Xüsusi icazə olmadan bu nəşri və
yaxud onun hər hansı hissəsini yenidən çap etdirmək, surətini
çıxarmaq, elektron informasiya vasitələri ilə yaymaq qanuna ziddir.

Fiziki çap yerəti 1300. Formatı 70x100 1/16.
Səhifə sayı 208. Ofset kağızı. Jurnal qarnituru. Ofset çapı.
Tirajı 2424. Pulsuz.

“KÖVSƏR” NƏŞRİYYATI

Bakı, AZ 1010, Dilarə Əliyeva küç., 251A/8A